

В. А. КОЧЕРГИНА

**СЛОВО-
ОБРАЗОВАНИЕ
САНСКРИТА**

В. А. КОЧЕРГИНА

СЛОВО- ОБРАЗОВАНИЕ САНСКРИТА

(Префиксация и основосложение)

Дорогому и чудескоуважаемому
Олегу Сергеевичу
на другую паштэ.

Могучина

13/II-91.

Издательство
Московского
университета
1990

ББК 81
К 75

Р е ц е н з е н т ы:

доктор филологических наук *М. В. Раевский*
доктор филологических наук *Б. А. Захарьин*

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Кочергина В. А.

К 75 Словообразование санскрита.— М.: Изд-во МГУ,
1990.— 208 с.

ISBN 5—211—00869—3

В монографии развивается учение о словообразовании санскрита, восходящее к лингвистической концепции Ф. Ф. Фортунатова и опирающееся на достижения современного отечественного языкоznания. Новым в работе является то, что словообразование санскрита впервые последовательно отграничивается от других процессов, происходящих в морфологии. Особое внимание уделяется сравнительно-историческим и типологическим аспектам проблемы, что является актуальным для изучения современных языков Индии и разработки теории словообразования.

Для специалистов-филологов, преподавателей.

К 4602000000—051
077(02)—90 171—90

ББК 81

ISBN 5—211—00869—3

© В. А. Кочергина, 1990

О Т А В Т О Р А

Изучение санскрита за пределами Индии вступило в третье столетие*. Оно до сих пор продолжает оставаться лабораторией компаративистики, так как закладывает основы для овладения методикой сравнительно-исторических исследований. Сравнительно-историческое изучение индийских языков дополняется в современном языкоznании их типологическим изучением. Индологи разных профилей стремятся к знакомству с санскритом и санскритоязычной литературой для научного, филологически обоснованного подхода к изучению языков современной Индии и ее культурного наследия.

Автор адресует свою книгу как компаративистам, так и индологам и стремится при исследовании словообразования санскрита сочетать сравнительно-исторический и собственно индо-логический подходы.

Словообразование индийских языков исследовано недостаточно. Как в старых, так и в сравнительно недавних работах по санскриту представлено традиционное описательное словообразование, содержащее в основном инвентарь словообразовательных средств.

В настоящее время теоретическое языкоzнание достигло столь значительных успехов в области разработки вопросов словообразования, что настало время для исследования словообразования санскрита в соответствии с новым уровнем развития научной теории.

Предлагаемая работа опирается на теоретические положения современного, прежде всего отечественного, языкоzнания, на работы, в большей или меньшей степени связанные с московской школой академика Ф. Ф. Фортунатова.

Объект изучения данной монографии определяет не только набор исследовательских приемов, но и принципы подачи материала. Данные языка, исследуемого по текстам, требуют документирования источников и ссылок на словари.

При переводах санскритского слова, особенно в случае его многозначности, после приводимого значения дается ссылка на «Санскритско-русский словарь» с указанием страницы для возможности ознакомления с системой значений в целом. Если в «Санскритско-русском словаре» слово отсутствует, дается ссылка на Большой Петербургский словарь с указанием тома (рим-

* См.: Кочергина В. А. Санскрит в современном языкоzнании // Вестн. Моск. ун-та. Сер. XIII. Востоковедение. 1986. № 4.

скими цифрами) и страницы. В случае повторного употребления иллюстрирующего слова оно дается без ссылки.

В ссылках на санскритский памятник, иллюстрирующий текст изложения, указывается сокращенное название памятника, следующие далее цифры обозначают часть или песнь, главу (или действие, раздел) и номер шлоки, стиха или (для драмы) строки. Список принятых сокращений приводится ниже.

Применяемые в работе сокращения в названиях лингвистических терминов на латинском языке и санскрите поясняются в случае необходимости в постраничных сносках.

В цитатах на русском языке указываются автор работы, год издания и номер страницы. При этом следует заметить: если приводится цитата из работы иностранного автора, имеющейся в русском переводе, то после фамилии автора указывается год издания и номер страницы перевода.

Автор считает своим долгом выразить благодарность профессору М. Д. Степановой, доктору филологических наук М. С. Андронову, коллективам кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ и кафедры индийской филологии ИСАА при МГУ за участие в обсуждениях настоящей работы, за высказанные замечания и советы.

Принятые в работе сокращения

Памятники литературы

- Arth.— Arthaçāstra
Āp. dh.— Āpastambīya dharmasūtra
Kathās.— Kathāsaritsāgara
Kāty. Cr.— Kātyāyana çrautasūtra
Kumāras.— Kumārasambhava
Chānd. Up.— Chāndogyopanisad
Taitt. Up.— Taittirīyopanisad
Daçak.— Daçakumāracaritā
N.— Nalopāknyāna
Pañc.— Pañcatantra
P.— Pānini
Bhag.— Bhagavatgītā
Bhāg. P.— Bhāgavatpurāna
M.— Manusmṛti
Mbh.— Mahābhārata
Megh.— Meghadūta
Yājñi.— Yājñavalkyasmṛti
Ragh.— Raghuvanṣa
Raja-Tar.— Rājatarāṅginī
Rām.— Rāmāyana
RV.— Rgveda

Vikram.— Vikramorvaçī
Çat. Br.— Çatapathabrahmaṇa
Çāk.— Çākuntala
Hariv.— Harivança
Hit.— Hitopadeça

Словари

- БПС— Большой Петербургский словарь. St. Petersburg, 1855—1875.
- СРС.— Коcherгина В. А. Санскритско-русский словарь. М., 1987. Изд. 2-е.
- Cap.— Cappeller. C. Sanskrit-Wörterbuch. Strassburg, 1887.
- КМ.— Klaus Mylius. Wörterbuch Sanskrit Deutsch. Leipzig, 1975.
- Macd.— Macdonell A. A. A practical Sanskrit Dictionary. New Delhi, 1973.
- MW.— Monier-Williams M. A. Sanskrit-English Dictionary. New Delhi, 1976.

ГЛАВА I

ВВЕДЕНИЕ В ИССЛЕДОВАНИЕ САНСКРИТСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

1. Для сравнительно-исторического индоевропейского языкоznания исключительно ценный по широте охвата материал представляют индийские языки, поскольку история развития индоарийских языков Индии зафиксирована в литературных памятниках на протяжении более чем трех тысячелетий. «Ни у одной из других языковых групп не наблюдается такой продолжительной и непрерывной истории, какой располагают арийские языки в Индии главным образом благодаря наличию последовательности достоверных текстов, начиная с ведийского» (Чаттерджи 1977: 40—41).

Древнеиндийские языки своеобразно продолжают жить в современных индийских языках и являются неиссякаемым источником обогащения лексики новоиндийских языков, относящихся как к индоевропейской, так и к дравидской семье, а также и ряда языков Юго-Восточной Азии — тайского, индонезийского, малайского, японского и др. (Попов 1968; Бескровный 1965; Бархударов 1979).

Не менее значительна и более известна языковедам роль, которую сыграли древнеиндийские языки в формировании и развитии сравнительно-исторического языкоznания как науки.

Начиная с классического труда Ф. Боппа, языковеды-компаративисты не могут рассматривать вопросы системно-структурного строения индоевропейских языков в их сравнительно-историческом освещении, заниматься как ближней, так и дальней реконструкцией индоевропейского без учета фактов, предоставляемых древнеиндийскими языками.

В настоящее время роль привлечения данных санскрита особенно очевидна в исследованиях по фонологии и морфонологии древних индоевропейских языков, в работах по этимологии и семантике отдельных языков индоевропейской семьи.

Интенсивно развивающаяся в последние десятилетия область теоретического языкоznания — словообразование — остается при этом все же в стороне.

1.1. Сведения по древнеиндийскому словообразованию содержатся с большей или меньшей степенью полноты в многочисленных санскритских грамматиках и монографиях по санскриту.

В древнеиндийском языкоznании интересны «Нирукты» — труды, посвященные вопросам этимологии (*nīrukta* — букв. «название имени (бога)»), и «Нигханту» — составленные по определенным принципам ряды ведийских слов (*nighantu* — букв. «нанизывание, связывание»). Элементы словообразовательного подхода содержат древнеиндийские описательные грамматики (*vyākaraṇa* — «грамматика» — букв. «разъединение, анализ»).

Наиболее ранний и сохранившийся труд «Нирукта» составлен Яской (Yāska) и представляет собой одну из первых известных науке систематизаций лексики по семантико-этимологическому принципу. «Нирукта» Яски состоит из введения и пяти разделов. Во введении излагаются те лингвистические понятия, важность которых при подходе к описанию лексики, видимо, хорошо осознавалась. Так, прежде всего дается классификация слов по частям речи.

У Яски отмечаются элементы словообразовательного подхода к анализу слов. В своем труде он пользуется такими понятиями, как *dhātu*, *nigama*, *kṛt*, *taddhita*.

Dhātu (букв. «вещество, субстанция») обозначают некие исходные элементы, образующие нигамы (Nirukta I, 14).

Nigama (букв. «ввод, введение») — корни, к которым непосредственно возводятся конкретные слова (Nirukta V, 3), своего рода «мотивирующие слова» (Катенина, Рудой 1980: 70).

Термином *kṛt* (kṛg «делать») обозначаются суффиксы, при помощи которых из корней образуются имена, т. е. первичные суффиксы («*kṛt pratyaya*»). Термин *kṛt* обозначает также сами эти производные имена (Nirukta I, 14).

Термин *taddhita* (*tad+hita* — pp. от *dhā* «ставить, класть, давать») — название суффиксов, с присоединением которых образуются имена от производных образований (Nirukta II, 2), т. е. вторичные суффиксы («*taddhita pratyaya*»). Имена, образованные с вторичными суффиксами, также обозначаются термином *taddhita*.

«Нирукта» Яски стоит у истоков возникновения индийской лингвистической традиции, которая связывается прежде всего с именем Панини (Pāṇini, V в. до н. э.) — автора восьми книг грамматических правил — *astādhyāyī* (букв. «Восьмикнижие»).

Произведение Панини во многом является систематизацией уже изученных до него многочисленных языковых явлений. Известно, что часть терминологии, которой пользуется Панини, сложилась до него. Так, в «Восьмикнижии» используются рассмотренные выше термины *dhātu*, *nigama*, *kṛt*, *taddhita*¹.

Со взглядами Панини и его предшественников на слово как на нечто вечное, неизменяющееся «связано принципиальное неразличение словоизменения и словообразования: словоизменение рассматривается школой Панини как замена (ādeṣa «предписание») одного слова другим. Смена окончания, как и любого аффикса, означает выбор нового слова — столь же неизменной отдельной сущности, как и первоначальная» (Катенина, Рудой 1980: 74).

Развивая мысли своих предшественников, Панини формулирует теорию происхождения слов языка из первоначальных эле-

¹ Критическое рассмотрение оснований для деления суффиксов на *kṛt* и *taddhita* см.: Burrow 1976 : 114—115.

ментов *dhātu*, воспринимаемых как конечный результат лингвистического анализа в грамматике и в этимологии². Термин *dhātu* начинает употребляться как обозначение глагольного корня. При описании разрядов слов Панини вводит противопоставление «глагол» (*dhātu* — Pāṇini I, 3.1) — «неглагол» (*prātipadika* — Pāṇini I, 2. 45—46). Далее Pāṇini дается сокращенно — Р.). Панини признается составителем первого списка исходных глагольных корней — *dhātupatha*, о чем подробнее речь будет в IV главе. Поскольку он полагал, что все слова восходят к *dhātu*, деление слов на *dhātu* и *prātipadika* выступает у Панини как основной словообразовательный принцип.

У Панини приводится (I, 4, 58) тот же список слов *ipasarga*, что и в труде Яска. Однако Панини относил эти слова к более обширному разряду слов, к частицам (*pīrāta*). Частицы получали признаки слов *ipasarga* лишь тогда, когда они употреблялись с глаголом (*ipasargāḥ kriyāyoge* — Р. I, 4. 59). Поэтому существует мнение, что Панини трактует *ipasarga* как глагольные приставки (Misra 1966). Ввиду важности этого вопроса для нашего исследования проблема существования префиксов в древнеиндийском особо рассматривается в I разделе II главы.

Вопросам словообразования в «Восьмикнижии» отводится в основном II глава — сложные слова, частично III глава — отглагольное словообразование, главы IV и V — отыменное словообразование.

Сложные слова, по Панини, делятся на четыре типа. Мы перечислим их, сохранив его последовательность:

1) *avuayībhāva* (Р. II, 1, 5—21), т. е. «ставшее неизменяемым». Этот тип словообразования, как мы его представляем по Панини, оказывается неоднородным по отношению между элементами, составляющими слово. Единство типа *avuayībhāva* составляет выражение II элемента как неизменяемого слова, например *apuvanam* — «вблизи леса», *rāgēgābgam* — «по ту сторону Ганга»;

2) *taṭpurusa* (Р. II, 1,22—2,22), т. е. «его человек»³. Общим у этих слов является зависимость I элемента от II, главным является значение II элемента. I элементом могут быть существительные в значении различных падежей (особенно родительного — см. Р. II, 2, 10—11), например *gājākāpū* «дочь царя». I элементом могут быть прилагательные, например *piṭotra-*

² Эта теория разделялась не всеми индийскими языковедами. Так, против нее выступал Гаргья. Спорность распространения ее на все слова языка особенно очевидна при рассмотрении правил деривации, сформулированных Панини для слов *upādi* (подробнее об этом см.: Chakravarti 1933, глава «The Origin of Speech»).

³ В древнеиндийской лингвистической традиции принято в качестве термина использовать один из образцов рассматриваемого явления, поэтому большинство лингвистических терминов представляет собой слова-примеры, по которым называются все подобные им слова.

та «голубой лотос». Подобные слова упоминаются у Панини (II, 2, 38) под названием *karmadhāraya*. Значение термина неясно. Существует значительное количество литературы по вопросу о толковании этого термина. К этому же типу отнесены слова *dvigu* (Р. II, 1, 24, 52), т. е. «две коровы» — сочетание числительного с существительным, например *trīloka* «три мира»;

3) *bahuvrīhi* (Р. II, 2, 23—28), т. е. «имеющий много рису». Слова такого типа являются определением другого предмета (*apekam anyapadarthe*), к ним относятся такие определения, как апуагира «имеющий другой вид»;

4) *dvandva* (или *dvamdvā* (Р. II, 2, 29—34), т. е. «два и два». Это сочетание слов, которое может быть соединено союзом «и»; (*cārthe dvandvah*): *mātāpitaraū* «мать и отец», *ahorātgam* «день и ночь».

Панини писал о числе и роде сложных слов (Р. II, 4, 1—31), а также об ударении (Р. VI, 2) в них.

К «*Astāadhyāyī*» создавались комментарии и дополнения⁴, самым значительным из которых является «Великий комментарий» Патанджали (II в. до н. э.). Патанджали писал: «В некоторых сложных словах главным является значение I элемента, в некоторых — значение II элемента, в некоторых — значение постороннего слова, в некоторых — значение обоих элементов. С главным значением I элемента — авьяйибхава, с главным значением II элемента — татпуруша, с главным значением в постороннем слове — бауврихи, с одинаково значимыми обоими элементами — двандва» (Р. I, 6. 20 и 49).

Один из известных последователей Панини, грамматист Вопадева, делил тип *taṭpurusa* на три группы: (составлено) *taṭpurusa* — слова с I элементом существительным, *karmadhāraya* — слова с I элементом прилагательным, *dvigu* — с I элементом числительным. Такое деление как практически удобное стало общепринятым. Итак, древнеиндийские ученые установили шесть основных типов сложных слов⁵: *avuayibhāva*, *taṭpurusa*, *karmadhāraya*, *dvigu*, *bahuvrīhi*, *dvandva*. Это деление мы встречаем и в грамматиках современных индийских языковедов.

На отглагольном и отыменном словообразованиях, представленных в частях III, IV и V книг Панини, мы останавливаться не будем, так как вопросы суффиксального словообразования в целом выходят за рамки темы предлагаемого исследования.

В заключение отметим только, что «труд Панини представляет собой детальное описание словоизменения и актуального,

⁴ О них и о роли Панини, а также перечень работ по вопросам истории языкознания в Древней Индии см.: Катенина, Рудой 1980.

⁵ Для нашего исследования не представляется целесообразным описывать и вводить в работу встречающееся у древнеиндийских ученых более дробное подразделение некоторых из основных типов сложных слов (например, *uparada samasa*, представляющие один из видов *taṭpurusa*).

более или менее «грамматического» словообразования древнеиндийского языка на средней ступени его развития — послеведийской, т. е. уже не санскрита, однако еще не классического санскрита поздней античности и средневековья» (Катенина, Рудой 1980: 73).

1.2. Переходя к истории изучения санскритского словообразования в европейском языкоznании, следует сразу же сказать, что представляется невозможным и ненужным рассмотрение всех работ по этому вопросу.

Почти все, что когда-либо писалось, например о сложных словах в любом индоевропейском языке, не могло не затрагивать основосложения санскрита.

Имеются также работы по общим вопросам того или иного языка, в которых по ходу исследования используются данные древнеиндийского словообразования. Такое использование санскрита отличает, в частности, работы русских лингвистов (см., например: Потебня 1968; Фортунатов 1956) ⁶.

Ранние европейские работы по древнеиндийским языкам были отмечены прямой зависимостью авторов от работ древнеиндийских грамматистов ⁷. «Все эти работы отличаются друг от друга большей или меньшей ясностью, полнотой и точностью в сообщении языкового материала», — отмечал Ф. Бопп (Ворр 1868: IV).

Т. Бенфей же (Benfey 1852; 1855), придерживаясь в целом индийской языковой традиции, предложил европейские названия для древнеиндийских лингвистических терминов. Так, для сложных слов это copulative (*dvandva*), determinative (*tatprusa*, *karmadhāraya* и *dvigu*), relative (*bahuvrīhi*) и inflexible (*avyaibhāva*) *Zusammensetzungen*, а также compositionsartige Wörter (в основном *āmreditā*). Бенфеем высказывается оригинальное мнение, что в сложное слово может перейти любое синтаксическое сочетание, что приведет позже к теории происхождения сложных слов из придаточных предложений (Jacobi 1897).

Один из основоположников сравнительно-исторического языкоznания Ф. Бопп в своих трудах обращал пристальное внимание на древнеиндийское словообразование. Так, в «Критической грамматике санскритского языка» (Ворр 1868) ⁸ вопросам словообразования посвящены три главы. В главе «Von Wurzeln

⁶ Мы не будем останавливаться и на работах, важных по высказываниям о сущности словообразования или по гипотезам о происхождении аффиксов или сложных слов санскрита. По мере надобности на эти работы будут даваться ссылки. Для нас важно осветить основные этапы изучения древнеиндийского словообразования и остановиться на работах, отразивших новые стороны его изучения в истории развития санскритологии и сравнительно-исторического языкоznания.

⁷ Имеются в виду работы Вилкинса (Wilkins), Форстера (Forster), Колебрука (Colebrook).

⁸ Используется 4-е издание сокращенной санскритской грамматики Ф. Боппа, составленной на основе его труда «Ausführliches Lehrgebäude» (1827), переведенного на латинский язык под названием «Grammatica sanscritica» (1832).

und Präfixen» («О корнях и префиксах», § 106—114) он пишет, что индийские грамматисты не признавали производными сочетания глаголов со словами *upasarga*, а рассматривали сочетания *api-gacchati* («он идет к ...») как два слова (Ворр 1868: 74). Критически относясь к традиционному мнению индийских ученых, Бопп замечает, что слова *upasarga* даже в ведийском языке, независимо от контактного или дисконтактного положения по отношению к глаголу, всегда представляли вместе с глаголом смысловое единство.

Бопп обращает внимание на тот никем ранее не отмечавшийся факт, что слова *upasarga* «придают нередко корням, с которыми они сочетаются, значение, которое едва ли может быть выведено (кайт erwarten läßt) из первоначального значения каждой составляющей части в отдельности; например, *jñā* «знать, быть знакомым», с *api-* значит «разрешать, отпускать», с *prati-* — «обещать...» (Ворр 1868: 80). Бопп приводит перечень слов *upasarga*, именуемых им в случае их сочетания с глаголами, префиксами. Перечень префиксов, по Боппу, приводится в таблице 1. Общеиндоевропейские префиксы *su*, *dus* и *a privativum* Бопп не считает возможным причислять к классу санскритских префиксов *upasarga*, так как они употребляются только с существительными и прилагательными и «по значению они являются не предлогами, а наречиями» (Ворр 1868: 80). Таким образом, Бопп связывает употребление слов *upasarga* в качестве префиксов только для случаев глагольного словообразования.

Именное словообразование рассматривается в главе «*Wortbildung*» («Словообразование», § 527—584). Образование имен достигается «почти исключительно прибавлением суффиксов», считает Бопп (Ворр 1868: 355). Он придерживается взгляда Панини на происхождение слов от глагольных корней и как следствие этого признает индийское деление суффиксов на *kṛt* и *taddhita*. Глава «Словообразование» состоит соответственно из двух разделов. В разделе об образовании простых слов (*primitive Wörter*) рассматриваются образование причастий, инфинитивов, деепричастий (§ 528—570) и отыменное (включая и отадъективное) словообразование (§ 571—578). При рассмотрении последнего перечисляются все суффиксы *kṛt* (включая и *upādi*, всего 74 суффикса) и затем каждый суффикс приводится с характеристикой круга значений образуемого с ним существительного или прилагательного. Большое внимание уделяется звуковым преобразованиям в исходных корнях. Завершает раздел список корней, которые «неправильны» при спряжении и при словообразовании.

Раздел об образовании производных основ начинается с рассмотрения звуковых преобразований: врдхиования в патронимических именах и префиксах *vi-*, *pi-* и *su-*, содержащихся в исходных производных основах, и с закономерностей измене-

ния конечных гласных. Приводятся списком почти все суффиксы *taddhita* (всего 75) и затем каждый из них рассматривается при характеристике исходной («производящей», как бы мы сказали теперь) основы и круга значений производного.

Глава «Словообразование» представляет для нас интерес как одно из самых ранних описаний инвентаря санскритских суффиксов при внимании к смысловой стороне производных.

В главе «*Compositum*» («Сложение») Бопп кратко останавливается на сочетаниях глаголов *man* «думать», *dā* «давать», *as* «быть», *bhū* «быть» и *kag* «делать» с некоторыми наречиями, отмечая, что большинство глаголов характеризуется словообразованием, рассмотренным в главе «Корни и префиксы».

Переходя к рассмотрению сложных имен (§ 587—614), Бопп следует в их классификации грамматисту Вопадева и устанавливает следующие шесть типов сложных слов: copulative *Composita* (*dvandva*), Possessiva (*bahuvrīhi*), Determinativa (*karmadhāraya*), *Abhängigkeits-Composita* (*tatpurusa*), collective *Composita* (*dvigu*), adverbiale *Composita* (*avyayībhāva*). Как компаративист Бопп уделяет большое внимание звуковым закономерностям основосложения.

Работы Боппа сыграли важную роль как для использования санскрита в работах по сравнительно-историческому индоевропейскому языкознанию, так и в работах, посвященных специально исследованию древнеиндийских языков. Его обозначениями типов сложных слов, представляющими европейские эквиваленты индийских терминов, пользуются последующие исследователи, например М. Мюллер (Müller 1866).

Следующий этап в изучении санскритского словообразования связан с работой Витни, изданной впервые в 1878 г. и неоднократно переиздававшейся (Whitney 1973). Вопросам словообразования посвящены в ней четыре главы — XV и XVI — частично, XVII и XVIII — полностью.

В главе XV рассматривается словообразование с «предложными префиксами» (with Prepositional Prefixes). Отмечается, что все глагольные формы, как личные, так и неличные, часто встречаются в сочетании со словами направления, элементами наречного характера, так называемыми предлогами или глагольными префиксами. «Практически в позднем языке это выглядит так, словно из корня и префикса был образован сложный корень, от которого, так же как от простого корня, строится затем все спряжение» (Whitney 1973: 395).

Приводится список префиксов, повторяющий список Ф. Боппа (за исключением *tiras* и *puras*), и, кроме того, префиксы располагаются по их употребительности с глаголами.

Витни указывает, что перед корнем может стоять более одного префикса, причем отмечается агглютинирующий характер таких сочетаний.

На единство префикса с корнем указывают наличие единого удара в префиксальном глаголе (на префиксе — при личных

формах, на корне — при неличных формах) и действие эвфонических правил. Позже, в главе XVI, рассматриваются (раздел 121) неотделяемые префиксы — *a-/an-*, *sa-*, *dus-*, *su-*. Витни пишет, что в раннем древнеиндийском они употреблялись как префиксы существительных и прилагательных, реже — наречий, очень редко — местоимений. В позднем древнеиндийском можно отметить случаи их прилагательного употребления.

Глава XVI посвящена рассмотрению неизменяемых слов. Для нас представляют интерес разделы об образовании наречий. Витни не усматривает различий между суффиксами, образующими наречия, и падежными окончаниями имен. Далее следует описание этих суффиксов с указанием, какой тип наречий и от какого типа основ образуется с каждым из них. Отдельно рассматриваются падежные формы имен, употребляемые в функции наречий. В разделе 1118 Витни пишет (ссылаясь на части XV главы) о глагольных префиксах и подобных им сложах. Сочетаясь с именами, они сближаются по значению с прилагательными (см. 1281 ff, 1305).

Глава XVII «Derivation of Declinable Stems» посвящена образованию именных основ. Проведя разграничение на суффиксы *sat* и *taddhita*, Витни признает, что между ними нет полного и последовательного различия. Это подтверждается и тем фактом, что «первичные суффиксы присоединяются также к корням, представляющим собой производные с глагольным префиксом» (Whitney 1973: 420).

Подробное описание набора первичных суффиксов санскрита привлекает внимание указанием на часть речи производящей основы (корня), на род производного слова и в большинстве случаев характеристикой круга значений производных. Производные имена рассматриваются с дифференциацией по частям речи и сопровождаются историческими справками. Обстоятельно освещены вопросы ударения в производных с первичными суффиксами.

С такой же степенью полноты и по тем же признакам описаны вторичные суффиксы и образованные с ними производные. В Витни отчетливо выступают новые принципы подхода к изложению вопросов словообразования — не только описание инвентаря словообразовательных морфем, семантическая характеристика производных, наличие исторической перспективы в их рассмотрении, но и указание на частеречную принадлежность производящей основы или корня.

Глава XVIII «Formation of Compound Stems» целиком посвящена детальному описанию сложных слов, основосложению. Здесь тоже должны быть отмечены теоретические обобщения как дальнейшая ступень в исследовании древнеиндийских сложных слов. Этому в значительной мере способствовали успехи сравнительного изучения индоевропейской семьи языков и та роль, которую отводили санскриту.

Витни делит сложные слова на три основных класса: Сори-

lative Compounds; Determinative Compounds (dependent Compounds, descriptive Compounds); Secondary Adjective Compounds. Витни пытается вскрыть своеобразие основосложения в санскрите (см., например, разделы 1292—1308, посвященные словам *bahuvrīhi*). Используя богатый материал ведийского языка и классического санскрита⁹, Витни устанавливает возможность генетического подхода к явлениям словообразования. Именно это позволило ему выделить в санскрите префиксы в сфере глагольного словообразования, отметить агглютинирующую технику синтеза префиксов и корня в полипрефиксальных глаголах. Несмотря на обоснование статуса префиксов в санскрите, Витни, следуя индийской традиции, признает именные сочетания с префиксами сложными словами типа *karmadhāgaya* и *bahuvrīhi*. Витни не усматривает органической связи между типами сложных слов и их возможных взаимопереводов.

Сближение основосложения с явлениями синтаксического порядка находит свое наиболее ясное выражение у Шпейера (Speyer 1886). В новых западных языках сложные слова никогда не представляют предмета синтаксиса, пишет Шпейер (Speyer 1886: 145), тогда как «санскритский синтаксис имеет дело со сложными словами» (Speyer 1886: 146). Шпейер выделяет три основные группы сложных слов: *dvandva*, *tatpurusa* и *bahuvrīhi*. Это те же группы, что и у Витни, но с использованием индийской терминологии. Шпейер высоко ценил работы древнеиндийских грамматистов и часто ссылался на них. Хотя Шпейер исследовал три периода древнеиндийского языка, его работа, в отличие от грамматики Витни, лишена в основном исторического подхода к явлениям словообразования.

В 1896 г. появляется «Санскритская грамматика» Кильхорна (Kielhorn). В ней нет специальной главы, посвященной деривации в санскрите. Вопросы словообразования затрагиваются в VIII, IX и X главах Грамматики.

В VIII главе — «Предлоги и другие глагольные префиксы» (§ 486—490) — приводится список предлогов, «которые обычно присоединяются к глагольным корням и их производным» (Kielhorn 1896: 211). Отмечаются сочетания из нескольких предлогов в функции префиксов (например, *samupāgam* <*sam*+*upa*+ā+*gam*— «to come together near to»).

Указываются слова, употребляемые как префиксы, причем при каждом из них приводится глагол (или глаголы), сочетание с которым реально. Например, *accha* «хороший, хорошо» сочетается с *vad* «говорить»; *antar* «внутрь, между» сочетается с *i*, *gam* «идти», *dhā* «ставить, класть» и *bhū* «быть, находиться» и т. д., всего восемь слов, каждое — с перечнем сочетающихся с ним глаголов.

В главе IX — «Образование именных основ» — последняя

⁹ Отсутствие использования материалов эпического санскрита обусловило появление дополнения к грамматике Витни в виде работы: Holtzmann A. Grammatisches aus Mahābhārata. Leipzig, 1884.

часть отводится рассмотрению основосложения в связи с лексикой санскрита. Кильхорн делит сложные слова на четыре класса, по Ф. Боппу и М. Мюллеру (примеры которого он часто использует), и нередко сопоставляет санскритские сложные слова с английскими.

В конце X (последней) главы — «Неизменяемые слова в предложении» — указываются (с. 275—284) предлоги, употребляемые с различными падежами. С винительным падежом — anu — «along», «after»; upa — «after», abhi, pari, prati — «in the direction of, towards»; с отложительным падежом — ара, pari — «excepting», «except in»; ā — «up to», «until», «from», «since»; prati — «in return or exchange for»; с местным падежом — adhi — «ruling over»; upa «above», «in addition to». Приводимые автором примеры показывают как препозитивное, так и постпозитивное употребление рассматриваемых служебных слов.

В работе Кильхорна четко проводится тема основообразования в санскрите, хотя ограничение основообразования от словаизменения не всегда последовательно. Так, рассмотрение склонения основ предшествует правилам основообразования. Внимание к изучению основ санскрита позволяет Кильхорну впервые определить сложные слова санскрита как явление основосложения. Впервые достаточно полно описывает Кильхорн вопросы глагольного словообразования, но не префиксальное словообразование, которое только упоминается, а образование сложных глаголов, устойчивых глагольных сочетаний. Явление префиксального глагольного словообразования, так же как и функция предлогов-послелогов в системе языка, не могло быть исторически соотнесены потому, что в книге специально отмечаются различия ведийского языка и классического санскрита. Грамматика Кильхорна представляет, пожалуй, последнюю работу, построенную на широком использовании данных индийской языковой традиции.

Наметившиеся уже пути разработки словообразования санскрита — вопросы генезиса, выдвинутые в работе Витни, и проблема функций сложных слов в системе древнеиндийских языков, поставленная Шпайером, — представлены наряду с исчерпывающим описанием всех видов именного сложения в труде Вакернагеля, самом обширном исследовании по основосложению санскрита, впервые изданном в 1896 г. (Waskernagel II, 1, 1957). Именным суффиксам, которых мы в своем обзоре специально не касались, посвящена вторая часть II тома его грамматики, подготовленная А. Дебруннером (Debrunner II, 2, 1954).

Интересующая нас I часть II тома имеет подзаголовок «Einführung zur Wortlehre. Nominalcomposition» — «Введение в учение о слове. Именное сложение». Вакернагель характеризует словарный состав древнеиндийского, отличающийся по возрасту и по происхождению. Независимо от этих различий слово древнеиндийского языка состоит из ряда частей. То, что остается у имени и глагола после отделения флексивных окончаний,

называют основой. То, что остается в слове после отделения всех формативов, называется корнем. Под формативом (Formativ, Formans) Вакернагель понимает в соответствии с Бругманом совокупность основообразовательных и словообразовательных средств в слове (Brugmann 1904: 285). Рассматривая сложившиеся в древнеиндийском способы словообразования и основообразования, Вакернагель пишет, что в целом образовательные типы (Bildungstypen) санскрита восходят к праязыку (Grundsprache) и что древнеиндийское словообразование, как и словообразование в других родственных языках, пронизано аномалиями; «имеющиеся формативы реализуются непоследовательно» (Wackernagel 1957: 15). Оказывается, что к подобным аномалиям отнесены супплетивизм и характерная для фузийных языков нестандартность аффиксов при образовании форм слов (например, -sya и -as как окончания Gen. sg.). Таким образом, у Вакернагеля практически не различаются образование основ и образование форм (образование парадигмы), и термин «форматив» приобретает очень широкое значение как любое средство морфологической деривации.

Подробно описывает Вакернагель звуковые изменения (samdhī), действующие при образовании именных основ и композитов (§ 55—57), и внимательно исследует вопросы акцентуации на протяжении всего последующего изложения. Вакернагель устанавливает признаки сложения (Komposition), включающие прежде всего единство ударения и соблюдение особых (внутренних) сандхи. Развитие сложения Вакернагель усматривает в переходе от паратаксиса к синтезу, что, как он считает, вообще заложено в тенденции языкового развития (Wackernagel 1957: 27).

Рассмотрение сложений Вакернагель начинает с подробного анализа первого, а затем и второго элемента сложения. В первом случае представляет интерес детальное рассмотрение префиксов, сочетающихся с существительными и прилагательными. «В силу своей наречной природы они могут, так же как и обычные наречия, детерминировать понятие последнего члена сочетания, выраженного прилагательным или существительным... Например, с одной стороны, вед. vi-mah-ī «очень большой», ati-krsna «совершенно черный», с другой стороны, вед. rga-pārāt «правнук», vi-uac «протестующий возглас», кл. ava-tamāśā «редеющий мрак» (Wackernagel 1957: 70). Те же префиксы образуют многочисленные сочетания с глаголами и отглагольными именами. Рассматриваются изменения некоторых префиксов в составе производных (api>pi, ava>va, adhi>dhi, sam>sa, и.-е. *sm). Каждому именному префиксу посвящен особый параграф, содержащий семантическую характеристику префикса и дающий представление о его употреблении (вопросы ударения, звуковых изменений) и происхождении.

Рассмотрение последних членов сочетаний (§ 36—54) предшествует исследованию сложных слов. Вакернагель описывает

пады сложных слов (§ 58), затем он отдельно останавливается на основосложении *dvandva*, на определительных сложных словах с отглагольным последним элементом, а также с последним элементом прилагательным, на определительных сложных словах с существительным в качестве последнего элемента¹⁰ *ba-huvṛ̥hi* и на сложных словах с «управляющим первым элементом». Работа Вакернагеля содержит обилие фактического материала, который берется главным образом из классической санскритской литературы. Об эпическом санскрите он пишет: «Эпический санскрит является не старой, а скорее народной формой языка религиозного» (Wackernagel 1957, XIV). Поэтому Вакернагель считает достойным изучения только классический санскрит, соответствующий грамматическим правилам Панини.

Однако к индийской лингвистической традиции Вакернагель относится критически. Он, первый из европейских санскритологов, полностью отказывается от положительной оценки работ индийских лингвистов и строит свое исследование на принципиально иных основах и с иными задачами. Основными теоретическими предпосылками в исследовании вопросов генезиса основосложения являлись у него признание существования прайзыка и признание теории Якоби об образовании сложных слов из придаточных предложений. Каково было состояние словосложения в период «прайзыка», предполагается весьма произвольно. Характерна, например, следующая формулировка: «...первый элемент перед отглагольным именем имел первонациально всегда падежную форму, но уже в прайзык проникает форма основы» (Wackernagel 1957: 201). Что же касается точки зрения Якоби, то она принимается Вакернагелем в ряде случаев без всяких оговорок. Даже, например, в случае, когда речь идет о наиболее архаичном сочетании глагольного корня, как *pomen agentis*, с существительным (Wackernagel 1957, § 78). Работа Вакернагеля представляет богатейший фактический материал по ведийскому языку и особенно по классическому санскриту. Работа может служить справочником при ознакомлении с литературой XIX в. по словообразованию.

Вакернагель исследовал санскрит без сравнения его с другими индоевропейскими языками. В этом отношении представляют контраст труды К. Бругмана. Вопросы словообразования рассматриваются в его статье, специально посвященной исследованию словосложения в индоевропейских языках (Brugmann 1905), и в I части II тома *Grundriss'a* (Brugmann 1906), носящей подзаголовок «*Wortbildungslehre (Stammbildungs- und Flexionslehre)*» — «Учение о словообразовании (учение об основообразовании и словоизменении)».

¹⁰ Вакернагель говорит, что сочетание с существительным в качестве первого элемента равноценно родительному падежу (это едва ли правильно — см. III главу настоящего исследования).

По мнению Бругмана, понятие об основообразовании и словоизменении покоятся на сближении и более или менее тесном слиянии (*Verschmelzung*) первоначально самостоятельных элементов. Ставшие едиными (*einheitlich*), формы дают начало словообразовательным типам, по которым можно создавать все новые и новые слова. «Еще и сегодня мы часто образуем подобным образом словоформы по образцам (*Mustern*), которые вошли в употребление (*ins Leben getreten waren*) еще задолго до распада индоевропейской языковой общности» (Brugmann 1906: 1). Так появлялись все новые типы образования слов, которые побуждали (*reizten*) к воспроизведению. Отдельные древнейшие типы форм, которые в основном определяют морфологический характер индовропейских языков, пишет далее Бругман, остаются живыми во всех местах распространения индоевропейского, и образования, возникающие посредством срастания синтаксических языковых комплексов, вынуждены постоянно придерживаться рамок (букв. «колеи» *Gleisen*), предписанных этими типами.

При исследовании процессов образования новых слов Бругман считает необходимым исходить из противопоставления имен и местоимений, с одной стороны, глаголов — с другой (Brugmann 1906: 2). При этом отмечается, что обе сферы образования слов захватывают одна другую. Так, от именных основ образуются деноминативные глаголы, а от глаголов образуются именные формы (причастие, инфинитив, супин).

Синтаксический комплекс слов, объединившийся в единую словоформу (*Wortseinheit*), Бругман называет композитом. Из композитов возникают простые слова (*Simplices*). Подчиненный член композита, выступая регулярно в более обширных рядах слов, становится со временем суффиксом или префиксом. Нельзя провести четкой границы между синтаксическим сочетанием слов и композитом, между композитом и простым словом. Как видим, в вопросе о возникновении слов и их элементов Бругман придерживается гиперонимического пути. В его концепции образования слов отчетливо проводится идея историзма. Впервые у него появляются рассуждения об образовании новых слов по исторически сложившимся образцам или моделям, как сказали бы мы сейчас.

Бругман, говоря о наблюдении над фактами мертвых языков, отмечает: «В настоящее время мы абсолютно не в состоянии контролировать сами (эти) многочисленные процессы сложения, которые происходили еще перед распадом индоевропейской языковой общности; мы можем только фиксировать (*hiereinheften*) их непосредственные или опосредствованные результаты как нечто данное (*als gegebene Tatsachen*)» (Brugmann 1906: 16), т. е. исследование словообразования в мертвых языках всегда ретроспективно.

Исходя из общетеоретических предпосылок, изложенных выше, Бругман рассматривает сначала именное и местоименное

основообразование и словоизменение, включающие именное
сложение, — § 10—50, имена с основообразующими суффикса-
ми — § 55—136 (последние рассматриваются далее с точки зре-
ния значения, обусловленного этими суффиксами, — § 137—158)
и имена без основообразующих суффиксов, или корневые
(§ 159 и далее).

Особо рассматривает Бругман глагольное сложение, имеющее первым членом наречия, предлоги или частицы. «Во многих случаях, где дело доходит до (образования) композита, синтаксическая функция сочетания слов, смысловые отношения, которые возникают между ним как членом предложения и другими членами предложения, остаются неизменными. Само по себе образование композита никогда не дает поэтому в подобных случаях повода для синтактико-формального новообразования у члена композита, определяющего грамматический характер комплекса. Эти сложения можно обозначать как экзокентрические. К ним относятся глагольные композиты как лат. *prō-fero...*» (Brugmann 1906: 71—72).

Бругман последовательно придерживается того взгляда, что индоевропейское словообразование во всех своих частях (*in allen ihren Teilen*) поконится в основном на сложении. Таким образом, изучение слово- и основосложения Бругман считает важнейшей задачей при исследовании словообразования. Бругман стремится прежде всего вскрыть смысловые отношения между синтаксической конструкцией и сложным словом. Обращаясь к подробному рассмотрению основоположения, Бругман предлагает две классификации сложных слов. Первая состоит в рассмотрении сложных слов на основе составляющих их частей речи. Три основные группы намечены в зависимости от выражения II элемента (II элемент — глагол; падежная форма, придаточное или местоимение; наречие). Вторая классификация основана на синтаксическом отношении элементов сложного слова и фиксирует семь видов сложных слов: 1) Iterativcomposita, или *Amreditā-Verbindungen*, 2) Kopulativcomposita, или *dvandva*, 3) Verbale Rektionscomposita, 4) Composita mit präverbaler Präposition (Partikel), 5) Präpositionale Rektionscomposita, 6) Determinative Nominal-Composita, или *taṭpurusa*, 7) Mutierte Composita, или *bahuvrīhi*.

Бругман останавливается на истории именных сложных слов прежде всего с точки зрения звуковых изменений. В историческом очерке говорится о сложных словах не только санскрита, но и других индоевропейских языков, материалом которых пользуется Бругман в сравнительной грамматике. Отсюда классификация сложных слов по частям речи не отражает своеобразных черт индийского слово- и основосложения, тогда как классификация по отношению между элементами, сделанная на основе индийской классификации, не всегда соответствует типам сложных слов в современных европейских языках. При всей ограниченности исторических экскурсов в работе Бругмана

важно отметить, что изучение фактов санскрита сделало для него очевидным различие видов сложных слов в одном и том же языке различных исторических периодов.

Общее положение Бругмана о том, что считать сложным словом, подвергается пересмотру со стороны Пауля (Paul XIV). Примеры и исходные положения при изучении сложных слов, данные Бругманом, получают развитие в небольшой работе Рихтера (Richter IX).

Состоящая из общей и специальной частей, работа Рихтера интересна главным образом как отдельное исследование сложных слов типа *dvandva* в их историческом развитии.

Дальнейшее изучение словаобразования на фоне других языковых явлений санскрита представлено в появившейся в 1905 г. популярной книге Тумба (Thumb 1953). Сложные слова рассматриваются как синтаксическое явление. Следует анализ сложных глаголов, сложных имен и немногочисленных сложных наречий. Сложные имена делятся на соединительные, определятельные и притяжательные, каждое из которых подробно анализируется. В заключение упоминаются *Satzkomposita*, такие, как *itihāsa*. Материалом для Тумба служил классический санскрит. Автор собирался совместить в своей грамматике описание и историю сложных слов. Однако вопросы истории играют далеко не главную роль. Тумб не ссылается обычно на авторитет индийских ученых и рассматривает сложные слова по образцу, данному исследованиями словосложения в современных европейских языках.

Из иностранных работ по санскриту 30—50-х годов необходимо сказать о творчестве Рену (Renou 1930; 1952; 1953; 1954; 1956). Просто и скжато характеризует Рену типы сложных слов, как они намечены древнеиндийскими учеными. К сложным словам отнесены *āmredita*. Какое значение придает исследователь знанию и правильному использованию учения индийских грамматистов, показывает его перевод трех книг «Правил» Панини (Renou 1948), в число которых входит и книга вторая, где в основном рассматривается словообразование.

В обзоре основных работ по изучению словаобразования санскрита пристального внимания заслуживает книга Барроу (Barrow), изданная в Лондоне в 1955 г. (русский перевод, 1976). Явления санскрита рассматриваются в ней на широком сравнительно-историческом фоне индоевропейских языков, прежде всего языков древних.

Вопросам словообразования посвящены гл. IV «Образование имен» и гл. VI — раздел о несклоняемых частях речи.

Детальное рассмотрение суффиксального образования основ в IV главе (§ 2—20) — описание корневых имен, тематических основ с различными суффиксами и с *vrddhi* суффикса — сопровождается указанием рода образующейся основы и ее частеречной принадлежности.

В процессе изложения способов суффиксального образова-

ния именных основ Барроу развивает свою концепцию генезиса суффиксального словаобразования в санскрите и в других индоевропейских языках. Т. Я. Елизаренкова в примечании к странице 114 кратко формулирует принципы словаобразования Барроу «следующим образом»:

- 1) все фонемы могут выступать в качестве суффиксов;
- 2) первоначально между этими суффиксами не было различия в значении;
- 3) различие в значении развило в результате позднейшей специализации;
- 4) главную роль в словаобразовании играла оппозиция места ударения — на корне или суффиксе, чему соответствовала оппозиция: средний род /ом. *actionis*/ — общий род /прилагательных /ом. *agentis*. Эта теория словаобразования, исходящая в значительной степени из данных хеттского языка, в этом отношении дающих недостаточную информацию, слишком гипотетична, во-первых, и механистична, во-вторых. При такой интерпретации реальное санскритское словаобразование утрачивает свою прозрачность. К тому же, как отмечают рецензенты, автор недорочно пренебрегает изучением употребления слов в текстах и оперирует в своих построениях то *нарах* логотепа ведийских текстов, то искусственными образованиями грамматиков» (Birgrov 1976: 371).

В главе, посвященной образованию имен, случаи префиксального образования существительных и прилагательных отсутствуют.

Префиксальное словаобразование затрагивается в гл. VI, § 3 «Несклоняемые части речи». Рассматривая древнейшие типы индоевропейских наречий, Барроу пишет: «Ряд наречий, функционирующих как глагольные приставки, имеет форму неизменяемых тематических основ, это *áva* «вниз», *ára* «прочь от», *úra* «плоть до, близко» и *rág* «вперед»¹¹. Так как тематический суффикс первоначально употреблялся для образования прилагательных, то слова этого типа можно считать застывшими ненесклоняемыми адъективными основами, которые приобрели функцию предлогов и глагольных приставок» (Birgrov 1976: 261).

Отмечается наличие в древних индоевропейских языках ряда наречных образований, употребляемых для уточнения отношений между формами имени, т. е. наличие предлогов-последелогов. «По сравнению с ведическим языком, — пишет Барроу, — более поздний санскрит заметно беднее словами такого типа, так что расхождение между санскритом и индоевропейскими языками обычного типа есть отчасти результат регressiveного развития» (Birgrov 1976: 266).

Слова с функцией предлогов-последелогов употребляются также и как глагольные приставки. Приводится их перечень (см.

11 Здесь не даем эквивалентов древнегреческого, приводимых у Барроу.

табл. 1, стлб. 1б). Исключительно как глагольные приставки функционируют *up-*, *pi*, *ragā-*, *gra-*, *ava-* и *vi-* (табл. 1, стлб. 1а). Сочетание глаголов с предложными приставками Барроу считает «распространенной чертой индоевропейского» (Birgrow 1976: 267). В то же время он отмечает, что система «предлогов-послелогов, употребляемых с именами, в санскрите гораздо менее развита, чем в родственных ему языках. С другой стороны, употребление того же класса слов в роли глагольных приставок в санскрите развито в той же мере, как и в других индоевропейских языках» (Birgrow 1976: 268). Заметим это высказывание Барроу, а также его мнение о том, что нет особых правил относительно порядка расположения нескольких приставок при одном корне (кроме приставки *ā-*). Эти положения будут проверены во II главе монографии.

Сравнивая развитие глагольного словаобразования в ведийском языке и поздних формах санскрита, с одной стороны, и в гомеровском, и позднейшем греческом, — с другой, Барроу приходит к интересной мысли, что «развитие системы глагольного словаобразования шло параллельно по разным языкам» (Birgrow 1976: 268).

В ведийском приставки, функционирующие еще как самостоятельные слова наречного типа, несут на себе ударение. В классическом санскрите приставки прекращают существование как самостоятельные слова (за исключением небольшого количества слов-послелогов) и утрачивают самостоятельное ударение «в пользу второго члена сложного слова» (Birgrow 1976: 269). Ранее (с. 264) Барроу вскользь упоминает слова «*auyuayībhāva* как сложные, первым членом которых является предлог» (разрядка в обоих случаях моя.— В. К.). Как видим, в вопросе об ограничении производных и сложных слов Барроу следует древнеиндийской традиции. С позицией, которую он занял в этом вопросе, вступает в противоречие его определение признаков сложных слов, которое будет приведено ниже.

При рассмотрении сложных слов в § 22 IV главы Барроу поддерживает уже высказывавшееся рядом исследователей мнение о том, что основосложение (по Барроу, словосложение) является особенностью языка классического периода, искусственным средством, не основанным на употреблении в разговорном языке. «Считается, что в «Ригведе» словосложение имеет не большее значение, чем в греческом эпохи Гомера,— пишет Барроу.— С точки зрения сравнительного языкоznания ценность представляют главным образом данные ведического языка, так как неограниченное развитие именного словосложения в поздней классической литературе искусственно и не опирается на практику устной речи» (Birgrow 1976: 197).

Основными чертами сложного слова Барроу считает: 1) форму основы у I элемента сложения и возможность самостоятельного употребления в языке, 2) объединение в сложное слово

двух элементов под одним ударением. Барроу приводит древнеиндийское деление сложных слов на *tatpūrīsa* (включая и *karmadhāraya*), *bahuvrīhi*, *dvandva* и *avyayībhāvā*. Два первых типа являются общими для всех индоевропейских языков, два последних развились на индийской почве. В целях сжатости описания Барроу делит индоевропейские типы сложных слов (*tatpūrīsa*, *karmadhāraya* и *bahuvrīhi*) на: 1) слова, употребляемые в качестве существительного и 2) слова, употребляемые в качестве прилагательного. Первые различаются в зависимости от выражения I элемента прилагательным или существительным-приложением и существительным, стоящим по отношению ко II элементу в зависимости, которая адекватна падежной. Вторые различаются по выражению последнего элемента прилагательным или существительным. Барроу отмечает, что сложные слова в качестве существительного встречались в древних индоевропейских языках реже, а сложные слова в качестве прилагательного были представлены очень обильно. При детальном рассмотрении каждого из указанных типов сложного слова с их подгруппами Барроу постоянно указывает на степень их продуктивности в различные периоды существования древнеиндийского и дает, где это возможно, сопоставления с аналогичными сложными словами других индоевропейских языков. Важно отметить, что Барроу связывает развитие сложных слов *tatpūrīsa* и *karmadhāraya*, а отчасти и *bahuvrīhi* с особенностями древнего индоевропейского грамматического строя: основа имени существительного или имени прилагательного употреблялась с другим именем без оформления соответствующей падежной флексией. «Сложные слова как система, — пишет Барроу, — являются окаменелыми остатками более древнего состояния индоевропейского, которое давно уже вытеснено языковым типом с сильно развитой флексией, представленным в санскрите и классических языках» (Birgrow 1976: 197).

Рисуя картину развития сложных слов санскрита, особенно более позднего, классического, Барроу пишет, что практика появления их «не только расходится с древним употреблением и индоевропейским употреблением вообще, — она явно шла вразрез с любой формой разговорной речи, преобладавшей в Индии в тот период. Это языковое новшество есть чисто литературное явление и служит признаком возрастающей искусственности санскрита по мере того, как возрастало различие между ним и народным среднеиндийским» (Birgrow 1976: 56). Не отрицая явления, на которое указывает Барроу (ранее о том же писал В. И. Кальянов — см.: Кальянов 1947), и признавая справедливость примечания, которое сочла нужным сделать к этому месту книги Барроу Т. Я. Елизаренкова (Birgrow 1976: 389), мы считаем, однако, что в широком развитии основосложения сыграл роль ряд способствующих появлению этого явления факторов.

Ведущими среди них следует признать существовавшие, видимо, уже в древнем индоиранском, а может быть и ранее, два

фактора, действие которых мы попытаемся показать в главе III.

1.3. Приступая к обзору отечественных работ по санскритскому словообразованию, мы не будем касаться самых ранних из них, а также учебников: в этих работах приводятся списки аффиксов санскрита и дается традиционное описание типов сложных слов (Петров 1842; Бетлингк 1844; Шерцль 1873; Риттер 1904; Кнауэр 1908; Риттер 1911; Кудрявский 1917). Исследованием, которое специально посвящено вопросам санскритского словообразования, является статья В. И. Кальянова (Кальянов 1947). В ней автор впервые подводит необходимый итог изучению сложных слов санскрита европейскими учеными. В. И. Кальянов делит европейских исследователей «на тех, кто подходил к вопросу с точки зрения индийской грамматической традиции, и на тех, кто подходил к изучению с точки зрения европейской традиции» (Кальянов 1947: 78). «Европейская система классификации сложных слов, исходящая из синтаксического взаимоотношения частей речи компонентов, является синтаксической, а индийская система, исходящая из смысловой стороны, какую приобретает весь композит, является семантической» (Кальянов 1947: 82).

Недостатками и той и другой классификаций В. И. Кальянов считает «отсутствие сколько-нибудь серьезного исторического подхода к изучению композитов» и «отсутствие материала из современных живых индийских языков» (Кальянов 1947: 82). Поэтому задачу своей работы автор видит в исследовании сложных слов исторически и с привлечением данных новоиндийских языков. Устанавливается сходство в сложных словах ведийского языка и новоиндийского (хинди). Резкий контраст по отношению к ним представляет классический санскрит. При выяснении различия сложных слов в различные исторические периоды индийского языка В. И. Кальянов брал внешний факт различия — количество составляющих сложное слово компонентов. Сходство ведийского и новоиндийских языков — в употреблении двучленных композитов, отличие от них классического санскрита — в употреблении многочленных композитов. Из подобного исторического изучения остается, однако, неясным, существует ли различие исторических периодов языка по употреблению в них типов сложных слов. Если существовали двучленные сложные слова, частота употребления которых составляет специфическую черту индийских языков, то какова же роль двучленных сложных слов в языке? Разделяя древнеиндийские языки на три периода — ведийский, эпический и классический, автор очень немного говорит об эпическом санскрите. «По существу, грамматика эпического санскрита еще не создана, и в этом отношении сделано очень мало», — пишет В. И. Кальянов (Кальянов 1949: 209). С этим нельзя не согласиться.

На русском языке нет специальных работ, посвященных вопросам санскритского словообразования.

В работе В. В. Иванова и В. Н. Топорова «Санскрит» (М., 1960) при общей характеристике системы древнеиндийского в последней главе сообщаются сведения о словообразовании и лексике. К способам словообразования относятся: «присоединение аффиксов, ...морфонологические средства (изменение места ударения, чередование гласных и согласных), а также редупликация и словосложение» (Иванов, Топоров 1960: 120). Особенno распространенным признается словообразование при помощи суффиксов. «Каждый класс слов имеет свой набор суффиксов» (там же, 121), причем многообразие именных суффиксов объясняется с исторической точки зрения «различными комбинациями относительно небольшого числа исходных индоевропейских элементов» (там же, 122). Подобная точка зрения близка излагавшейся выше концепции Барроу, не нашедшей, однако, единодушного признания индологов (Wiegrow 1976: 371, Примеч. к с. 114). Способ суффиксации рассматривается, собственно, не как словообразовательный, а как способ образования типов основ. Поэтому авторы в главе о словообразовании излагают и систему образования основ настоящего времени санскритского глагола (с. 124), демонстрируя также использование способа редупликации при образовании основ настоящего времени глаголов III класса и ряда глаголов I класса, при образовании основ перфекта, плюсквамперфекта, в основах интенсивных и дезидеративных глаголов.

Основосложение, именуемое в работе словосложением, излагается в терминах традиционной индийской классификации слов *samāsa*⁴ (по Вопадева), но в этой классификации у авторов пропущен тип *avyaayībhāva*. Широкое использование словосложения в классическом санскрите объясняется «искусственно сложенным и изысканным стилем» (с. 125). Рассматривается использование словосложения в именах собственных, отражающее «древнейший индоевропейский тип наименования лиц» (с. 127).

Возвращаясь к способу аффиксации, отметим, что авторы указывают на сравнительно редкое использование префиксов и на употребление их главным образом с глаголами и отглагольными именами. Авторы пишут: «Относительно небольшая сфера употребления приставок в санскрите (в сравнении с суффиксами) и семантическая прозрачность комбинаций с приставками связаны с тем, что возникновение префиксации как способа словообразования относится к довольно позднему времени» (Иванов, Топоров 1960: 121). В этом бесспорном утверждении требуют уточнения два момента. Во-первых, «небольшая сфера употребления» префиксов по сравнению с суффиксами, отмечаемая в санскрите, кстати, и потому, что в сферу применения суффиксов включается основообразование, едва ли может быть признана таковой, поскольку использование префиксов в санскрите не ограничено только сферой глагольного словообразования; префиксация наблюдается у всех частей речи. Во-вто-

рых, о семантической прозрачности «комбинаций с приставками» можно говорить у разных частей речи лишь в весьма ограниченном количестве случаев. Обоснование нашей точки зрения будет дано в ходе дальнейшего исследования префиксации во II главе. Отметим в заключение, что у авторов не упомянут тип *samāsa*, именуемый *avuayībhāva*, который представляет собой префиксальный тип словообразования наречий. Освещение типа слов *avuayībhāva* представляется в современных исследованиях по словообразованию санскрита вообще недостаточным или даже несколько искаженным. Так, в очерке «Индоарийские языки» мы читаем: «К последнему типу (т. е. к *bahuvrīhi*.—В. К.) примыкают адвербальные сложные слова, второй компонент которых (существительное) выступает в форме именительного-винительного падежа среднего рода, а первый представлен наречием или предлогом (тип *avuayībhāva*)» (Языки 1976: 131). Остается неясным, почему этот тип «примыкает» к *bahuvrībi*? Только исследование словообразовательного своеобразия наречий санскрита позволит более определенно квалифицировать такое сложное явление, как словообразование по типу *avuayībhāva*, включающее в большинстве своем префиксальные наречия и, реже, сложные наречия. При этом отнесение производных наречий типа *avuayībhāva* полностью к сложным словам по современным научным критериям представляется неубедительным (Алексидзе 1978).

В кратком обзоре литературы по вопросам санскритского словообразования невозможно не учитывать результатов наблюдений А. С. Бархударова за санскритскими словообразовательными моделями в современном хинди (Бархударов 1956; 1958; 1960; 1960a; 1963; 1964; 1969; 1974; 1979).

Для понимания позиции автора важно определение им понятия «санскритские элементы». А. С. Бархударов пишет: «Под санскритскими элементами хинди понимается не санскритская лексика, взятая в готовом виде и широко используемая в литературном хинди, а отдельные, наиболее продуктивные элементы санскритского словообразовательного строя, заимствованные вместе со сложными и производными словами и оформленные в процессе словообразования по аналогии в определенную систему грамматических (аффиксы, внутренняя флексия) и лексико-грамматических (слова-суффиксы) морфем» (Бархударов 1960: 12).

Рассматривая вопросы словообразования в хинди, А. С. Бархударов устанавливает список санскритских формантов, содержащий различного происхождения префиксы, включая также их фонетические варианты, и «словопрефиксы». Под последними автор понимает такие санскритские лексемы, как *antar*, *alpa*, *ripag*, *yaṭhā*, *svayam*, выступающие в хинди в функции префиксов. Таким образом, предлагаемый Бархударовым инвентарь словообразовательных санскритских формантов предельно полон¹², но включает префиксы, различные по происхождению

и по реальной роли их в словообразовательной системе хинди. А. С. Бархударов пишет, что «часть санскритских приставок ослабляет или теряет свою продуктивность, это *adhi-*, *abhi-*, *api-*, *apā-*, *ā-*, *ut-*, *pari-*, *gra-*, а также различные сложения двух или более приставок, характерные для санскрита. Многие санскритские приставки сохраняют, а некоторые из них даже развиваются свой продуктивный характер, например приставки *ati-*, *antar-* (только в значении «интер-, между-»), *upa-*, *nīh-(nīr-)*, *prati-*, *vi-*, словопрефиксы *ripan* (*riprag-*), *saha-*, *sva-* (*svāyam-*).

Некоторые санскритские приставки приобретают способность присоединяться к несанскритским словам: *ati-kharc* «чрезмерный расход»; *upa-sipāo* «дополнительные выборы»; *prati-ghānta* «каждый час, ежечасно»; *sa-jild* «в переплете, переплетенный» (Бархударов 1963: 25—26).

Живой характер употребления сохраняется у префикса *a-*; в словах *tadbhava* можно наблюдать лишь «фонетические следы древнеиндийской префиксации» (там же). Санскритская префиксация «ограничена пределами отымененного словаобразования» (там же, 12).

Исследования словообразования в хинди приводят автора к выводам о роли его в процессе санскритизации. (О том, что понимается под санскритизацией, см.: Бархударов 1979.)

«Язык, вначале пассивно, затем и активно, воспринимает словообразовательные модели, по которым образует массу новых слов. В литературных формах современных НИА языков¹² представлены все словообразовательные модели санскрита — модели деривации (суффиксация, префиксация, переглашовка корней) и композиции (типы словосложения и ассимиляции звуков на «стыке» соединяемых слов» (Бархударов 1979: 33).

Система санскритского словообразования представляется в современных индийских языках двумя взаимосвязанными частями: собственно санскритской и «неосанскритской». Раскрывая понятие «неосанскритизмы», автор пишет: «Ни один языковой источник не дает такого обилия неологизмов вообще, в сфере новейшей терминологии в особенности, как санскрит. Санскритизмы представляют наиболее активный элемент словотворчества» (Бархударов 1979: 39—40).

Работы А. С. Бархударова, доказывающие роль словообра-

¹² Список санскритских словообразовательных формантов по А. С. Бархударову (Бархударов 1963: 187—188):

<i>a-</i>	<i>apa-</i>	<i>ut-</i>	<i>ni-</i>	<i>punar-</i>	<i>vi-</i>
<i>ati-</i>	<i>abhi-</i>	<i>upa-</i>	<i>nīr-</i>	<i>panah-</i>	<i>sa-</i>
<i>adhi-</i>	<i>alpa-</i>	<i>ku-</i>	<i>nīh-, nīs-</i>	<i>sm.: punā-</i>	<i>sam-</i>
<i>anu-</i>	<i>ava-</i>	<i>dur-</i>	<i>nīs-</i>	<i>purva-</i>	<i>saha-</i>
<i>antar-</i>	<i>a-</i>	<i>duh-</i>	<i>para-</i>	<i>pra-</i>	<i>su-</i>
<i>antah-</i>	<i>atma-</i>	<i>sm.: dur-</i>	<i>param-</i>	<i>prati-</i>	<i>sva-</i>
см.: <i>antar-</i>		<i>nava-</i>	<i>pari-</i>	<i>yatha-</i>	<i>svayam-</i>

¹³ НИА языков — новых индоарийских языков.

зовательной системы санскрита для словотворчества сърбомейных индийских языков, обращают внимание языковедов-компаративистов и индологов на факт недостаточной ее исследованности в рамках языков древнеиндийского периода. Представление о санскритском словообразовании как о системе, закономерно развивающейся и определенным образом актуализирующей свои отдельные участки в современных языках, еще нуждается в уточнениях; необходимы специальные исследования отдельных участков этой системы.

В заключение хочется сказать о новом кратком описании санскритского словообразования, сделанном на уровне современной лингвистической теории А. А. Зализняком (Зализняк 1978: 865—879). Автор делит санскритское словообразование на собственно аффиксальное с некоторыми случаями конверсии, на словосложение и на способ, промежуточный между аффиксацией и словосложением, — соединение с превербами и именными префиксами.

Аффиксальное словоизводство охватывает образование глаголов (глаголы от глаголов и глаголы от имен), образование имен (имен от глаголов и имен от имен) и образование неизменяемых слов. Словосложение представлено первичными сложными словами, «которые синтаксически эквивалентны своему последнему члену, и вторичными, для которых это неверно» (Зализняк 1978: 874). К первичным относятся типы *dvandva*, *tatpurusa* и *karmadhāgaya* (включая *dvigu*), к вторичным — тип *bahuvrīhi*.

Рассматривая как промежуточный способ соединение глаголов с превербами, автор справедливо указывает, что превербы «в таком соединении играют практически ту же роль, что русские глагольные префиксы» (Зализняк 1978: 877). Подчеркивается, что значение глагола с превербом во многих случаях уже не может быть выведено из самостоятельного значения простого глагола и из значения преверба. Говоря о промежуточном положении превербов между аффиксами и самостоятельными словами (наречиями, предлогами), А. А. Зализняк рассматривает последние в § 212 и называет весьма ограниченное количество предлогов (апи «вслед, за», *prati* «к, по отношению к, в соответствии с») и наречий (ираги «над», *saha* «(вместе) с», *bahiḥ* «кроме», *vinā* «без»), что соответствует фактическому положению в санскрите и свидетельствует об употреблении в подавляющем большинстве случаев превербов в функции аффиксов, об их резком преобладании над превербами в качестве самостоятельных слов.

Соединение превербов с именами возможно не только при образовании отглагольных имен, но и при сочетании с чистой именной основой. В этом случае превербы приобретают специфические дополнительные значения, как и собственно именные префиксы а (*an*) «не», *su* «хороший, хорошо, очень», *dus* и *ku* «плохой, плохо», *sa* «вместе с».

По формальным признакам и по значению соединения приставок и префиксов с именами образуют соединения, сходные с сложными словами: получаются аналоги слов *karmadhāgaya* — аналоги слов *bahuvrīhi*. В третьей (переходной) группе рассматривается и словообразовательный тип *avyayibhāva*. Таким образом, перед нами исключительно экономное и в то же время полное описание словообразовательной системы санскрита, в которой рассматриваются случаи не только слово-, но и основообразования (у глаголов — каузативы, глаголы X класса, дезерративы, интенсивы).

Обзор исследований по словообразованию будет неполным, если не сказать о ряде работ, выполненных грузинскими учеными — учениками и последователями профессора Г. С. Ахледиани. В них впервые в отечественной индологии исследуются конкретные участки индоирянской словообразовательной системы¹⁴.

1.4. Рассмотренные зарубежные и отечественные работы заложили основу для изучения санскритского словообразования для целей сравнительно-исторического языкознания и индологии.

Приходится констатировать, что сравнительно-исторические представления о древнем индоевропейском словообразовании не находят опоры в специальных исследованиях древнеиндийского словообразования в его сложных внутрисистемных связях и в исторической протяженности его формирования.

В большинстве рассмотренных нами работ представлено основное традиционное описательное словообразование с характерным для него смешением диахронического и синхронного планов описания. Анализ работ давался по мере ознакомления с ними; о некоторых работах еще будет говориться по ходу дальнейшего изложения. Ниже мы остановимся только на двух вопросах, вытекающих из рассмотренной литературы, уточнение которых будет существенно для предлагаемого исследования.

1.4.1. В большинстве работ объектом исследования выступают ведийский язык и классический санскрит (Whitney, Jackernagel), причем различия между ними во внимание не принимаются (Kielhorn).

Независимо от того, трактуем ли мы ведийский как язык, происходящий к северо-западным древнеарийским диалектам, а санскрит — как язык, генетически связанный с древними восточноарийскими диалектами (Meillet), или принимаем термин «санскрит» в широком смысле и рассматриваем ведийский как его архаичную форму (Зализняк), ясно, что речь идет о двух

См.: Нахуцишили Г. Л. Бахуврихи в индоирянских языках. Тбилиси, 1953; Чавчавадзе Т. А. Татпуруша в индоирянских языках. Тбилиси, 1954; Чхеидзе Т. Д. Именное словообразование в персидском языке. Тбилиси, 1969; и имеющая самое прямое отношение к исследумой теме работа: Алексидзе Э. Г. Формонеизменяемые слова в древнеиндийском. Тбилиси, 1978.

языковых состояниях¹⁶, о двух синхронных «срезах» языка. В современном теоретическом языкоznании «синхрония... определяется как некоторое реальное состояние языка (при тех оговорках, которые предполагает слово «состояние» в приложении к постоянно развивающемуся объекту) в определенный период, вследствие чего термин «состояние языка» (*état de langue*) употребляется в качестве вполне синонимичного термину «синхрония» (так у Л. Ельмслева, В. Брендалья, А. А. Реформатского, Р. А. Будатова, Ю. С. Степанова и многих других)» (Общее языкоzнание 1973: 108).

Исторические различия между состояниями языка, зафиксированными в ведийском и санскрите, очевидны. Например, если обратиться к интересующему нас употреблению слов *upasarga*, то в ведийском языке этот разряд слов в большинстве своем функционировал как «полуслужебные слова» (Елизаренкова); состояние древнеиндийского, представленное памятниками на эпическом и классическом санскрите, демонстрирует период интенсивного развития на основе слов *upasarga* префиксального словаобразования.

Эпический санскрит в большинстве рассмотренных работ остается в тени, что едва ли соответствует его роли в истории индийских языков (см.: Chakravarti 1933; Renou 1956; Burrow 1976; Chatterji 1977). Эпический санскрит почти не выступал объектом специального исследования, и недостаточность его изученности отмечалась (Кальянов 1949: 209).

1.4.2. Традиционный для работ по сравнительному языкоzнанию XIX — начала XX вв. исторический подход к языку позволил выдвинуть гипотезы о путях формирования в санскрите сложных и производных слов (Jacobi, Brugmann), отметить изменения типов сложных слов в языке различных исторических периодов (Brugmann); в ряде работ проводился анализ структуры санскритского (а шире — общеиндоевропейского) слова (Wackernagel, Brugmann). Проводимый при этом отказ от четкого разграничения производных и сложных слов, сложных слов и словосочетаний понятен при воссоздании предлагаемой учеными картины исторической последовательности их формирования. При обращении же к описанию структуры слова в определенном языковом состоянии, т. е. при синхронном подходе, разграничение структурных типов слов требует уточнений, в противном случае могут возникать неполнота описания и противоречия в трактовке материала. Примеры этому при описании сложных слов отмечались выше (1.2).

Видимо, по той же причине описание сферы употребления префиксации санскрита не всегда отличается последовательностью и полнотой. Так, в самых ранних работах инвентарь префиксов устанавливался только в системе глагольного слово-

¹⁶ Дж. Неру писал: «Даже язык «Авесты» ближе к Ведам, чем Веды к тому санскриту, которым написан эпос» (Открытие Индии. М., 1989. С. 117).

образования (Ворр). Описание префиксов могло быть разбросано по различным местам грамматик и монографий, что отмечалось выше; согласно генезису санскритских префиксов описание их включается, например, в главу о формоизменяемых словах (Burrow). Что же касается префиксации в сфере словообразования имен, то сведения о ней (если они вообще имеются) ограничиваются обычно рассмотрением немногих общеиндийских именных префиксов. Возможности именного словообразования с префиксами-превербами описываются в некоторых работах (Wackernagel; Зализняк), и все же в монографиях по санскриту этот участок словообразовательной системы санскрита выпадает из поля зрения исследователя (Burrow), хотя для современных индийских языков установлен факт продуктивности именно этих префиксальных моделей словообразования (Бархударов).

На вопрос о разграничении производных и сложных слов в литературе по санскритскому словообразованию постоянно оказывают воздействие традиционные взгляды древнеиндийских ученых. Традиционная индийская классификация относит к сложным словам (*samāsa*) все соединения префиксов с именами (аналоги слов *karmadhāraya* и *bañuvṛ̥ti*, по Зализняку), что не распространяется на соединения префиксов с глаголами. Отмыенные префиксальные производные, функционирующие в санскрите как наречия, тоже относятся по индийской традиции к сложным словам (тип *avuayībhāva*).

Объясняемая в рамках лингвистических учений древних индийцев, эта система взглядов едва ли соответствует критериям современного теоретического языкоznания, так как, во-первых, нарушаются строгость процедуры, единство принципов анализа структуры всех знаменательных слов языка, всех частей речи. Во-вторых, нарушается принцип историзма в подходе к разграничению производного и сложного слова в языке определенного периода.

Для конкретного исторического периода, отраженного определенным состоянием языка, мы будем считать сложным словом такое сочетание, каждый элемент которого способен к самостоятельному синтаксическому употреблению (Кочергина 1979: 77). Этому критерию в эпическом и классическом санскрите не удовлетворяют аналоги слов *karmadhāraya* и *bañuvṛ̥ti* и большая часть слов *avuayībhāva*, поэтому мы будем рассматривать их как производные слова.

Исследование санскритского словообразования должно строиться с учетом современного состояния теории словообразования.

2. В современном теоретическом языкоznании словообразование рассматривается как новая дисциплина, исследующая производные слова и возможности словообразовательного моделирования как системно организованной совокупности приемов

и средств, связанных с построением производных (Общее языкознание 1972: 350) ¹⁶.

Такой подход придает исследованиям по словообразованию санскрита не только теоретический интерес в русле сравнительно-исторического исследования деривационных процессов, но и большой практический смысл.

2.1. Исследование процессов деривации как взаимодействия лексических и грамматических морфем в сочетаниях, не превышающих слово, относит словообразование к морфологическому уровню языка, а предмет исследования (производные и сложные слова) определяет место словообразования в иерархически организованной системе языка в его отношении, с одной стороны, к морфеме и, с другой — к словосочетанию.

Исходной единицей деривации выступает корень, что прекрасно осознавалось древнеиндийскими языковедами и нашло отражение как в древнеиндийской теории происхождения слов из корней (*dhātu*), так и в структуре санскритских словарей, содержащих лексические морфемы или основы у' имени и корни у глаголов.

Вторичную единицу деривации определяют как видоизменение корня, удаленное от исходного корня на одну формальную операцию. Исследование вторичных единиц деривации показывает, что цели процессов морфологической деривации различны. Совершенство формального анализа слов, характерное для работ древнеиндийских грамматистов, а позже разработка процедуры формального анализа слов в работах младограмматиков, а у нас — в трудах Ф. Ф. Фортунатова и его последователей приводят к заключению о наличии по крайней мере трех различных по цели процессов морфологической деривации: словоизменения, формообразования и словообразования. Такое различие не является общепризнанным. Целесообразность его ставится под сомнение, потому что возможности разграничения процессов морфологической деривации связаны с типологическими особенностями языков. Структурное своеобразие слов в языках флексивного типа заключается в существующем в большинстве случаев несовпадении фонетического членения на слоги, грамматического членения на морфемы и в несовпадении последнего со словообразовательным членением. Несовпадение морфемного состава слова с его словообразовательной структурой ведет к описанию словообразования в особых терминах — терминах основ и аффиксов. Структурное своеобразие слов в языках корнейизолирующего типа характеризуется особой ролью слога, совпадением слога и морфемы. Слова образуются из слогов, и десигнатор морфемы не может быть представлен

¹⁶ Мы не касаемся здесь, разумеется, ставшей уже довольно обширной литературы, посвященной определению места словообразования в системе языка как его подсистемы и доказательству самостоятельности словообразования как раздела науки о языке. Основную литературу см.: Кубрякова 1965; Общее языкознание 1972.

единицей, меньшей, чем слог. Фонетическая единица (слог) и морфологическая единица (морфема) взаимно соотнесены. Смысловая делимость не идет дальше слога, и слог в связи с этим всегда ассоциируется с определенным смыслом. Слог служит звуковой оболочкой морфемы и является в корнеизолирующих тональных языках не только важнейшей фонетической, но и словарно-морфологической единицей. Слог-морфема в них выполняет и словообразовательную функцию. Таким образом, разграничение процессов морфологической деривации для языков корнеизолирующего типа не имеет силы, тогда как в языках флексивных такое разграничение является необходимым условием непротиворечивого и последовательного вычленения словообразовательной подсистемы языка, ее адекватного описания и исследования. Однако, как справедливо отмечается в одной из работ по словообразованию, «в практике описания конкретного языка обособленное и раздельное представление указанных областей (т. е. словоизменения, формообразования и словообразования. — В. К.), насколько нам известно, последовательно никем не проводилось» (Кубрякова 1976: 515).

В монографии мы ставим своей задачей показать, что исследование процессов морфологической деривации в санскрите, очевидно, и в других древних индоевропейских языках оказывается плодотворным как раз при раздельном представлении словоизменения, формообразования и словообразования.

Это объясняется тем, что статус формообразования в санскрите не вызывает сомнений. Формообразование — это область морфологического основообразования, дающая представление том, какой системой форм обладает слово как определенная часть речи. Поэтому в дальнейшем мы будем называть формообразование, вслед за Ф. Ф. Фортунатовым, основообразованием.

Обратимся к данным санскрита.

Для функционирования в санскрите глаголов в формах словоизменения, например во временных или залоговых, необходимо как первый деривационный шаг образование от исходного корня определенной основы — основы настоящего времени, основы будущего времени, основы перфекта, основы аориста.

Например, от корня *gáti* «идти»: основа настоящего времени — *gácha-*; основа будущего времени — *gamisyá-*.

Затем следует вторичная словоизменительная операция: присоединение словоизменительных морфем, в данном случае — различных типов, личных окончаний.

Ниже приводятся парадигмы спряжения глагола *gam* в единственном числе залога *Paraśmaipada*:

в настоящем времени:

gáchā-mi
gácha-si
gácha-ti

в будущем времени:

gamisyá-mi
gamisyá-si
gamisyá-ti

Как видим, формы маркированы различными основами, тогда как тип личных окончаний — один: так называемые «первичные» личные окончания.

С точки зрения лингвистической семантики словоизменение и основообразование различаются по уровню грамматической абстракции¹⁷.

При ограничении основообразования от прочих деривационных процессов к основообразованию следует, по нашему мнению, относить в санскрите и так называемые производные глагольные спряжения, т. е. образование деноминативных, каузативных, интенсивных и дезидеративных глаголов, поскольку именно основы как носители определенных лексико-грамматических значений характеризуют эти производные глагольные образования.

Основообразование функционирует на уровне морфологии, оно соотносится с парадигматикой и характеризует формы слова как определенной части речи.

Функция словообразования выходит за рамки морфологии, это — семантическая функция. Разграничивая формы словоизменения и словообразования, Ф. Ф. Фортунатов писал: «Формами словоизменения самые слова, имеющие эти формы, обозначаются как различного рода части в предложениях, а формами словообразования самые слова обозначаются как различного рода отдельные знаки предметов мысли» (Фортунатов 1956: 155). Создание новых единиц сложной номинации — производных и сложных слов — связывает словообразование с лексикой, с функционированием словарного состава языка. «Словообразование является одним из важнейших механизмов, обеспечивающих бесконечность словаря» (Ревзина 1969: 67).

Словообразовательный анализ показывает деривационную структуру производных и ведет к установлению отношений производности. Направленность отношений производности вскрывается только при рассмотрении слова в словообразовательном гнезде, т. е. при сопоставлении его с другими однокоренными производными. Например: 1. *ratha*¹⁸ т. 1) «колесница» 2) «войн, сражающийся на колеснице»; 2. *ṛati-ratha* т. «противник, соперник в бою на колеснице»; 3. *pratiratha-tva* п. «соперничество, поединок на колесницах»; 4. *a-pratiratha tva* п. «состояние в бою, когда нет соперника».

Как видим, словообразовательное членение всегда бинарно. Установление отношений производности, направленности деривационных процессов чрезвычайно важно для определения предмета исследования. При исследовании словообразования учитывается только последняя словообразовательная операция

¹⁷ О значениях глагольных основ в индоевропейском см.: Meillet 1938: 211; Савченко 1974: 257; Szemerédy 1980: 281.

¹⁸ *ratha* — слово индоевропейского происхождения и, как указывает Дебруннер, несводимое к глагольному или именному корню санскрита (Debrunner 1954: 59).

«деривационный шаг») и в связи с этим выделяются основы 1-й степени, 2-й степени... (Винокур). Из приведенных выше слов как пример суффиксального словообразования рассматривается только 3, а образцами префиксального словообразования будут 2 и 4.

Структура производного слова включает «производящую основу»¹⁹ и аффикс (шире — «формант»)²⁰.

2.2. Каждый из процессов, морфологической деривации — словоизменение, основообразование и словообразование — располагают неоднородными способами выражения (что у аффиксов выступает как их нестандартность, многозначность). С другой стороны, в санскрите, как и в других флексивных языках, при различных процессах морфологической деривации могут использоваться одни и те же способы. Указанные факты позволяют говорить в ряде случаев о синкетических формах в языках флексивного типа.

Остановимся кратко на способах морфологической деривации в санскрите. Словоизменительные способы в нем представлены внешней и внутренней флексией, сопровождаемыми способом ударения (перемещение тона). Способами основообразования являются суффиксация и инфиксация, сопровождаемые (суффиксация — не всегда) внутренней флексией, и редупликация. Словообразовательными способами санскрита выступают префиксация, суффиксация, отдельные случаи конверсии, внутренняя флексия, способ ударения (повышение тона), редупликация. К ним принято относить и словосложение.

В санскрите отмечается, как мы видим, характерное для флексивных языков отсутствие в ряде случаев однозначного соответствия между грамматическими или лексико-грамматическими значениями и способами их формального выражения. Поэтому в системе способов морфологической деривации санскрита мы впервые вводим противопоставление полифункциональных способов монофункциональным.

Монофункционален среди словоизменительных способов самый распространенный из них — внешняя флексия, при основообразовании — редкий способ инфиксации (основы настоящего времени глаголов VII класса).

¹⁹ В монографии мы предпочитаем применять термин «производящая основа», который давно используется в отечественной литературе по словообразованию и целесообразность употребления которого убедительно доказана (Кубрякова 1965). Заменяющий его в последнее время в ряде работ термин «мотивирующее слово» мы стараемся не употреблять: наши наблюдения показывают, что по крайней мере в санскрите не всегда «мотивирующее слово» действительно мотивирует значение производного. Как справедливо было замечено, «мотивация слова и его значение в огромном большинстве случаев не совпадают» (Степанова 1968: 128).

²⁰ Термин, восходящий к введенному К. Бругманом *Formativ*, *Formans* (Brugmann 1904: 285) и широко применяемый в настоящее время в работах по словообразованию.

В системе словообразовательных способов монофункциональны конверсия, префиксация и словосложение.

Противопоставление внутри системы словообразования линейных и нелинейных словообразовательных моделей, предлагающееся Е. С. Кубряковой (Кубрякова 1965: 59—60), позволяет разбить указанные словообразовательные способы на две неравные группы.

Нелинейные словообразовательные модели образуются в древнеиндийском только по конверсии. Конверсия как деривация с помощью нулевой морфемы (H. Marchand) возникает тогда, «когда данное слово переходит в другую категорию и попадает в иную парадигму без изменения своего морфологического состава» (Реформатский 1967: 297). Таково в санскрите словообразование от корня глагола к корневому имени. «Корневые имена — это древний тип слов, заметно пришедший в упадок даже в самых ранних засвидетельствованных и.-е. языках. В санскрите они, в общем, сохранились лучше, чем где бы то ни было» (Birgöw 1976: 116). Если способ конверсии был довольно распространен в ведийском, то в эпическом и классическом санскрите он сохранился лишь при словосложении: корневые имена могут употребляться как последний элемент сложного слова. Например, han «убивать» — *vr̥tra-han* «убийца Вритры», *vj̑d* «знать, ведать» — *veda-vid* «знаток Вед». Исследование письменных памятников на эпическом и классическом санскрите не может дать достаточно материала для того, чтобы исследовать способ конверсии, удерживающейся к тому времени лишь на периферии словообразовательной системы.

К линейным словообразовательным моделям относятся образования, полученные в результате присоединения к корню или основе префикса или полученные сложением основ.

В монографии исследуются монофункциональные словообразовательные способы префиксации и сложения основ.

2.3. Синхронный путь описания, принимаемый в работе, и связанный с ним принцип системности при исследовании префиксации и сложения основ, а также внимание к смысловой стороне явления обусловливают набор приемов и методов, впервые применяемых в работе по словообразованию санскрита²¹.

Моделирование, вводимое в нашу работу, принадлежит к эксплицитным приемам исследования и применяется при изучении словообразования в его практическом и теоретическом аспектах (Степанова 1962, 1963, 1968; Соболева 1970, 1971; и др.).

Следует сказать, что широкое использование моделей в современных лингвистических исследованиях и в исследованиях по словообразованию в частности не должно создавать иллю-

²¹ О классификации методов и о конкретной методике, применяемой в рамках определенного метода, см.: Кочергина 1970: 482 и далее.

ий «математизации» нашей науки. Моделирование в сфере гуманитарных наук, если оно и применяется, должно иметь разумные границы, которые ставятся онтологическими свойствами моделируемого объекта. В противном случае дефектом моделей явится стремление к дурно понятой «математизации». Как пишет по этому поводу профессор М. Постников, «здесь общие принципы должны не привноситься извне, а возникать на базе анализа конкретного материала той или иной области человеческой деятельности» (Постников 1980: 11).

Моделирование в области словообразования демонстрирует определенное сходство в методике исследования производных слов с приемами описания словосочетаний и предложений: устанавливаются типы, схемы, модели, которые в процессе речи всякий раз наполняются новым лексическим материалом.

При качественном различии элементов, составляющих модели единиц на разных языковых уровнях²² и при существующей неоднозначности самого понятия «модель», мы принимаем для целей настоящего исследования определение, предложенное профессором М. Д. Степановой: «Словообразовательная модель (разрядка моя.—В. К.) — это стабильная структура, обладающая обобщенным лексико-категориальным (десигнативным) значением и способная наполняться различным лексическим материалом» (Степанова 1968: 149).

Формальный анализ структуры производного или сложного слова составляет основу словообразовательного анализа. Модели передают формальную структуру производного грамматическими средствами, через составляющие его лексические и грамматические морфемы. При этом лексико-категориальное значение, смысловая структура слова могут быть переданы в модели ограниченно, через указание на частеречную принадлежность производящей основы и производного, т. е. в виде общекатегориального значения. Для передачи сложной смысловой структуры производного этого недостаточно. Словообразовательные модели сложнее грамматических, линейно передающих морфемную структуру слов и их грамматическое значение. Передавая морфемную структуру и общеграмматическое значение производных, словообразовательные модели должны поэтому сопровождаться «формулами толкования», которые и содержат характеристику иерархически организованной смысловой структуры модели, начиная с передаваемого моделью общекатегориального компонента значения. О том, какие сведения должна содержать «формула толкования» для производных суффиксального типа, пишут Е. С. Кубрякова и З. А. Харитончик, предлагая «записанную в этом виде моделируемую

* О принимаемом нами значении понятия «уровень», для уяснения которого в современном теоретическом языкознании особенно плодотворными оказались, по нашему мнению, работы Э. Бенвениста и Ю. С. Степанова (Степанов 1975), а также см.: Кочергина 1979: 75.

часть смысловой структуры производного... именовать словообразовательным значением модели, поскольку ясно, что это значение возникает только в ходе словообразовательных актов» (Кубрякова, Харитончик 1976: 230—231).

Итак, установление словообразовательных моделей сопровождается семантическим анализом.

Хотя мы полагаем, что семантика не поддается полной формализации, мы используем элементы компонентного анализа, отдавая себе отчет и в некоторой спорности его предпосылок, и в ряде специфических трудностей, о которых будет сказано ниже, и, наконец, в недостаточной разработанности методики его проведения.

Неразработанность компонентного анализа проявляется уже в том, что исходная единица этого анализа, единица элементарного смысла, не получила в науке о языке единого толкования и наименования: «дифференциальный элемент» (де Соссюр), «фигура содержания» (Ельмслев), «семантема» (Марузо 1960), «семантический множитель» (Апресян 1963), «семантический маркер» (Katz, Fodor 1963), «ноэма как элемент «семемы» (Meier 1965), «сема» (Skalicka 1965).

Термин «сема» получает наиболее широкое употребление²³. Элементарный компонент значения — сема — определяется как составная часть лексемы (Greimas 1966: 27) или как компонент, реализуемый внутри лексемы (Helbig 1969: 18).

Вотяк рассматривает сему как конструктивный элемент большей семантической единицы — семемы, которая представляет собой «пучок расположенных в определенном порядке сэм» (Wotjak 1971: 45).

Исходя из определения семы и семемы, проводимого в работах Вотяка, мы должны признать, что семы в составе семемы располагаются не линейно, а вступают в иерархические отношения между собой. Можно говорить о более общих и более частных значениях сэм.

Проводя семантический анализ производных, мы исходим из гиперонимических отношений (Greimas 1966), т. е. ведем анализ от более общих к более частным значениям²⁴.

Возможен также и другой, обратный, путь в анализе, строя-

²³ Как справедливо указывают Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс (1976: 294), «здесь имеют значение этимологические связи с более широкими понятиями, как «семантика», «семасиология», «семема», «семантема», может быть, и словообразовательные потенции слова «сема» — «семный»... Не в последнюю очередь играет роль краткость термина». А. Грэймас аргументирует выбор термина «сема» «терминологической простотой» (Greimas 1966: 22).

²⁴ Путь анализа гиперонимических отношений между семами находим в работах В. Г. Гака, который предлагает для обозначения каждой из сем систему дефиниций, включающую архисему, дифференциальные семы (описательные и относительные) и потенциальные семы. В. Г. Гак стремится при этом найти связи сем с факторами экстравербистического характера — связь отдельной семы с одним из признаков денотата.

ийся на гипонимических отношениях — от сем частного к семам более общего значения.

Следует сразу же подчеркнуть, что применение компонентного анализа в настоящей работе ограничено задачами исследования словообразования. Поэтому мы не ставим перед собой цели полного расчленения лексического значения производного а семы. Наша задача — выделить те семантические компоненты внутри производного, которые оказываются релевантными для словообразовательного значения.

Мы будем следовать по пути анализа гиперонимических отношений на основе тщательного наблюдения над префиксальными и сложными образованиями санскрита, идя от наиболее общих лексико-грамматических значений четырех основных функциональных классов слов (частей речи), о чем будет сказано особо. При этом мы стремимся оставаться в рамках таких терминов и дефиниций, которые сложились и опробованы в работах так называемого традиционного языкоznания.

Как уже говорилось выше, сложившийся компонентный анализ, который используется при исследовании лексического материала, наталкивается на ряд трудностей, присущих также компонентному анализу производных. «На уровне лексики анализ осложняется открытым характером самой системы, опасностью полного отождествления признаков денотата и семантической структуры слова, трудностью наименования отдельных сем, асимметричностью отношения между морфемной и семантической структурой слова» (Гулыга, Шендельс 1976: 12).

Последние две из отмеченных здесь трудностей особенно прощаются при компонентном анализе производных. Дополнительную сложность составляет его использование при исследовании производных языка, известного нам лишь в письменной форме, каким является санскрит. Своебразие исследования языка только по письменным памятникам и по словарям состоит в том, что ведущим здесь выступает парадигматический, а не интагматический (анализ слова в речи) путь анализа. Парадигматический путь анализа основывается прежде всего на данных словарей, а для решения отдельных вопросов — и на данных анализа слова в тексте.

«Для семантических парадигматических связей между словообразовательными формантами... характерна прежде всего синонимия», и далее: «Почти не изучены другие виды связей формантов...: антонимия, частичная общность компонентов значения...» (Улуханов 1979: 106).

Факт малой изученности этих, а также других явлений в области деривации объясняется, по нашему мнению, отсутствием методической четкости и последовательности системного представления словообразовательной семантики и фактов, формирующих ее.

В 60-е годы М. Д. Степанова обратила внимание отечест-

венных исследователей на Методику разработки «словообразования, ориентированного на содержание» (*inhaltbezogene Wortbildungslehrre*), в работах Л. Вейсгербера (Weisgerber 1962; Степанова 1966, 1968).

Идеалистические теоретические предпосылки лингвистической теории Л. Вейсгербера, основателя неогумбольдтианства, критически оцениваются советскими языковедами²⁵. «Тем не менее, отвлекаясь от идеологических основ «промежуточного мира родного языка» и «деятельности духа» и т. п. и не допуская абсолютизации семантического подхода к словообразованию, следует признать, что методика словообразовательного анализа в работах Вейсгербера и некоторых других современных немецких лингвистов заслуживает внимания...» (Степанова 1968: 181).

Мы опираемся на эту методику как на способствующую систематизации словообразовательных значений производных, ибо описание производных слов лишь на основе средств их образования, отражаемых структурными моделями и «формулами их толкования», не дает представления о цельности исследуемого участка словообразовательной подсистемы в ее сложных связях и взаимозависимостях.

Проникновение в системный характер словообразовательных явлений возможно только при перераспределении установленных исследованием в синхронном плане моделей на основе семантического анализа производных, образованных по этим моделям.

При семантическом анализе Вейсгербер пользуется термином *Wortstand* «словарный блок» и вводит термин *Wortnische* или *semantische Nische* — «словарная ниша» или «семантическая ниша».

Словообразовательные модели неоднозначно соотносятся с семантическими разрядами соответствующих производных слов.

Словообразовательное моделирование выражает внешнее строение производных, которые при различии структурных моделей могут выражать одно и то же словообразовательное значение, а одна словообразовательная модель может сочетать в себе несколько словообразовательных значений.

При распределении моделей «от содержания» производные с разными формантами могут объединяться в один «словарный блок». Например, слова с разными суффиксами «учитель», «целенаправленник», «летчик», «старшина» объединяются в один «словарный блок» на основе одной и той же выражаемой ими семантической категории — категории действующих лиц или, применяя иную систему терминов, принадлежат к одной и той же словообразовательной категории²⁶.

²⁵ См., например, статьи Р. А. Будагова, М. М. Гухман, Н. А. Уфимцевой в кн.: Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1962.

²⁶ Для обозначения какого-либо категориального признака в словообразова-

С другой стороны, внутри одного и того же структурного типа словообразовательной модели могут существовать различающиеся по словообразовательному значению разновидности — смысловые или словарные «ниши». Так, Вейгербер, исследуя продуктивную для современного немецкого языка словообразовательную модель глаголов с префиксом *be-*, выделяет в ней три «ниши»:

1) отсубстантивные производные глаголы со значением «снабжения»: *bewässern* «орошать» <*Wasser* «вода», *beflecken* «покрывать пятнами, пятнать» <*Fleck* « пятно»²⁷;

2) отглагольные производные со значением «направленности» действия: *besehen* «оосматривать» <*sehen* «смотреть», *beschreiben* «описывать» <*schreiben* «писать»;

3) отадъективные глаголы с фактитивным значением: *befreien* «освобождать» <*frei* «свободный».

Кроме того, примерно седьмая часть глаголов с префиксом *be-* семантически изолирована.

Как видно из приведенных примеров, значение производного обусловливается значением «производящей основы» (*Grundwort*), которая «предписывает» также и выбор словообразовательного средства. Таким образом, компоненты, составляющие производное (производящая основа и аффикс), позволяют говорить о смысловой определенности производного — «die inhaltliche Bestimmtheit der Ableitung» (Weisgerber 1962: 216—217).

Теория семантических «ниш» и словарных «блоков» связана с теорией «семантических полей» (*Begriffsfelder*), которой мы здесь касаться не будем.

Трансформационный метод, используемый обычно при описании сложных слов и словосочетаний, оказывается ненадежным для исследования языка, наблюдаемого только в его письменной форме. Устанавливая функции основосложения в санскрите и решая вопросы о наличии или отсутствии в конкретных случаях синтаксической синонимии, мы применяем метод внутрисистемного сравнения, существующий как частный исследовательский прием в рамках сравнительно-исторического метода. Чтобы избежать сдвигов в плане диахронии и столкновений с возможными стилистическими вариантами, обязательным является сравнение фактов языка, зафиксированного в одном памятнике.

2.4. В тесной связи с методикой проведения исследования находится и до сих пор дискутируемый вопрос о частях речи.

ции предлагается ввести понятие маркера, «который может выступать как в виде алломорфов, так и в виде фонетически нетождественных морфов, т. е. самостоятельных морфем. Так, совокупность суффиксов лица (деятеля) можно было бы назвать деривационным маркером лица...» (Мурясов 1977: 125).

²⁷ Здесь и далее примеры из немецкого языка мои. — В. К.

Рассмотрение его и уточнение в конечном счете состава частей речи и их лингвистической семантики непосредственно связаны с нашими задачами, так как должны явиться обоснованием избираемого нами пути исследования и принципов его построения²⁸.

Мысли о том, что природа частей речи лингвистическая и общая для всех языков, как общи пути развития человеческого мышления, высказывались уже языковедами XIX в. в трудах ученых психологического направления, которые связывали общеграмматические значения частей речи с некоторыми категориями мышления (субстанция, качество, количество и др.). В той или иной форме подобной точки зрения придерживались, например, А. А. Потебня, позже А. М. Пешковский, Л. В. Щерба, в современном языкоznании — А. Н. Савченко (см.: Савченко 1959).

Сейчас в круг лингвистических исследований втягивается все большее количество языков мира. При этом старые критерии установления классов слов (частей речи) перестают удовлетворять. Они не всегда соответствуют новому материалу, так как вырабатывались в основном при исследовании языков индоевропейской, а также семитской и тюркской семей.

Современное языкоznание выдвигает на первый план как основную задачу языковедов-теоретиков описание языков по таким принципам, которые, будучи едиными, охватывали бы все известные структурные типы языков, не нарушая специфики каждого из них (см.: Серебренников 1976: 7—52).

Для современного языкоznания характерно интеграционное направление, сторонники которого стремятся выявить внутреннее единство человеческих языков и рассматривать единичное на фоне общего.

Именно это обстоятельство стимулирует, видимо, и наблюдаемое в современном языкоznании стремление к «укрупнению грамматики», т. е. попытки «исследователей увидеть за прямо наблюдаемыми явлениями скрытые и гораздо более важные и общие процессы и состояния» (Мартынов 1976: 201).

К попыткам такого рода следует отнести и разрабатывающую в последние десятилетия общую (или универсальную) теорию частей речи. Лежащий в ее основе единый для всех языков семантический принцип установления частей речи распространяется лишь на наиболее существенную часть слов любого языка — на полнозначные знаменательные слова (одно из объяснений этого — см.: Kurilovicz 1962: 66—68). Другие разряды слов не входят в систему частей речи, но могут рассматриваться в грамматическом аспекте, составляя вместе с частями речи «грамматическое учение о слове» того или иного языка. «Совершенно естественно, что выражать определенные функции, вы-

²⁸ Об истории вопроса и о критериях установления частей речи в истории их изучения см.: Кочергина 1979а: 88—94.

полняемыми членами предложения, оказываются способными различные разряды слов, категориальное значение которых дает возможность выполнять ту или иную функцию в предложении. Синтаксические функции частей речи не определяют их значения, но они также очень важны. На этом основании, — пишет Б. А. Серебренников, — части речи можно определить как функционально-семантические разряды слов» (Серебренников 1976: 25).

Определение частей речи как общих для всех языков функционально-семантических разрядов слов не отрицает, а предполагает углубленное изучение морфологического своеобразия частей речи по языкам. Среди черт, характеризующих установленные четыре универсальные части речи, онтологически значимым и исторически информативным для каждой из них выступает и словообразовательное своеобразие их в конкретном языке.

Строя исследование словообразования на семантической основе, мы берем за исходное представление о производном или о сложном слове как об определенной части речи, характеризующейся общим и стабильным грамматическим значением, — глагол, существительное, прилагательное²⁹ и наречие.

Мы отказываемся от проводившегося нами ранее функционального рассмотрения сложных слов как членов предложения. Ибо, «что касается отношения между членами предложения и частями речи, то их иерархия зависит в каждый данный момент от точки зрения говорящего. В акте кодирования синтаксическая функция заставляет нас выбрать наиболее подходящую для нас часть речи. В акте декодирования часть речи позволяет нам правильно воспринять синтаксическую структуру высказывания» (Kurilovicz 1962: 57).

Исследуя санскрит как язык, данный нам только в его письменной форме, мы постоянно имеем дело с декодированием текста, и понятие «часть речи» как некая лексико-грамматическая определенность оказывается удобной в качестве исходного классификационного понятия.

Как морфологическая или частная грамматическая категория является подклассом некоторой части речи или общей грамматической категории, так и любая словообразовательная категория, или, как ее чаще именуют, «словообразовательный тип» (принимаемое в работе определение его см. ниже), тяготеет к определенной части речи, обусловливается лингвистической семантикой последней. При этом, как и частные грамматические категории, словообразовательные типы как бы концентрируются, с одной стороны, вокруг имени, с другой — вокруг глагола.

²⁹ Прилагательные в широком смысле, т. е. как согласовательный класс слов, включающий в себя также причастия и другие образования, характеризующиеся формами рода, числа и падежа.

Существует мнение, что в индоевропейских языках префиксация — ведущий способ словообразования у глаголов, тогда как при словообразовании имен в индоевропейских языках используются преимущественно суффиксы. Однако факты свидетельствуют об обилии префиксальных образований, пронизывающих всю лексику санскрита, и о том, что в современные индийские языки перешли из санскрита именные словообразательные модели с префиксами.

Сложение основ — способ, закрепившийся в санскрите за именами. В европейских работах по санскритскому словообразованию типы сложения основ раскрываются обычно, как аналоги падежных отношений (*Rektionscomposita*). В санскрите существовала богато развитая падежная система, причем ряд падежей отличался многозначностью (например, у конструкций с винительным падежом зафиксировано восемь значений — см.: Кочергина 1973: 105—113). Как совместить этот факт с существованием в языке сложных основ, равнозначно ли основосложение санскрита словосочетанию? Выполняет ли основосложение санскрита синтаксическую функцию или является способом создания единиц сложной и усложненной номинации? Встает также вопрос, почему в санскрите (как, впрочем, и в ряде других индоевропейских языков) основосложение закрепилось за именем, а не за глаголом, тогда как в современных индийских языках широко представлены сложновербальные образования.

Эти проблемы, вырисовывающиеся при первом знакомстве с языковым материалом, выдвигают на первый план исследование именных слов. Им противопоставлены в языке глагольные слова, которые Ф. Ф. Фортунатов определял так: «Те слова-названия, которыми обозначаются или самые признаки второго рода (действия и состояния), или вещи, предметы как вместилища таких признаков, могут быть называемы по их значениям, для отличия от других слов-названий, глагольными словами, без отношения к тому, являются ли они по форме глаголами или именами (т. е. в русском языке к глагольным словам по значению, без отношения к форме, принадлежат, например, не только *ношу*, *носить*, но также, например, и *ноша*)» (Фортунатов 1956: 135).

Предметом исследования в монографии являются «неглагольные слова», т. е. существительные, прилагательные и наречия.

2.5. Категориальное значение части речи представляет собой наиболее общий компонент в смысловой структуре производного или сложного слова.

«По степени обобщения смысловой состав производного слова можно расположить на следующей нисходящей лестнице: 1) общее категориальное (частеречное) значение; 2) словообразовательное (общее и частное) значение; 3) лексическое значение. Вне сферы этой иерархической системы следует рассматривать

вать систему грамматических (парадигматических и синтагматических) значений» (Ковалик 1970: 99).

Общекатегориальное значение кладется нами в основу классификации исследуемого материала.

Словообразовательное (общие и более частное) значение — то, что мы беремся исследовать в префиксальных производных неглагольной части санскритской лексики, — является одним из компонентов смысловой структуры производного слова.

Словообразовательное (общее и более частное) значение —ских значений своей формальной выраженностью, а от грамматических значений тем, что являются необязательными, не охватывающими всех слов одной части речи» (Манучарян 1975: 12).

Проблемы определения словообразовательного значения сами по себе вызвали целую серию работ, авторы которых придерживаются различных мнений, по-разному подходят к определению словообразовательного значения⁸⁰.

Словообразовательное значение носит связанный характер, оно понимается нами как отношение производного слова к производящей основе. В соответствии с этим вводится понятие словообразовательного типа, в рамках которого формируется словообразовательное значение.

Понятие «словообразовательный тип» является, таким образом, одним из центральных понятий словообразовательной теории. Тем не менее это понятие определяется не единообразно. Нашему пониманию словообразовательного типа ближе всего определение, предложенное Е. А. Земской: «Словообразовательный тип — это схема (формула) строения производных слов, характеризуемых общностью трех элементов: 1) части речи производящей основы, 2) семантического соотношения между производными и производящими, 3) формального соотношения между производными и производящими, а именно: общностью способа словообразования, а для аффиксальных способов — тождественностью аффикса» (Земская 1973: 182).

Как свидетельствуют наблюдавшиеся нами факты, для формирования словообразовательного значения внутри словообразовательного типа более существенную роль играет не частеречная принадлежность, а семантический состав производящей основы, то, что называют ее семантическим компонентом. Видимо, частеречная принадлежность производящей основы существенна лишь постольку, поскольку общекатегориальное (частеречное) значение слова выступает наиболее общим компонентом его смысловой структуры.

Семантический компонент определяется принадлежностью производящей основы к одному из обобщенных лексико-грам-

⁸⁰ Обзор работ о словообразовательном значении см.: Ширшов 1979; новые подходы к проблеме см.: Словообразование и фразообразование. Тезисы докладов научной конференции. М., 1979 (см.: Доклады по вопросам словообразовательной семантики); Харитончик 1986.

матических разрядов слов. «Они не опираются на специальную систему форм. Вместе с тем такие разряды лексики в рамках той или иной части речи имеют определенные грамматические выявления» (Бондарко 1971: 33). И словообразовательные выявления, добавим мы. История языкоznания (и сравнительно-исторического языкоznания, в частности) знает достаточно много попыток выделения семантических разрядов лексики, существенных для определенных морфологических и синтаксических обобщений. Вспомним хотя бы семантические классификации, предлагаемые в *Grundriss*'е Бругмана и Дельбрюка. С точки зрения словообразования существенным оказывается самое общее разбиение производящих основ по семантическим классам. У существительных это наименования, обозначающие предметы одушевленные «или представляемые одушевленными» (Фортунатов 1956: 136). Им противостоят наименования предметов неодушевленных. Последние образуют оппозицию «наименования конкретных предметов и явлений» — «наименования абстрактных понятий»; используется также оппозиция «исчисляемые-неисчисляемые» предметы. Следует напомнить, что используемый нами здесь и далее «термин «предмет» в теории языкоznания — общее название объективных явлений действительности» (Степанов 1975: 282). Более частные семантические группировки устанавливаются нами с опорой на понятийную систему, предлагаемую Халлигом и Вартбургом (Hallig, Wartburg 1963). Подробнее о частных словообразовательных значениях будет сказано во II главе.

Как показывают наблюдения, семантика производящих основ сказывается на значении аффиксов, в определенной мере обусловливает его. При этом частеречная принадлежность производящих основ роли не играет. Например, *совладелец*, *символичный*, *сопредседательствовать* — тождественное значение префикса при различных частях речи (примеры из кн.: Улуханов 1977: 113).

Остановимся на форманте, аффиксе как на еще одном общем признаке, формирующем словообразовательный тип.

По вопросу о значении аффикса в современном отечественном языкоznании сложились две точки зрения. Одни ученые (Винокур 1959: 426; Янко-Триницкая 1963: 85) отказываются от определения значения аффикса вне слова. «Аффикс может иметь какой-нибудь смысл только тогда, когда он применен к какой-нибудь основе, а не существует сам по себе», — писал Г. О. Винокур (1959: 426). Другие ученые (В. И. Максимов, И. С. Улуханов) полагают, что аффиксы имеют значение также и вне слова. «Аффиксы (как и другие значимые единицы языка) имеют значение вне контекста — в системе, хотя формулирование значений многих аффиксов вызывает трудности» (Улуханов 1977: 102). Для характеристики аффиксов в метаязык описания словообразовательной семантики вводится деление их на инвариантные и неинвариантные (Улуханов 1977: 85—95).

Мы согласны с мнением о том, что «об инвариантном значении какой-либо единицы языка (слова, морфемы или грамматической категории) следует говорить в тех случаях, когда, во-первых, различные значения этой единицы, присущие ей в контексте, в окружении других единиц в той или иной степени определяются ее окружением; во-вторых, когда такие контекстные значения не исключают друг друга и могут быть подведены под более общее значение. При этом контекстом морфемы являются как морфемы того же слова («внутренний контекст»), так и слова, синтаксически связанные с тем словом, в котором выступает изучаемая морфема («внешний контекст»)» (Улуханов 1977: 91). Итак, можно сказать, что значение инвариантных аффиксов выводится из их контекстных реализаций; значение неинвариантных аффиксов тождественно их контекстному значению. Признак «инвариантность-неинвариантность» «позволяет отграничить исчислимые элементы... от неисчислимых, составляющих открытый, потенциально бесконечный ряд элементов. Исчислимыми являются наборы значений инвариантных и неинвариантных формантов, а неисчислимыми — практически необозримыми — контекстные значения инвариантных формантов и дополнительные значения³¹. Отграничение в явном виде исчислимого от неисчислимого принципиально важно и необходимо для любого семантического описания, поскольку одной из самых больших сложностей, возникающих при изучении словообразовательной семантики, всегда было установление пределов и границ во все пополняющемся списке фиксируемых значений» (Волоцкая 1973: 105).

Выvodимые из соотношения производного слова к производящей основе словообразовательные значения носят более или менее частный характер, но все их разнообразие может быть представлено в виде трех основных типов словообразовательного значения. Мы принимаем предлагаемое Докулилом деление на модификационный, мутационный и транспозиционный типы словообразовательных значений (Dokulil 1962: 29—49). При наличии модификационного значения производное содержит кроме значения производящей основы еще его модифицирующий компонент: *ati-gýrat* «очень красиво», *sukrítá* «хорошо сделанный» и т. п. Производные мутационного типа «означают субстанцию, признак, действие, отличные от того, что названо мотивирующим словом» (Улуханов 1979: 101), например *gýra* т. «внешний вид, форма» — *api-gýrat* «соответственно, сообразно»; *parát* т. «потомок, внук» — *rga-parát* т. «правнук» и т. п. При транспозиционном значении производное тождественно по значению производящей основе, за исключением компонента частеречного значения, например *слушать*—*слушание, веселый*—

³¹ О них мы не говорим, так как для языка, исследуемого только в его письменной форме, установление дополнительных значений не бесспорно.

*веселость*³². Поскольку обычно частеречный (общекатегориальный) семантический признак заложен в суффиксах, в нашем материале транспозиционный тип словообразовательного значения в чистом виде представлен не будет.

³² Справедливости ради следует напомнить, что писал о значении форм словообразования Ф. Ф. Фортунатов. В формах словообразования простые слова «различаются по значениям: а) формы, обозначающие различия в известном изменяющемся признаке отдельных предметов мысли, обозначаемых данными словами в этих их словообразовательных формах (например, словообразовательные формы в словах: *беленький, красненький и белый, красный*)... и б) формы, обозначающие отдельные предметы мысли как находящиеся в известном отношении к предметам мысли, обозначаемым другими словами, имеющими другую словообразовательную форму при тех же основах (например, в таких случаях, как *писатель, учитель* по отношению к *писать, учить*)» (Фортунатов 1956: 156). То есть Фортунатов устанавливает здесь те типы словообразовательных значений, которые позже Докулил назовет модификационным и мутационным.

ГЛАВА II ПРЕФИКСАЦИЯ

РАЗДЕЛ I ВВЕДЕНИЕ

1. Исследование древнеиндийской префиксации обязывает начать с вопроса о префиксации в общеиндоевропейском.

В IV главе своего «Введения в сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков» А. Мейе писал: «Индоевропейский язык не знает префиксов; единственный префикс, который можно было бы признать, это так называемое приращение (аугмент): скр. *á-bharat* «он нес...» арм. *e-beq*; но приращение, как мы увидели, не составляло необходимой составной части глагольной формы (см. с. 255). В этом отношении индоевропейский существенно отличается от других языков с богатым словоизменением, как семитские языки и грузинский, использующие префиксы в широких размерах» (Мейе 1938: 171). А. Мейе писал о словоизменительной префиксации. Поэтому нет необходимости противопоставлять слова А. Мейе (а точнее, первую часть первого предложения) тому, о чем писал Н. С. Трубецкой в статье «Мысли об индоевропейской проблеме».

Устанавливая константы, т. е. постоянные структурные признаки, к которым сводится понятие «индоевропейский», он относил к ним и префиксацию. Н. С. Трубецкой писал: «Слово не обязано начинаться с корня. Индоевропейских языков без префиксов не существует. Даже в наиболее древних индоевропейских языках имеются настоящие префиксы, т. е. такие морфемы, которые встречаются только в сложении с последующим корнем, а как самостоятельные слова никогда не употребляются (например, *p-* «без-», *si-* «добро-», *благо-*, *dus-* «худо-», аугмент *e-* и т. д.). В позднейших же индоевропейских языках число таких префиксов имеет наклонность увеличиваться» (Трубецкой 1958: 71). Из немногих приводимых здесь примеров явствует, что имеется в виду прежде всего **словообразовательная префиксация**.

Развитие префиксации обусловливается сложностью индоевропейского слога, наличием морфемных швов и существованием групп согласных в начале слова.

Морфемный состав слова и его словообразовательная структура в истории развития индоевропейских языков постоянно взаимодействуют. «Для любого языка, в том числе и для протоиндоевропейского, всегда характерно сложное, динамическое переплетение словообразовательных и словоизменительных рядов... При этом постоянном взаимодействии двух серий явлений — словообразовательных и словоизменительных — не оста-

ются неизменными никакие элементы слова» (Макаев 1970: 11).¹

Для решения вопроса о наличии или отсутствии префиксации в общеиндоевропейском особый интерес в современной компаративистике представляют исследование проблемы детерминативов в корне при его II состоянии и выдвинутая еще в конце XIX в. (Schrijnen 1906) разработка гипотезы преформантов а также феномена S-mobile, в котором, согласно теории преформантов, усматривается один из протоиндоевропейских префиксов.

Важность проблемы детерминативов «заключается в том что в настоящее время общая теория детерминативов является необходимой предпосылкой для создания теории индоевропейского словообразования» (Макаев 1970: 182). Что же касается проблемы S-mobile, то различие в проявлении S-mobile позволило, например, для германских языков установить два хронологических среза в их истории.

Дальняя реконструкция праиндоевропейского и реконструкция праиндоевропейского после отделения от него малоазийского диалекта, т. е. реконструкция языка последнего периода индоевропейской общности, что составляет объект ближней реконструкции, могут разрабатываться только на основе достоверных данных о строении системы индоевропейских языков и ее отдельных участков в более поздние периоды. Это касается в частности, и системы индоевропейского словообразования и связи с типологическим своеобразием отдельных языков языковых групп, входящих в индоевропейскую языковую общность.

«Большинство исследователей считают,— отмечает В. П. Нерознак,— что так называемая универбация, под которой понимается синтагматическая связь приставки и глагола, осуществлялась позднее в исторически засвидетельствованных языках, что не исключает ее наличия в общеиндоевропейском, о чем свидетельствуют корни *n̥idzo- *ni-sed «садиться», формы с (s) mobile типа *(s)ten «грохотать»... лат. tonare» (Нерознак 1980: 240).

Мы исследуем то сравнительно позднее состояние языка, когда в древнеиндийском наблюдаются взаимодействие и взаимопроникновение сложившихся в общеиндоевропейский (особенно индоиранский) период систем знаменательных и служебных слов с перераспределением функций общеиндоевропейских именных префиксов и индоиранских превербов и постепенно

¹ Мы не можем касаться в предлагаемом исследовании вопросов генезиса индоевропейской аффиксации, укажем лишь на основные работы, в которых освещаются эти вопросы: Потебня 1958; Мейе 1938; Бенвенис 1955; Фортунатов 1956; Трубецкой 1958; Макаев 1970; Андреев 195 (а также Андреев Н. Д. Раннеиндоевропейский пражзык (корнесложение, генезис детерминативов и аблauta). Герценберг, 1972); Гамкрелидзе — Иванов 1984.

формирование новой системы именных словообразовательных префиксов на основе слов *upasarga*.

2. Среди лексико-грамматических разрядов слов древнеиндийского языка слова *upasarga* занимают особое место.

Древнеиндийские языковеды установили для своего языка два, четыре и пять разрядов (*jāta*) слов или частей речи. Наибольшее распространение, как уже отмечалось в I главе, получила классификация частей речи древнеиндийского языковеда Яски (*Jāska*, III в. до н. э.), автора трактата *Nirukta*. Яска выделял четыре части речи, опираясь в этом на известное место «Ригведы» (RV., 1, 164, 45). Яска писал: *catvārī padajātānī pāñcākhyate copasarganipātācā* (*Nirukta* I, 1) — «(имеется) четыре части речи: имя и глагол, *upasarga* и частицы». Имя и глагол входили в одну группу как слова, обладающие значением не предложения, т. е. как самостоятельные знаменательные слова. *Upasarga* и частицы противопоставлялись им как слова, значимые лишь в сочетании с именем или с глаголом. Функция *upasarga*, говорил Яска, уточнять значение имени и глагола. «если действие вообще выражено глаголом, то характер действия выражен словом *upasarga*.

Иногда отмечается двойственность во взглядах на слова *upasarga* в трудах индийских ученых. Одни считают, что *upasarga* сами по себе лишены какого-либо значения; они выражают лишь значение того имени или глагола, которому подчиняются (*Cākatayāpa*). Совершенно по-иному объясняет назначение *upasarga* другая древнеиндийская грамматика (*Nirukta*). *Upasarga*, — говорится в ней, — наоборот, само по себе имеют определенные значения, и именно эти их различные значения переходят к именам и глаголам, к которым они примыкают. В этом и состоит, по мнению автора, их словообразовательная функция» (Алексидзе 1978: 6).

Яска составил список *upasarga* с их специальным кругом значений (*Nirukta* I, 3). Эти же *upasarga* приводятся у Панини (I, 4.58). Согласно Панини, слова *upasarga* относились к более обширному разряду слов, к *pīrāta* (частицам), и получали признаки слов *upasarga*, лишь когда употреблялись с глаголом (*upasargāḥ kriyāyoge* — I, 4.59). Панини и его современники (IV—III вв. до н. э.) воспринимали *upasarga* по их функции как словообразовательный элемент, связанный с глаголом и изменяющий его значение. Слова *upasarga* функционально отождествлялись индийскими учеными с наречиями. В Варттика (к Панини — I, 3.1) говорится: *kriyāvīcēsana upasargāḥ* — «глагольным определением (т. е. наречием. — В. К.) является *upasarga*». Об употреблении слов *upasarga* с именами позже пишет Дурга в комментарии к *Nirukta* (I, 3): «*upasargā hi kriyāṅgatvenaiva pāñcākhyāskandantīti*» — «*upasarga* тяготеют к имени лишь как часть глагола». Существует мнение (Misra 1966), что уже Панини трактует *upasarga* как префиксы. Как говорилось выше, Панини включает *upasarga* в общий класс неизменяемых слов,

в которых выделяет простые (*avyāya*) и составные или производные (*avyayībhāva*) неизменяемые слова (Р. II, 37—41). О толковании термина *avyāya* в индийской лингвистической традиции после Панини см.: Belvalkar 1915: 58—112, Chakravarti 1933. Словам *avyayībhāva* будет посвящен IV раздел II главы.

Ниже, на основе рассмотренных в I главе работ по санскритскому словообразованию, приводится сводная таблица, содержащая список слов *upasarga* по данным ряда ведущих исследователей.

Таблица 1

Инвентарь слов *upasarga*

По Тилаку	По Боппу	По Кале	По Гуру	По Барроу	
				I	II
pra	ati	ati	ati	a) ud	ati
para	adhi	adhi	adhi	ni	adhi
apa	anu	anu	anu	para	anu
sam	antar	apa	apa	pra	antar
anu	apa	api	abhi	ava	apa
ava	api	abhi	ava	vi	api
nih	abhi	ava	a	b) ati	abhi
dus	ava	a	ud	adhi	ava
vi	a	ud	upa	api	a
a	ut	upa	dus	anu	ud
ni	upā	dus	ni	abhi	upa
adhi	tiras	ni	nis	a	ni
api	ni	nis	para	upa	nis
ati	nis	para	pari	pari	para
su	para	pari	pra	prati	pari
ud	pari	prati	prati	sam	pra
abhi	puras	vi	vi	prati	prati
prati	pra	sam	sam	vi	vi
pari	prati	su	su	sam	sam
upa	vi				
	sam				

Примечания:

1. В левой колонке сохранен порядок расположения *upasarga*, данный Ч. Тилаком согласно индийской традиции в его трактате *Nipaṭavyayopasargavṛtti* (Tilak, изд. 1951).
2. У Ч. Тилака введены именные префиксы *su* и *dus*. Заметим, что в ведийском они могли функционировать самостоятельно. По данным Витни, в «Ригведе» *su* употребляется самостоятельно более 100 раз (Whitney 1973 : 412).
3. У Ф. Боппа отсутствуют именные префиксы и добавлены (в отличие от индийской традиции описания *upasarga*) наречия *antar* 1) «внутри, в»; 2) «между, в середине...» — CPC. 47; *tirās* 1) «поперек» 2) «в стороне» 3) «незаметно...» — CPC. 242; *puras* 1) «далше, впереди» 2) «перед, прежде» — CPC. 398.

Витти, в целом следуя Боппу, не приводит, однако, в своей классификации *tirás* и *rigas*.

4. Т. Барроу подчёркивает этимологическую близость приставки к предлогу послелогу: *upasarga* употребляются в ведийском и как служебные слова, и как глагольные приставки. В колонке I даны первыми шесть *upasarga*, которые функционировали только как глагольные приставки. В колонке II дан список глагольных приставок по Барроу с включением наречного слова *anṭar*; именные префиксы отсутствуют.

Характеризуя слова *upasarga*, Т. Барроу пишет: «В течение развития индоевропейских языков эти элементы (т. е. слова *upasarga*. — В. К.) стремились примкнуть либо к имени ... и тогда мы их называем предлогами, либо к глаголу ... и тогда мы их называем глагольными приставками. Но в индоевропейском они были самостоятельны и по отношению к имени, и по отношению к глаголу» (Burrow 1976: 209).

Свообразие древнеиндийской префиксации заключается в том, что в тот период истории индийских языков, который мы исследуем, префиксы были «молоды». В ведийском языке выступали служебные слова, которые могли бы быть отнесены как к глаголу, так и к имени, стоящие в препозиции или постпозиции к нему. Например:

bhadrā aṣvā haritāh sūryasya
citra etagvā anumadyasah
namasyanto deva ā prsthāmasthuḥ
pari dyāvāprtvī yanti sdyah

«Счастливые золотистые кони Сурии, светлые,
Быстрые, сопровождаемые ликованием,
Достойные почтения, вступили на поверхность неба,
(Они) обходят вокруг небо и землю в один день»².

Если мы принимаем критерий разграничения служебных слов и морфем, предложенный Б. А. Успенским (Успенский 1965: 98—102), то *ā* и *pari* в данном случае — служебные слова.

Под влиянием фактов ведийского языка бытует мнение, что в санскрите место *upasarga* свободное — препозитивное или постпозитивное, приименное или приглагольное, контактное или дисконтактное (см., например, изложение функций *upasarga* в кн: Antoine 1972). Видимо, было бы возможным и в ведийском уловить определенные закономерности употребления слов *upasarga*, для санскрита же мнение об относительно свободном употреблении их является просто неверным.

Еще Ф. Бопп писал об *upasarga* (он называл их предлогами, Präpositionen): «Основные значения корней (Wurzeln) могут модифицироваться самым привлекательным образом присоединяемыми предлогами, которые в самостоятельном употребле-

²«Ригведа» (RV 1, 115, 3). «Гимн Солнцу» по изд.: Aufrecht Th. Die Hymnen des Rigveda. Erster Teil. Dritte Auflage. Berlin, 1955. На русск. яз.: Древнеиндийская философия. Начальный период. М., 1972. С. 27—28. Перевод сделан В. А. Кочергиной.

ний либо не встречаются, либо встречаются, но в высшей степени редко» (Ворр 1868: 73—74). И далее: «В ведийском... мы находим предлоги часто отдаленными от глагола, к которому они относятся. Но несмотря на это, в отношении смысла внутренняя связь между предлогом и глаголом остается, т. е. корень приобретает ту же модификацию значения, которую придает ему и непосредственная связь с предлогом. Например, *sthā* «стоять» выражает в соединении с предлогом *ut* движение и сохраняет это значение, если даже предлог от него оторван, так же как в немецком, если, например, глагол *stehen* («стоять») отделен от *auf*. — «*er stand endlich auf*» («он, наконец, встал»), однако оба слова вместе передают значение *surgege*» (Ворр 1868: 74).

Не только по смыслу, но и формально в санскрите слова *upasarga* в подавляющем большинстве своем выступают как префиксы.

О префиксальном характере *upasarga* и о прочности соединения корня с префиксом в эпическом (и классическом) санскрите свидетельствуют следующие факты.

Правила акцентуации

Преверб ведийского языка в главном предложении несет на себе ударение независимо от того, в контактном или дисконтактном положении по отношению к глаголу он находится. Это распространяется и на случай наличия двух превербов-префиксов при одном глаголе: оба префикса несут ударение при отсутствии ударения на глаголе. Наблюдаются, однако, случаи, когда при наличии двух префиксов лишь второй, непосредственно примыкающий к корню, является носителем ударения.

Перемещение ударения с префикса на глагол наблюдается в придаточных предложениях ведийского языка. Позже ударение на гласном корня (а не на гласном префикса) делается характерным для производных глаголов эпического санскрита. «К классическому периоду она (т. е. приставка.— В. К.) совершенно утрачивает самостоятельность, за исключением небольшого количества слов, продолжающих функционировать как послелоги, глагольные приставки прекратили свое существование как самостоятельные слова» (Burrow 1976: 269).

Слова *upasarga* в сочетании с неглагольными словами, в том числе и с именами, производными от глагольных корней, еще в ведийском составляли «единое целое с основой, к которой они присоединены: *adhiwasá* «плащ»... *avaarāpa* «водолой» и др. В таких случаях действует общее правило, по которому приставка теряет свое ударение в пользу гласного корневой морфемы» (Burrow 1976: 269).

Эвфонические правила

1) удлинение конечного гласного у префикса (не всегда): *prati*kara «противодействующий» <*prati*+*kara*; *vīrudh* «растение» <*vi*+*rudh*;

2) утрата начального «а» в префиксах *adhi*, *api* и *ava* при сочетании с рядом корней: *dhistha* «стоящий» <*adhi*+*sthā*; *pinaddha* «привязанный» <*api*+*nāh*; *vayāhya* «пропавший» <*ava*+*yāh*;

3) корень *kar* после префиксов *ipa*, *pari* и *sam* выступает как *skar*: *samskrta* «обработанный» <*sam*+*kar*;

4) корни *sthā* «стоять» и *stambh* «поддерживать» после префикса *ud/ut* утрачивают *s*: *utthaya* «вставши» <*ud*+*sthā*;

5) *vah* и корни с начальным *ṛ* приводят к следующим изменениям на границе морфем: *a(ā)+i(ū)>ai* (вопреки правилам *samdhī*); *a(ā)+r>ar*.

Грамматические правила

В санскрите способы образования деепричастий от простых глаголов и от глаголов производных различны. От простых глаголов деепричастие образуется прибавлением к корню в ослабленном звуковом виде суффикса *-tvā*: *kṛtvā* <*kar*, *gatvā* <*gam*, *çrutvā* <*çti* и т. п.; от производных глаголов — прибавлением к корню в ослабленном звуковом виде суффикса *-(t)yā*: *apukṛtya*, *āgatyā*, *samçṛtya* и т. п.

Материал убеждает нас в том, что понятие «глагольный префикс» в отношении санскрита требует пересмотра, так как «префиксальные морфемы менее «специализированы» в отношении частей речи» (Степанова 1968: 166).

Исследуя тексты эпического (и классического) санскрита, мы установили набор префиксов как грамматических морфем деривационного значения, служащих для образования не только глаголов, но и также существительных, прилагательных и наречий.

Принимаемому нами определению морфемы (Кочергина 1979: 77) не противоречат отдельные случаи сохранения (как, например, у *prati*) функции предлога-послелога, т. е. употребление его в эпическом санскрите как полуаффикса, ибо уже было доказано (на материале немецкого языка), что модели с полуаффиксами могут быть включены в состав основных словообразовательных моделей языка (Степанова 1968: 115—116).

Инвентарь префиксов эпического санскрита включает традиционно приводимые префиксы-превербы (слова *upasarga*) и префиксы именные (по Тилаку) с добавлением общеиндоеuropeanских именных префиксов *a*, *ki*- и *sa*-.

В таблице 2 приводится в алфавитном порядке список префиксов эпического санскрита, снабженный основным значением этимологически близкого слова *prasarga* и сравнительно-исто-

Таблица 2

Префиксы эпического санскрита

Префикс	Значение upasarga	Сравнительно-исторические параллели
a-	к upasarga не относится; и.-е. a-privativum	ав. а-, др.-перс. а-, лат. en-, in-, арм. an-, гет. un-, тох. ap-, еп- («Tiefstufe zu idg.* ne, siehe na — Mayerhofer 1956: 13; Staal 1962: 66»)
ati-	«вне», «сверху»	ав. aiti-, др.-перс. atiy-, лат. at-, et-, гот. iþ-, тох. A aci, B esce
adhi-	«на», «над»	ав. aidi-, др.-перс. adiy-
api-	«за», «вдоль»	ав. aphi-, др.-перс. apuv-, лат. an-, арм. (h)am-, гот. apha-, лит. anot- (<и.-е.* enu)
ara-	«без», «от»	ав. ara-, др.-перс. ara-, лат. ab-, гот. af-, хет. atra-
api-	«к», «на»	ав. aiþi-, др.-перс. apiy-
abhi-	«к», «против»	ав. aiwi-, др.-перс. abiþi-; имеет два ряда соответствий в и.-е. языках: 1) лат. amb-, др.-в.-н. umbi-, нем. um... 2) лат. ob-, гот. bi...
ava-	«прочь», «вниз»	ав. ava-, др.-перс. ava-, лат. an-, лит. au-, хет. u-, we-, wa...
á-	«к», «до»	ав. á-, др.-перс. á-, др.-в.-н. á-
ud-	«вверх», «из»	ав. us-, uz-, др.-перс. us* (ud-s-), лат. us-, гот. út-, лит. už-
upa	«под», «к»	ав. upa-, др.-перс. upa-, лат. sub-, гот. uf-
ku	к upasarga не относится; и.-е. вопросит. основа; как префикс имеет	ku-tra «куда?», ku-tah «откуда?»;ср.: лат. qu- (quis, quod), гот. hw- (hwas— «wer»)

Продолжение таблицы 2

Префикс	Значение upasarga	Сравнительно-исторические параллели
	нейтральное значение (ku-kanyaka «плохая девушка»; kuđr̥ṣya «плохого вида», «безобразный»)	
dus-/ dur-/ dus-/ duh-	к upasarga не относится; как префикс имеет нейтральное значение (duratma «злодей», duskrta «плохо сделанный»)	ав. duš-, duz-, др.-перс. duš-, гот. tuz-, др.-в.-н. zur-
ni-	«вниз», «вокруг»	ав. ni-, pu-, др.-перс. piy-, арм. pi-, n-
nis-/ nir-/ nis-/ nih-	«из», «вперед» **	ав. niš-, niž-, др.-перс. pij-
ra-	«вперед», «прочь»	ав. <u>raig-</u> , др.-перс. <u>ra-</u> , лат. reg-, хет. <u>ra-</u>
pari-	«вокруг», «совсем»	ав. pairi-, др.-перс. pariy-, лат. reg-, гот. fair-, др.-в.-н. firi-, лит. reg- (<и.-е.* regi, *reg)
pra-	«вперед»	ав. fra-, др.-перс. fra-, лат. pro-, лит. <u>pra-</u>
prati-	«к», «против»	ав. paiti-, др.-перс. patiy-, ср.: перс. pat-, новоперс. bað; ср.: лат. pretium (<и.-е. *próti или *préti)
vi-	«прочь», «врозь»	ав. vi-, vi-, vy- др.-перс. vi-, лат. vi-
sa-	«с» («один», «одинаковый», «подобный»)	sa-<sám (см. ниже)
sam-	«с», «вместе с»	ав. han-, ham-, hən-, hám, др.-перс. han-, ham-, новоперс. an-, лит. sam-, san-, sə-

Префикс	Значение upasarga	Сравнительно-исторические параллели
su-	к upasarga не относится; как префикс имеет мейоративное значение (su-hrd «друг», su-kṛta «хорошо сделанный»).	ав. hu ^o , др.-перс. u ^o , av ^o , новоперс. hu ^o , лит. sv-

* Майрхофер отмечает: «Ai, nih wird häufig als Nominal- und Verbelpräfix verwendet, mit negierender, aber auch verstärkender oder steigerender Funktion» (Mayrhofer 1956 : 171).

рическими параллелями из других индоевропейских языков, прежде всего из иранских.

По техническим причинам параллели из древнегреческого и церковнославянского языков не приводятся.

Именные префиксы санскрита представлены группой общеиндоевропейских префиксов а-, ku-, dus-, sa-, su и индоиранских новообразований из ряда превербов — upasarga, которые включаются в систему неглагольных префиксов, расширяя и дифференцируя ее.

Префиксы неглагольных слов и являются в дальнейшем предметом нашего исследования.

3. Возвращаясь к вопросу о «формуле толкования», которая должна будет сопровождать устанавливаемые структурные модели производных (см. гл. I), мы выделяем следующие компоненты значения: 1) принадлежность производного (или в III главе — сложного) слова к определенной части речи и, следовательно, наличие у него соответствующего общекатегориального значения; 2) принадлежность производящей основы к определенной части речи и что, собственно, является основным при характеристике производящей основы; 3) принадлежность ее к определенному лексико-грамматическому разряду слов, обусловливающему «функционирование в виде члена какой-либо семантической группировки, конкретизирующей категориальное значение... в иерархически подчиненных значениях» (Кубрякова, Харitonчик 1976: 230). Иерархически соотносимых значений может быть несколько. Для определения словообразовательного значения модели необходимо также учитывать характер словообразовательных формантов, и, следовательно, «формула толкования» префиксальных производных должна содержать 4) определенные сведения о префиксе, а именно — указание на: а) принадлежность префикса к общеиндоевропейским именным префиксам или к превербам, б) его инвариантность или неинвариантность, в) его транспонирующий или нетранспонирующий характер. Оппозиция транспонирующие — нетранспонирую-

щие префиксы отражает наличие или отсутствие способности префикса переводить производное слово в другую часть речи.

Перечисленные характеристики позволяют вывести словообразовательные значения моделей — частные словообразовательные значения и общее типовое словообразовательное значение. О последнем было сказано в I главе (2.5). Что же касается частных словообразовательных значений, связанных с семантическим компонентом производящей основы, то для удобства представления системы словообразовательных значений мы вводим ряд терминов, образованных на базе корней классических языков и в большинстве своем употребляемых в языкоznании, — партитивное, посессивное, адверсативное, конгруэнтное и другие значения³, с иерархией внутри них, обусловленной иерархией внутри компонентов, формирующих семантическую структуру производного. Введению указанных терминов предшествует в тексте «словесная формула», а сами употребляемые термины рассматриваются нами только как рабочие.

РАЗДЕЛ II

ПРЕФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Префиксальные имена существительные санскрита распадаются на две группы: 1) существительные с префиксом в качестве первой, ранней ступени деривации и 2) существительные с префиксом в качестве последней ступени деривации.

Первая группа представлена существительными, в которых используются префиксальные производящие глаголы (корни). Это обширная группа существительных отглагольного происхождения:

gam — «идти», ā-gam «приходить» — I ступень деривации; āgam-ana «приход» — II ступень деривации;

paç — «проходить, исчезать», vi-paç «уничтожать» — I ступень деривации; vinaç-ana «уничтожение» — II ступень деривации;

çās — «учить», anu-çās «поучать, наставлять» — I ступень де-

³ Обозначая словообразовательное значение, передающее отрицательное отношение к тому, что выражает производящая основа, мы употребляем термин «нейгративное значение» от лат. reiōg — ср. степень от malius «плохой». Противоположное ему словообразовательное значение, передающее положительную характеристику того, что выражает производящая основа, следовало бы соответственно обозначить производным, от сравнительной степени прилагательного bonus «хороший», т. е. melior, однако термин «мелиоративный» выступает как омоним имеющемуся уже в русском языке термину совсем иной области науки. В связи с этим в лингвистической литературе по аналогии с «нейгративный» возник термин «мейоративный», который мы, несмотря на его вынужденную неправильность, все же позволим себе в дальнейшем употреблять.

ривации, а̄nūçās-апа «учение; предписание, правило» — II ступень деривации.

Подобные существительные, содержащие префиксы, удалены от корня на две формальные операции, из которых префиксальное словообразование является первой, более ранней операцией; следующая за ней вторая операция — суффиксальное словообразование (в приведенных примерах с помощью суффикса -апа образовано существительное от производного глагола).

Специальное исследование этой большой группы производных существительных не входит в круг наших задач, так как мы исследуем последнюю словообразовательную операцию (см. гл. I), а подобные существительные в качестве последнего деривационного шага демонстрируют случаи полифункционального суффиксального способа словообразования.

Поскольку в отглагольных существительных сохраняются, как правило, те же семантические отношения между корнем и префиксом, что и в производящем глаголе, они могут привлекаться к исследованию определенных аспектов глагольной префиксации.

Переходим к рассмотрению существительных с префиксом в качестве последней ступени деривации, что, собственно, и составляет основную задачу настоящей главы. Десубстантивные существительные образованы в исследованных нами текстах со следующими префиксами: a-, ati-, adhi-, аpi-, аra-, ipa-, ku-, dus-, p̄ga-, p̄ati-, vi-, su-.

Можно считать установленным фактом, что и.-е. *a*-privativum развилось из некусского отрицания (Wackernagel 1957; Staal 1962) и употреблялось в древних индоевропейских языках как специальное отрицание и как префикс. Отрицание па было безударным; в слабом звуковом виде па представлено как а- (< и.-е. *n). Префикс *a*- (ап- перед гласными) в составе производных существительных обычно является носителем ударения. Это обстоятельство или вступает в противоречие с мнением о генетической связи па и а-, или, как нам представляется более вероятным, безударный по происхождению а-, сохраняющий безударность и как префикс в определениях, приобрел ударение уже в составе производных имен. Перемещение ударения выступает в санскрите в данном случае в качестве словообразовательного способа (см.: Burrow 1976: 108—111, 202, 265, 269). «Особый акцент на á(n)- у имен существительных так сильно укрепился в сознании, что он проникает иногда также в (те) случаи, где вовсе нет сочетания с а(n)-, а просто первый элемент композита или именная основа вторичного образования (т. е. с суффиксом *taddhita*. — В. К.) является словом, начинающимся с а(n)-, например: MS. ácchidra-tva «точность, полнота» и ágratiratha-tva «состояние agratiratha» (т. е. состояние, когда в битве не оказывается соперник. — В. К.)» (Wackernagel 1957: 80).

В санскрите префикс а(n)- имеет очень широкое применение

как приименной аффикс, образующий привативную пару или передающий отрицательную оценку того, что выражает производящая основа. Например, *mitra* m. «друг» — *á-mitra* m. «враг», *tīrtha* n. «путь» — *á-tīrtha* n. «неверный путь».

Производные с префиксом *á(n)*- составляют не менее трети всех префиксальных существительных.

Хотя сочетаемость *a-privativum* с именными основами кажется почти неограниченной, мы, зная о наличии других привативных префиксов в санскрите, считаем необходимым в данном случае подробнее остановиться на производящих десубстантивных основах.

Около 12% производящих основ существительных с *a-privativum* составляют наименования одушевленных предметов (*kanyā* f. «девушка», *kartar* m. 1) «создатель, творец» — CPC. 152; *gatar* m. «певец» — CPC. 191; *guru* m. «учитель», *jñāti* m. «родственник» — CPC. 226; *dāsī* f. 1) «рабыня» 2) «слушанка» — CPC. 267; *deva* m. 1) «бог»... — CPC. 284; *dhenu* f. 1) «корова» — CPC. 308; *purusa* m. 1) «человек» — CPC. 398; *pravaktar* m. 1) «учитель» — CPC. 439; *brahman* m. 1) «жрец-брахман» — CPC. 470; *brta* m. 2) «слуга» — CPC. 485; *mitra* m. «друг», «приятель» 2) «союзник» — CPC. 512; *sajjana* m. «хороший или мудрый человек» — CPC. 678; *sapatna* m. 1) «соперник»... — CPC. 689; *svamin* m. 1) «хозяин, владелец» — CPC. 766; *satīva* n. «живое существо» — CPC. 68).

Образцы:

ákanyā f. «не девушка» (M. 225); *ájñāti* m. «не родственник» (M. 5, 103); *ádāsa* m. «не раб, свободный человек» (Mbh. 3, 15797); *ádeva* m. «не бог, демон» (M. 9, 315); *ábrahmana* m. «не брахман» (M. 2, 241, 242); *ámītra* m. «недруг, враг» (M. 2, 239); *ásajjana* m. «некоторый человек, злодей» (Hit. II, 148); *ásapatna* m. «не соперник, не конкурент» (Mbh. 3, 4093).

По модели *á+S nom. agentis* продуктивно образование таких существительных, как *ákartar* m. «не творец, не деятель» (MW. 1), *ágatar* m. «не певец, плохой певец», *ágravaktar* m. « тот, кто не пригоден для обучения» и подобные. В словаре Монье-Вильямса зафиксировано слово *asvamin* m. «не повелитель, не господин» — MW. 124.

8—9% префиксальных существительных с *a-privativum* образовано от существительных, являющихся наименованиями конкретных явлений и предметов (*deça* m. 1) «место; местность» — CPC. 287; *kṛtānna* n. 1) «приготовленная, сваренная пища» — CPC. 171; *utkāta* n. 2) «неровная местность»; *udaka* n. 1) «вода» — CPC. 117; *pada* n. 4) «место» — CPC. 365; *bhūmi* f. 3) «место» — CPC. 484; *varṣa* m. 1) «дождь» — CPC. 568; *vas-tu* II n. 2) «вещь, предмет» — CPC. 572; *sthāna* n. 3) «позиция...» 5) «место; местоположение» — CPC. 754; *cala* m. 1) «движение» 2) «шатание, колебание» — CPC. 268).

Образцы:

ádeça m. «неправильное, неподходящее место» (Hit. IV. 45); ápada n. «неподходящее место; неподходящее время» (Kathās. 26, 23); ábhūmi f. «не земля; неподходящее место» (Çāk. 101, 19); ávarsa m. «отсутствие дождя; засуха» (БПС I, 486); ávastu n. «не ценная вещь» (Kumāras. 5, 66); ácala «то, что не подвижно»: -a m. «гора», -ā f. «земля» (БПС I, 60).

Данная модель особенно продуктивна в случае, если при наименовании конкретики производящая основа уже является производным образованием с префиксом: útkhāta n. «неровная почва; шероховатая поверхность» (MW. 177) — anútkhāta n. «лишенная неровностей почва; гладкая поверхность».

Обращает на себя внимание тот факт, что часть существительных из рассмотренных выше подгрупп связана по конверсии с именами прилагательными. Например, adevá «не божественный», abhṛtā «не оплачиваемый постоянно», abrahmāna «лишенный брахманов, без брахманов», asarpaṇa «мирный», acalá «неподвижный». О месте ударения в существительных и прилагательных, связанных по конверсии, говорилось выше. Что же касается направленности отношений производности в подобных случаях, то о неоднозначности решения этого вопроса при рассмотрении суффиксации писал еще Бругман: «Суффиксы, которые с праиндоевропейских времен выступают в прилагательных, все встречаются также и с существительными. Теперь спрашивается, является ли более ранним, первоначальным их применение употребление или употребление приадъективное. В части слов последнее, несомненно, более древнее. У другой части кажется, что более древним является первое. Например, скр. máhas «величина; величие» наряду с mahás «большой; великий». В ряде случаев решение этого вопроса вообще пока что невозможно» (Brugmann 1889: 420). Аналогичную картину дает и префиксация: наблюдается употребление одного и того же префикса (в данном случае «-а») как с существительными, так и с прилагательными. Направление отношений производности, по крайней мере в нашем материале, устанавливается от прилагательного к существительному. Обратное — образование прилагательных от существительных — имеет место при возникновении слов bahuvrīhi и их аналогов с префиксами, о чем будет сказано ниже (см. II. 3 и III главу).

Третья группа — наименования абстрактных понятий — охватывает около 80% производных существительных — с a-privativum и по характеру производящей основы распадается на три подгруппы:

а) Существительные, образованные по конверсии от имен прилагательных с a-privativum. Рассмотрению этих имен прилагательных посвящена часть III раздела настоящей главы, на которую мы и должны сейчас сослаться. Говоря о группе существительных, образованных по конверсии, необходимо еще

раз подчеркнуть своеобразие ударения в них, которое несет á-, тогда как в именах прилагательных ударение падает на последний слог производящей основы⁴.

Группа существительных, образованная от прилагательных по конверсии, составляет не менее 10% от общего числа всех существительных с a-privativum.

б) Существительные с a-privativum, образованные от корневых, непроизводных существительных или от существительных с суффиксами krt: ar̥tha m. 3) «преимущество» 4) «польза, выгода...» 6) «достояние...» 10) «смысл, значение» — CPC. 70; naaya m. 1) «поведение» 2) «жизненная мудрость» — CPC. 315; dharma m. 2) «мораль...» 4) «совесть...» 7) «долг, обязанность» 8) «закон» — CPC. 300; dr̥sta 2 п. «восприятие, познавание» — CPC. 283; dāna n. 1) «дар, дарение» 2) «пожертвование» — CPC. 264; tīrtha n. 1) «подход или ступени (к реке или жертвенному алтарю)...» 6) «подходящий момент» — CPC. 243; jīvita n. 2) «жизнь, образ жизни» 3) «продолжительность жизни» — CPC. 225; ghosa m. 1) «шум, гул» 2) «крик» — CPC. 203; guna m. 2) «добродетель» — CPC. 193; и многие другие.

С подобными существительными образовано около трети всех существительных с префиксом á-.

Образцы:

ápaaya m. «глупое поведение; неудача, неловкость» (Raīc. I, 185); ánartha m. «вред, несчастье» (Raīc. I, 379); ádhvāna m. «беззвучность, немота; молчание»; ádharma m. «неправда, несправедливость; вина» (M. 1, 26); ádvaita п. «отсутствие двойственности, цельность»; ádr̥sta п. «невидение, слепота; судьба» (Raīc. V, 27); ádāna п. «недавание, отсутствие пожертвований» (Raīc. II, 74); átīrtha п. «неверный путь; неподходящий момент»; áparvan п. «время, которое не парван» (Raīc. IV, 49); áprīti f. (БПС I, 45); águna m. «отсутствие добродетели» (M. 3, 22); áparvan п. «время, которое не парван» (Raīc. IV, 49); áprīti f. «вражда» (MW. 59); ábhāva m. «небытие; уничтожение» (БПС I, 328); ábhāva m. «отсутствие; недостаток; смерть» (БПС I, 328); ábhūti f. «небытие» (БПС I, 356); ámayā f. «не иллюзия, не обман, реальность» (MW. 81); áyatna m. «отсутствие старания; беззаботность» (Hit. 38, 18); áyaças п. «неуважение, позор» (Raīc. II, 116); áyoga m. «разъединение, утрата связи, отсутствие обусловленности» (БПС I, 398); áratī f. «непокой, нетерпение» (БПС I, 407); árcisi f. «отсутствие аппетита» (БПС I, 415); álābha m. «недостижимость; утрата» (M. 6, 57); álopa m. «наличие» (MW. 95); árvitti f. «отсутствие средств к существованию» (M. 4, 223); áçaktī f. «бессилие, слабость» (MW. 112); áçraddhā f. «неверие; недоверие» (M. 4, 225); áçrutī f. 1) «неслушание» 2) «не ведийский текст»

⁴ Подробнее об ударении при сочетании с а(п) см.: Р. II, 2, 6, 2, 116; VI, 2, 155—161; VI, 2, 172—174.

(Çat. Br. 13, 8, 1, 2) (БПС I, 519); *ásamad* f. «отсутствие спора, единодушие» (Çat. Br. 1, 1, 2, 18); *ásparça* m. «отсутствие соприкосновения, нестесненность» (MW. 123); *ásmarana* n. «отсутствие памяти, забвение самого себя»; *áhela* f. «отсутствие ревности; серьезность».

в) Наиболее многочисленна та подгруппа наименований отвлеченных понятий, у которых производящая основа выражена отлагольным существительным, являющимся производным от префиксального образования или от образования с *sat*: *aveksana* (*ava*+*iks*-*ana*) n. «забота, внимание» — CPC. 81; *ákāla* (*á*+*kāla*) m. «подходящее время; срок» — БПС I, 586; *ácāra* (*á*+*cār-a*)⁵ m. 1) «образ жизни; поведение» — CPC. 90; *áçraya* (*á*+*çri* осн. наст. вр.) m. 1) «опора, поддержка» — CPC. 103; *vipāka* m. (*vi*+*pac-a*) m. 2) «переваривание» — CPC. 595; *vibhāga* (*vi*+*bhaj-a*) m. 1) «деление, разделение» 3) «отличие, различие» — CPC. 597; *virodha* (*vi*+*rudh-a*) m. 1) «ссора» 2) «спор» 3) «вражда» — CPC. 602; *viveka* (*vi*+*vic-a*) m. «отделение» — CPC. 605; *visāda* (*vi*+*sad-a*) m. 3) «отчаяние» — CPC. 610; *visamvada* (*vi*+*sam*+*vad-a*) m. «противоречие, несогласие» — CPC. 611; *vyapadeça* (*vi*+*apa*+*diç-a*) m. 1) «обозначение; помета» — CPC. 626; *vyavahāra* (*vi*+*ava*+*har-a*) m. 2) «поступок...» 4) «поведение» 5) «обращение с кем-л.» — CPC. 627; *vyāpāra* (*vi*+*ā*+*rag-a*) m. 1) « занятие, дело; деятельность» — БПС VI, 1472; *samkara* (*sam*+*kar-a*) m. 2) «смешанный брак (между лицами разных каст)» — CPC. 674; *satkalpanā* (*sat*<*sant*) 3) «действительный, настоящий» — CPC. 684+*+kalpanā*<*kalp-anā* f. 3) «изобретение; выдумка, вымысел» — CPC. 155) f. «предыскателька»; *sadvāda* (*sad*<*sant* — см. выше+*+vada*<*vad-a* m. 1) «речь, разговор» — CPC. 575) m. «учение, теория»; *samtosa* (*sam*+*tus-a*) m. 3) «удовлетворение, удовлетворенность» — CPC. 685; *samdarçana* (*sam*+*darç-anā*) n. «встреча; общение» — БПС VII, 635; *samnidhāna* (*sam*+*ni*+*dhāna*) n. 2) «присутствие, наличие» — CPC. 688; *sambhāvanā* (*sam*+*bhū-anā*) f. 3) «уважение, почитание» — CPC. 707; *sambhūti* (*sam*+*bhū-ti*) f. 1) «возникновение» — CPC. 708; *sādrçya* (*sa*+*ā*+*drçya*) n. «сходство, подобие» — CPC. 722.

Приведенные выше существительные употреблены более чем в трети производных с *a-privativum* (~35%).

Образцы:

ánaveksa n. «непредусмотрительность, беззаботность» (М. 7, 111); *ánakāla* m. «тяжелое время; неподходящее время» (Çat. Br. 2, 4, 2, 4); *ánacāra* m. «плохое поведение; плохой образ жизни» (БПС I, 183); *ápacraya* m. «независимость» (MW. 29);

⁵ Здесь и далее в случаях сочетания с суффиксами при образовании отлагольных существительных в скобках даются пояснения явлений сандхи и этимология, но при этом не передаются закономерности чередования гласных в корне (о них см. в гл. II, раздел 2, 1).

ávipāka m. «плохое пищеварение» (БПС I, 500); ávibhāga m. «нечленимость, единство; отсутствие различий, однородность» (MW. 109); ávirodha m. «отсутствие спора, вражды; единодушие» (Kāty. Čr. 2, 6, 36); áviveka m. «неотделимость; недостаток силы суждения» (БПС I, 501); ávisāda m. «отсутствие отчаяния, мужество» (Mbh. I, 7100); ávisamivāda m. «отсутствие противоречий; соответствие» (Mbh. XII, 9240); ávyapadeṣa m. «необозначенность, отсутствие помет, указаний» (MW. 111); ásamkara m. «отсутствие смешения, однородность; равность (в браке)» (Mbh. XIV, 2777); ásatkalpanā f. 1) «непроисходящее действие, ложное представление» (Čāk. 66, 3); ásadvāda m. «лжеучение» (MW. 118); ásamīśa m. «недовольство; неудовлетворенность» (Čāk.) ásamnidhāna p. «неприсутствие, отсутствие» (MW. 119); ásambhāvanā f. «непочтительность, неуважительное отношение» (MW. 119); ásambhūti f. «исчезновение; уничтожение» (Čat. Br. 14, 7, 2, 13).

Как видим, модель а-+S оказывается в высшей степени продуктивной, если производящая основа выражена существительными, образованными от префиксальных глаголов и представляющими образцы сложной номинации отвлеченных понятий и явлений. Образование по модели а-+S возможно во всех тех случаях, где производящая основа представляет собой наименование, допускающее по своему лексическому значению образование антонимической пары:

ragyāpti f. «достаточность»	— áragyāpti f. «недостаточность»
ratīvāraṇa p. 1) «защита»	— ápratīvāraṇa p. «отсутствие охраны, незащищенность»
2) «охрана»	
brasāda m. «доброта; добро- делательность»	— áprasāda m. «недоброжела- тельность»
rūpārāga m. 1) «занятие, дело»	— ávūpārāga m. «отсутствие (на- стоящего) дела; безделие»
rāmdarçana p. «встреча; об- щение»	— ásāmdarçana p. «отсутствие общения с людьми, одиноче- ство»
sādrçya p. «сходство, подо- бие»	— ásādrçya p. «несходство, раз- личие» и т. п.

Таким образом, модель а-+S — продуктивная модель в санскрите. Образованные по ней производные составляют в большинстве своем (65—70%) наименования отвлеченных понятий.

То, что а(n)- присоединяется в большинстве случаев к именам от префиксальных глаголов, указывает на относительно позднее (по сравнению с периодом образования системы префиксов) формирование словообразовательной модели а-+S. С другой стороны, употребление a-privativum в системе словоизменения глагола, на что указывал А. Мейе (Meillet 1938: 171), демонстрирует более раннее использование а-: в префиксальных глаголах a-privativum в формах imperfectum стоит не-

посредственно перед глагольной основой после префикса. Например, *sā... vyavardhata ngrātmajā* (*Mbh.* III, 294, 26) — «эта... царская дочь вырастала». Здесь глагольная форма *vyavardhata* <*vi-a-vardhata* (*imperfectum* от *vardh* «расти», *vi+vardh* «вырастать»).

По модели *a-+S* образуются сложные наименования отвлеченных предметов, явлений и лиц, противоположные тем, которые выражает производящая основа (собственно привативное значение), или наименования конкретных предметов и явлений, содержащие отрицательную оценку того, что выражает производящая основа (нейтральное значение).

По принятой нами системе определений типов словообразовательного значения (*Dokulil*, 1962) значение модели *a-+S* должно быть признано мутационным.

Тип *ati-+S* (как и можно ожидать, зная значение слова *upasarga ati-* «очень; чрезвычайно») дает представление о модификационном словообразовательном значении производных. Производные с *ati-* выражают большую интенсивность, высшую степень того, что выражено производящей основой. Однако примерно половина производных с *ati-* обнаруживает далее развитие метафорического значения, приводящего в ряде случаев к появлению мутационного словообразовательного значения модели *ati-+S*. Существительные с префиксом *ati-* образованы в массе своей от отглагольных имен (*S=осн. наст. вр., S=pp, S=V+-na, S=V+-ti, S=V+-a*).

В случае сохранения чисто модификационного значения модели в качестве производящей основы выступают существительные, служащие:

1. Наименованиями черт характера или состояний человека (*nirbandha* m. «упрямство» — CPC. 338; *prasakti* f. «склонность» — CPC. 444; *prasaṅga* m. то же значение; *māna* m. 2) «самомнение...» 4) «гордость» — CPC. 508—509; *lobha* m. 1) «жадность, алчность» — CPC. 558; *çrama* m. 3) «усталость» — CPC. 656; *sādhvasa* n. 1) «замешательство» — CPC. 724; *sneha* m. 5) «расположение, любовь» — CPC. 757; *ādara* m. 2) «уважение» — CPC. 92; *upasāga* m. (n.) 4) «вежливость» — CPC. 123; *vrddhi* f. 1) «рост...» — CPC. 617).

2. Повседневных явлений природы (*varṣa* m. 1) «дождь...» — CPC. 568; *vāta* m. «ветер» — CPC. 575; *vārsana* n. «дождь» — CPC. 568; *vrsti* f. «дождь» — CPC. 619).

3. Бытовых понятий (*cāmcaya* m. 1) «запас» — CPC. 678; *bhāra* m. 1) «ноша, груз...» — CPC. 479).

Образцы:

1. *atinirbandha* m. «слишком большое усердие» (*Macd.* 6); *atiprasakti* f. «слишком большая приверженность» (*M.* 4, 16); *atipraśaṅga* m. «слишком большая склонность» (*Rafc.* I, 201); *atimāṇā* m. «высокомерие» (*Çat. Br.* 5, 1, 1; 1,); *atilobha* m. «чрезмерная потребность; алчность» (*Rafc.* V, 20; *atiçrama* m. 66

«переутомление» (Macd. 7); *atisādhvasa* п. «очень сильная робость или застенчивость» (MW. 13); *atisneha* т. «беззаботная преданность, любовь» (Macd. 8); *atyādara* т. «слишком большое уважение, внимание, предупредительность» (Рабс. I, 463); *atyuprācāga* п. «чрезмерная услужливость, угодливость» (Macd. 8); *ativṛddhi* ф. «чрезмерное увеличение, рост» (БПС I, 103);

2. *ativṛsti* ф. «проливной дождь, ливень» (БПС I, 103); *ativarsa* т., п. то же значение; *ativarsana* т. то же значение; *ativāta* т. «сильный ветер, ураган» (MW. 13);

3. *atisamcaya* т. «чрезмерный или большой запас» (MW. 13); *atibhāra* т. «очень тяжелая ноша, очень тяжелый груз» (Рабс. I, 22).

Метафорическое значение модели *ati-+S* возникает при производящих основах — существительных, являющихся наименованиями конкретных предметов или конкретных процессов деятельности, тогда как образовавшееся префиксальное существительное при первоначальном сохранении и варьировании усиленного значения зачастую становится наименованием отвлеченного понятия, как, например, *bhūmi* ф. 1) «земля...» 6) «основа» — СРС. 484; *atibhūmi* ф. «высшая степень, апогей» (БПС I, 99); *vada* т. 1) «речь, разговор» — СРС. 575 — *ativāda* т. 2) «искорблечение, обида» (М. 6, 47); *prabandha* т. 1) «связь, связывание...» — СРС. 433 — *atiprabandha* т. «непрерывность, продолжительность» (Ragh. 3, 58); *samnidhāna* п. 2) «присутствие, наличие» — СРС. 688 — *atisamnidhāna* п. «содействие»; *geka* т. «очищение, опорожнение» — БПС VI, 429 — *atireka* т. «излишек, избыток» (Рабс. 43, 15); *krama* т. 1) «шаг» 3) «движение...» — СРС. 176 — *atikramata* т. 1) «преодоление» (Рабс. I, 228) 2) «промежуток (времени)» (Рабс. 55, 5—6); *ramana* п. 1) «шагание, наступление» — *atikramana* п. 1) «прокаждение (времени)» (Рабс. I, 170) 2) «нерадение, невнимание» (СРС. 26); *cāra* т. 1) «хождение...» — СРС. 209 — *aticāra* т. «быстрое движение» (БПС I, 93).

Существительные с префиксом *ati-* составляют не более 2—3% от общего числа префиксальных имен существительных.

Тип *adhi-+S* представляет очень небольшой, но весьма определенный разряд имен существительных, обозначающих одуваленный предмет, лицо.

Производящие основы представлены наименованиями людей и богов (ра т. «повелитель», *pati* т. то же значение, *deva* т. «бог», *devatā* ф. «божество», *daivata* п. то же значение, *purusa* т. «человек», *bhūta* п. «живое существо», *iṣa* т. «владыка» — СРС. 111) и, реже, конкретных предметов (*ratha* т. «колесница»).

Присоединением префикса *adhi-* образуются имена существительные, обладающие модификационным словообразовательным значением: производные обозначают лицо, возвышающее-

ся в прямом или переносном смысле над тем, кто (или что) выражает производящая основа: adhideva м. «высший бог» (БПС I, 149); adhidevatā f. «высшее, покровительствующее божество» (Ragh. 12, 17); adhidaivata п. то же значение (Bhag. 8, 4); adhi-ра м. «повелитель» (Ragh. 2, 1); adhipati м. «повелитель, владелец» (M. 7, 119); adhipurusa м. «высший дух» (БПС I, 150); adhibhūta п. «высшее существо» (Bhag. 8, 4); adhivatha м. 1) «воин на колеснице» 2) «возница» (Mbh. 5, 4759); adhiča м. «господин, верховный владыка» (Рас. I, 231).

Модель adhi-+S несет модификационное словообразовательное значение, и производные обозначают исключительно одушевленный предмет, лицо.

Эту модель не следует путать с моделью γ+-a или γ+-ti, если производящий глагольный корень имеет префикс adhi-. Например, adhigama м. «достижение» — СРС. 34 <adhi+gam, adhikāra м. 1) «контроль, надзор...» — СРС. 34 <adhi+kar или adhīti f. «изучение» <adhi+i 1) «учиться, изучать».

Тип апи-+S, по аналогии с Sm=γ+-a, где γ включает префикс апи-, представлен в исследованных текстах только словом апуванича м. «генеалогия, родословная» <апи+vaniča м. 1) «род, семья» 2) «родословная» — СРС. 559. Существительное апиваça 2м. «послушание, смирение», несомненно, отглагольного происхождения, γ-vaç 1) «домогаться» 2) «хотеть, страстно желать» — СРС. 570, но апиваç в БПС нет (см.: VI, 817—818). Поэтому мы вправе заключить, что апиваça <апи+vaça 1 м. 1) «воля» 2) «желание» — СРС. 570.

Оба рассмотренных случая показывают, что исключительно редкая модель апи-+S несет мутационное словообразовательное значение: существительное передает соответствие тому, что выражает производящее существительное.

Подавляющее большинство существительных с префиксом апи- являются суффиксальными образованиями от префиксальных глаголов (II, 2). Например, anukalpa м. «следующее правило (которое подчиняется первому)» — СРС. 40 <apu+kalp «следовать по порядку за» — БПС II, 199, модель Sm=γ+-a; apimati f. «одобрение» <апи+man «одобрять» — БПС V, 513, модель Sf=γ+-ti; anipaya 2м. 1) «примирение» 2) «дружественность, дружелюбие» <апи+nī 2) «мирить, примирять» — СРС. 42, модель Sm= осн. наст. вр.; anusamdhāna п. «внимание, уважение» <apu+sam+dhā «следить мыслью, наблюдать, испытывать» — БПС III, 927, модель Sn=γ+-ana, и многие другие.

Тип ара-+S — единичные случаи, в которых существительные выступают как наименования неодушевленных предметов, а образующееся производное существительное выражает отсутствие или периферийность того, что выражает производящая основа: yácas п. 1) «уважение» — СРС. 528 — arayaças п. «неуважение» (Bhartrh. 2, 45); marga м. 2) «тропа; дорога» — СРС. 510 — aramarga 11 м. «окольный путь, объездная дорога»

(Рафс. 169, 15); *sadā* m. «плод»⁶ — *āpasada* m. 2) «дёти от смешанного брака (когда отец более низкой касты)» (Mbh. 12, 1737); *aṅga* m. 2) «сторона, бок» 3) «тело» — СРС. 21 — *ārāṅga* m. «внешний уголок глаза» (Megh. 23, 28).

Тип *ира-+S* передает мутационное словообразовательное значение. По модели этого типа образуются деноминативные существительные, обозначающие близость, подчиненность или второстепенность, малость, вторичность по отношению к тому, что выражает производящая основа.

Производящая основа представлена существительными, являющимися:

1. Наименованиями одушевленных предметов (*pati* m. 1) «гос-«господин» 2) «супруг» — СРС. 364; *patnī* f. «госпожа, супруга» — СРС. 364; *mātar* f. 1) «мать» — СРС. 507).

2. Наименованиями конкретных предметов (*kanṭha* m. «шея, горло» — СРС. 146; *vana* n. 1) «лес» — СРС. 562).

3. Наименованиями исчислимых понятий (*aṅga* n. 2) «член, часть тела» — СРС. 22; *anta* m. n. 1) «конец» 2) «край, граница» — СРС. 47; *pada* n. 8) грам. «слово» — СРС. 365; *dharma* m. 8) «закон» — СРС. 300; *rūgāṇa* n. «назв. собрания мифов и легенд...». Пураны — СРС. 398).

Образцы:

1. *irapati* m. «любовник» (Yajī, 1, 164); *irapatnī* f. «вторая (неглавная) жена»; *iramatātar* f. «мачеха» (БПС I, 962);

2. *irakanṭha* n. «близость, соседство» (Рафс. 222, 1); *iratyakā* f. «местность у подножия горы, предгорье» (Hit. 80, 13); *iravana* n. «лесок, подлесок» (Mbh. I, 6536).

3. *irāṅga* n. «добавление; приложение; комментарий» (СРС. 129); *irānta* m. n. «непосредственная близость; граница, край» (Mbh. 3, 198); *iradharma* m. «подчиненное, второстепенное правило или обязанность» (M. 4, 147); *irarada* n. грам. «слово в подчиненном положении, сопроводительное слово» — о первом элементе сложного слова, но не в *bahuvrīhi*, о частице и приставке — (P. I, 3, 16, 71); *irarigāṇa* n. «вторичные Пураны» (БПС I, 959).

Префикс *ира-* выступает как инвариантный. Деноминативные существительные с *ира-* представлены весьма незначительным числом существительных (менее 1% от общего числа префиксальных имен).

Следует отметить, однако, стабильность употребления производных с *ира-*, позволившую префиксальным существительным с *ира-* перейти в составе слов *tatsama* в современные индийские языки в именах родства и в научных (филологических)

⁶ *sada*<*sad* 1) «сидеть, опускаться», но: *apasad* в БПС нет, следовательно, *āpasada* не может быть отнесено к существительным, рассмотренным в II. 1.

терминах (Heimann 1951; Бархударов 1960, 1964; Джалилова 1976).

По модели *ki-+S* образуются существительные, передающие различные оттенки пейоративности того, что выражает производящая основа.

Модификационно словообразовательное значение обуславливает сочетание *ki-* с именами, которые могут различным образом квалифицироваться.

Производящая основа представлена существительными, являющимися:

1. Наименованиями одушевленных предметов (*purusa* m. 1) «человек» — СРС. 398; *putra* m. 1) «сын» — СРС. 369; *bhartar* m. 4) «супруг» — СРС. 476; *bhiksu* m. «нищенствующий монах» — СРС. 481; *mitra* m. 1) «друг» — СРС. 512; *rājan* m. «раджа, царь» — СРС. 542; *strī* f. 1) «женщина», 2) «жена» — СРС. 752.

2. Наименованиями конкретных предметов (*cela* n. «одежда» — СРС. 907; *ṛlava* m. 1) «лодка» — СРС. 548).

3. Наименованиями абстрактных понятий (*sagṛā* f. 2) «поведение, образ жизни» — СРС. 208; *mati* f. 1) «мысль» — СРС. 490; *cīla* n. 1) «характер, нрав» — СРС. 648).

Образцы:

1. *kirupura* m. «плохой (бедный) человек» (Mbh. 13, 108); *kiruputra* m. «плохой (неродной) сын» (Райс. V, 17); *kubhārtar* m. «плохой супруг» (СРС. 166); *kubhiksu* m. «плохой (жалкий) нищий» (СРС. 166); *kumitra* m. 1) «плохой друг» 2) «противник, враг» (Райс. III, 61); *kurājan* m. 1) «плохой царь» (Райс. V, 64), *kustrī* f. «плохая жена» (БПС II, 375);

2. *kucela* n. «плохая одежда, лохмотья» (М. 6, 44); *kuplava* m. «плохая (ветхая) лодка» (М. 9, 161);

3. *kucagṛā* f. «плохой (порочный) образ жизни» (М. 9, 17); *kukāvya* m. «плохая поэма» (СРС. 164); *kuçīla* n. «плохой нрав» (СРС. 168); *kumati* f. «плохой образ мыслей; ограниченность» (БПС II, 335).

Префикс *ki-* относится к неинвариантным префиксам.

Существительные с *ki-* представлены лишь единичными случаями в эпическом санскрите, составляющими менее 1% от общего числа слов исследуемой группы префиксальных существительных.

Близкими рассмотренному типу производных по значению, но более употребительными являются образования существительных с префиксом *dus-*.

Тип *dus-+S* передает модификационное словообразовательное значение.

По модели этого типа образуются существительные, квалифицирующие по шкале пейоративности то, что выражает производящая основа. Качественная характеристика, содержащаяся

производном, накладывает ограничение на возможный набор производящих основ.

Префиксальные существительные представлены существительными, выражающими: 1) небольшую, но четко выделяемую группу наименований одушевленных предметов и 2) обширную группу наименований неодушевленных предметов, включающую несколько формально отличающихся семантических подгрупп.

1. Наименования одушевленных предметов составляют не более 12—14% от общего числа существительных с префиксом *dus-*. Производящая основа в этой группе производных представлена существительными — наименованиями человека по разным аспектам его деятельности (*jana* m., *manusya* m. «человек», *mitra* m. «друг», *cisya* m. «ученик», *brāhmaṇa* m. 1) «брахман» — СРС. 472; *mantrin* 2 m. 2) «министр, советник» — СРС. 496).

Образцы:

durjana m.— СРС. 275; *durmatusya* m.— СРС. 277 — «плохой, дурной человек, злодей»; *durmitra* 1. m. «плохой друг» — СРС. 277; *duhçisya* m. «плохой ученик» — СРС. 279; *durbrāhmaṇa* m. «плохой брахман» — СРС. 276; *durmantrin* 1 m. «плохой советник» — СРС. 277.

2. Наименования неодушевленных предметов составляют давляющее большинство префиксальных существительных с *dus-*, и рассматривать их мы будем с опорой на модель существительного, выступающего производящей основой.

В соответствии с этим намечаются две основные структурные группы имен существительных: 1) существительные с производящей основой отлагольного происхождения и первичными суффиксами *kṛt* и 2) существительные с именной основой или существительные десубстантивного происхождения в качестве производящей основы. Первая группа — многочисленные существительные, являющиеся наименованиями неодушевленных предметов, преимущественно отвлеченных понятий. Расположенные по степени продуктивности, они будут представлять следующую картину:

1. *Sn=pp.* и *Sn=pn* — 18—19%;
2. *Sn=осн. наст. вр.* — 10—12%;
3. *Sf=γ + -ti* — 11%;
4. *Sn=γ + -ана* — 8%;
5. *Sm=γ + -а* — 6%.

Отлагольные существительные с другими первичными суффиксами представлены отдельными случаями, причем последнее по продуктивности место занимает модель *Sf=γ*.

Образцы:

1. *kṛta* п. а) «дело» б) «благодействие» — БПС II, 391—392 < *<kar* «делать»; *bhūta* п. 5) «благополучие; успех» — СРС. 483 — *<bhū* «быть»; *nimitta* п. 4) «предзнаменование, знамение» — СРС. 330 — *<ni+γmā* — MW. 551; *lalita* 2. п. 1) «шутка» —

СРС. 553 — <lal 1) «играть» — СРС. 553; ukta 2 п. «слово; обращение» — СРС. 111 — <vac — «говорить»; carita п. 4) «образ жизни, поведение» 5) «действие, деятельность» — СРС. 207 — <car 3) «действовать» 4) «жить» — СРС. 207; lekhya 2. п. 3) «документ» — СРС. 556 — <likh «писать»; laksya 2. п. 3) «цель» — СРС. 551 — <laks 1) «воспринимать...» 3) «познавать...» — СРС. 550 и т. д.;

2. jīva п. «жизнь» — <jīv «жить», 1 кл. осн. наст. вр. jīva, paaya т. «поведение, образ действия» — СРС. 315 <nī 1) «вести, направлять» — СРС. 351, кл. осн. наст. вр. páya; bhāsa. т «соглашение» — <bhās 1) «говорить» — СРС. 480, 1 кл. осн. наст. вр. bhāsa; vináya т. 2) «воспитание; поведение» — СРС. 592 < <vi+nī 7) «воспитывать», 1 кл. осн. наст. вр. vináya; avara-da т. «упрек, порицание» — <apa+vad «бранить, порицать», 1 кл. осн. наст. вр. váda;

3. isti f. «жертва; жертвенная пища» — СРС. 110 <is 1) «желать..., требовать» — СРС. 109; ukti f. 1) «слово; выражение; речь» — СРС. 111 <vac «говорить», buddhi f. 1) «ум, разум» — СРС. 267 <budh 1) «будить...» 3) «учить» — СРС. 468; vr̥itti f. 2) «поведение» 4) «средства к существованию» 5) «характер, нрав» — СРС. 617 <vart 2) «существовать» 3) «слушаться» — СРС. 567; pravr̥itti f. 8) «сведения о чем-л.» — СРС. 442 <pra+ +vart 4) «начинаться» 7) «быть налицо» — СРС. 440; sthiti f. 2) «пребывание, нахождение» 3) «положение...» — СРС. 755 < <sthā «стоять»;

4. vyasana п. 1) «деятельность» 2) «ревение, усердие...» — СРС. 627 <vi+as I; vijñāna п. 1) «познание» 2) «знание...» — СРС. 586 <vi+jñā 1) «узнавать; воспринимать» 2) «понимать, разбираться в чем-л. ...» — СРС. 586; vacana 2. п. 1) «слово» 2) «речь» — СРС. 560 <vac «говорить»; magaṇa п. «смерть, умирание» — СРС. 498 <mag — «умирать»;

5. upadeṣa т. 1) «указание; предписание...» — СРС. 124 < <upa+diç 3) «учить» 4) «предписывать» 5) «наставлять...» — СРС. 124; yoga т. «средство, прием...» 6) «дело, предприятие...» 9) «работа; усердие, прилежание» — СРС. 533 <uyi «связывать»; yada т. 1) «речь, разговор» 2) «упоминание...» — СРС. 575 <vad — P. I 1) «говорить» 2) «рассказывать» — СРС. 562; viरāka т. 3) «созревание» 4) «следствие, последствие» — СРС. 595 <vi+rac 2) «созревать» — СРС. 594; vivāha т. «брак, супружество» — СРС. 605 <vi+vah 1) «уводить, умыкать (невесту)» 2) «жениться» — СРС. 605.

Образованные от отглагольных имен префиксальные существительные — наименования отвлеченных понятий, снабженные или усиленные негативной характеристикой, нередко — антонимы к данным выше образцам:

Образцы:

1. duskrta 2. п. 1) «преступление» 2) «грех» (Mbh. 9, 2419);

durbhūta n. «зло, беда» (БПС III, 687); durnimitta n. «дурное предзнаменование» (Mbh. 2, 818); durlalita 2. n. 1) «дурная привычка» 2) «шалость» (Hariv. 8539); durukta n. 1) «плохой или злой разговор» 2) «болтовня» (Mbh. 13, 502); duçcarita 2. n. 1) «плохое поведение» 2) «преступление, злодеяние» 3) «глупое поведение» (Mbh. 5, 1254); durlekhya n. «неправильно написанный документ» (Yajñ. 2, 91); durlaksya 2. n. «дурное, злое предзнаменование» (MW. 486); duhsthita n. «плохое положение» (Mbh. 3, 14669);

2. durjīva n. «тяжелая жизнь» (БПС III, 681); durnaya m. 1) «плохое, неблагородное поведение» 3) «безнравственность» (Mbh. 1, 4973); durbhāsa m. 1) «ругань, брань» 2) «бранное слово» (MW. 486); durvinaya m. «плохое или недостойное поведение» (Райс. 259; 15); durapavada m. «клевета, злословие» (MW. 484);

3. duristi f. «неточность (ошибка) в церемонии жертвоприношения» (БПС III, 674); durukti f. 1) «плохой или злой разговор» 2) «болтовня» (БПС III, 675); durbuddhi f. «глупость» (Mbh. 5, 4890); durvṛtti f. 1) «нужда» 2) «беда, бедствие» 3) «убогость...» (Mbh. 13, 2398); duspravṛtti f. pl. «плохие новости» (Ragh. 12, 51);

4. durvyasana n. «дурная наклонность, порок, недостаток» (MW. 487); durvijñāna n. «плохое знание чего-л. ...» (БПС III, 694); durmarana n. «трудная, тяжелая смерть» (MW. 486);

5. durupadeça m. «плохой совет, дурное наставление» — СРС. 274; duryoga m. 1) «обман» 2) «нарушение; проступок» 3) «грех» — СРС. 277; durvāda m. 1) «злая речь» 2) «упрек, пощечине» — СРС. 278; durvipāka 1 m. 1) «незрелость; неподготовленность» 2) «дурное последствие, плохой оборот дела» — СРС. 278; durvivāha m. «неудачный брак» — СРС. 279.

По семантике среди приведенных слов можно выделить такие, которые выражают оценку морально-этических норм жизни и поведение людей, например durlalita, duçcarita, durjīva, durnaya, durvinaya, durbuddhi, durvyasana, durmarana и подобные им.

Вторую группу составляют именные основы, выступающие как наименования предметов окружающей жизни, быта или как временные представления (jala n. «вода»; yuga n. 5) «период жизни...» 7) «отрезок времени в 5—6 лет» 8) миф. «юга» (мировой период в 3600 небесных лет) — СРС. 531; dina n. «день»; divasa m. 1) «небо» 2) «день»).

Формально производящие основы этой подгруппы представлены основами на -a. Тогда к этой же подгруппе могут быть отнесены также vagra m. 2) «цвет, окраска» — СРС. 567 и daina n. 2) «божественность»... 4) «рок; судьба, удел» — СРС. 288.

Значительно реже встречаются именные основы на согласные, являющиеся наименованиями отвлеченных понятий (tamas n. 1) «дух, душа...» 4) «желание, намерение» — СРС. 494;

vacas п. 1) «слово» 2) «речь»; yaças п. 1) «уважение» 2) «слава» — CPC. 528; ātman п. «дух»; karman п. 1) «действие, работа» 2) «дело, обязанность...» — CPC. 152) и составляющие третью семантическую подгруппу производящих основ с dus.

Предфиксальные существительные от именных основ содержат дополнительную, негативную оценку того, что выражает производящая основа, и в них развиваются значения, антонимичные значению производящей основы.

Образцы:

durjala п. «плохая вода» — CPC. 275; duryuga п. «плохой век» — CPC. 277; durdina п. 1) «ненастный, дождливый день...» — CPC. 276; durdivasa т. то же значение — CPC. 276; duskarmān 1 п. «преступление»; durmanas 1. п. «заблуждение»; durvacas 1. п. «грубые слова»...» (Mbh. 7, 6399); duryaças п. «бесчестье, бесславие, позор» — CPC. 277,

Предфиксальные существительные с dus² от именных основ составляют примерно 15% от общего числа предфиксальных имен существительных и выступают в целом как аналоги слов kātmadhāraya (см. III главу).

Предфикс dus- в сочетании с отлагательными существительными и именными основами определяется как неинвариантный.

Тип p̄ga-+S невелик (3%), но, несомненно, модель этого типа выражает несколько словообразовательных значений. Во-первых, предфиксальные существительные, образованные по этой модели, выражают предварительное, более раннее существование (в пространстве или во времени) или более высокое общественное положение, чем то, которое обозначает производящая основа. Условно назовем такое словообразовательное значение прелиминарным.

При нем производящая основа представляет собой:

1. Наименования лиц (pāpāt m. 1) «потомок» 3) «сын» 9) «внук» — CPC. 314; pītāmahi т. «бабушка по отцу» — CPC. 393; putra m. 1) «сын» — CPC. 396; paustra 2. т. «внук» — CPC. 408; vīra m. 1) «мужчина» 2) «герой» — CPC. 615; purusa m. 1) «человек» — CPC. 398).

2. Наименования конкретных предметов, явлений (dvār f. 2) «ворота, дверь» — CPC. 294; mandala п. «кольцо» — CPC. 490; vāta m. 1) «ветер...» 3) «воздух» — CPC. 575).

Образцы:

1. prapāpāt m. «правнук» (БПС IV, 934); prapitāmahi т. 1) «прабабушка; прародительница» (Mbh. XIV, 2019); praputra т. «внук» (M. 4, 183); prapautraka т. «правнук» (Yajī. I, 78); pravīra т. «величайший герой» (Mbh. I, 551); prapurusa т. «министр» (MW. 654; Megh.).

2. pradvār f. «место снаружи или перед дверью или воротами, преддверие» (Mbh. XVIII, 5868); pravāta п. букв.: «предварительный ветер, легкий ветерок, бриз» (Mbh. I, 5827); praman-

дала п. букв: «прѣдкольцо, обод колеса» (Mbh. VIII, 624).

Во-вторых, префиксальные существительные могут являться наименованиями предела, конечности. При этом производящая основа обозначает названия конечностей или их частей (paka m. п. «ноготь; коготь» — CPC. 311; tala п. «ладонь» — CPC. 238; pada п. «нога» — CPC. 365; hasta 1. m. 1) «рука» — CPC. 773).

Образцы:

pranakha п. «кончик ногтя» (БПС IV, 934); pratala m. «ладонь с вытянутыми пальцами» (БПС IV, 942); prapada п. 1) «передняя часть стопы» 2) «кончик большого пальца» (M. 6, 22); prahasta m. «кисть руки с выпрямленными пальцами» (БПС IV, 1112).

В-третьих, близкие к рассмотренным выше именам префиксальные существительные являются наименованиями, передающими протяженность, вытянутость того, что выражает производящая основа.

Производящая основа выражена существительными, выступающими наименованиями конкретных предметов, характеризующихся длиной (kānda m. п. 2) «стебель» — CPC. 157; grīva m. 1) «шея — CPC. 199; nādī f. 1) «трубчатый стебель» 2) анат.: «артерия» — CPC. 323; path/pathi m. 1) «путь, дорога, тропа» — CPC. 365).

Образцы:

prakānda m. п. «ствол дерева» (БПС IV, 902); pragrīva m. «балюстра или ограда вокруг дома» (БПС IV, 917); pranādī f. 1) «канал», 2) «ручей» (БПС IV, 936); prapatha m. 2) « дальняя дорога, даль» (БПС IV, 1030).

Префикс *pra-* должен быть признан инвариантным.

Тип *prati*-+S — один из самых продуктивных среди рассматриваемых в настоящем разделе производных. По модели этого типа образуются многочисленные префиксальные существительные с несколькими словообразовательными значениями.

Во-первых, производное существительное обозначает противоположное (обычно — враждебное) тому, что выражает производящая основа. Назовем такое словообразовательное значение аверсативным.

Производящая основа является здесь:

1. Наименование одушевленных предметов: людей, животных (gaja m., kubjaga m. dvirada m., vāgana m. «слон», jana m. «человек», nārī f. «женщина; жена» — CPC. 323; pakṣa m. 10) «сторонник; сообщник» — CPC. 359; gājan m. «царь» и др.).

2. В редких случаях — наименованием неодушевленных предметов (rūga f., rūga m. «крепость, укрепленный город» — CPC. 397), явлений природы (vāta m. 1) «ветер» — CPC. 575) или отвлеченных понятий (prācna m. 1) «вопрос» — CPC. 443, piṣcaya m. 1) «убеждение» — CPC. 345).

Производные с адверсативным словообразовательным значением составляют более трети всех производных существительных с *prati-*.

Образцы:

1. *pratigaja* m. «враждебный или противоборствующий слон» (*Mbh.* I, 7092); *prativāraṇa* m. «враждебный или противоборствующий слон» (БПС IV, 974); *pratijana* m. «противник, соперник» (БПС IV, 953); *pratinārī* f. «соперница» (*MW.* 662); *pratipakṣa* 2. m. 1) «противная (противостоящая) партия или сторона» 2) «враг, противник» 3) «соперник» (*Mbh.* VIII, 4409); *pratirājan* m. «царь — соперник, враждебный царь» (*M.* 7, 64);

2. *pratipura* m. «неприятельская крепость, город» (*MW.* 662); *prativāta* m. «встречный ветер» (*M.* 2, 203); *pratīgraṇa* m. «встречный вопрос» (БПС IV, 963); *pratiniṣṭcaya* m. «противоположное мнение» (*MW.* 662; *Mbh.*).

Во-вторых, производное существительное выражает обратное, отраженное, как бы перевернутое по отношению к тому, что выражает производящая основа.

Назовем такое словообразовательное значение инверсивным.

Производящая основа выражена наименованиями:

1. Лиц (*dūta* m. 1) «вестник» — СРС. 281; *rūgusa* m. 1) «человек, мужчина...» — СРС. 398; *kitava* m. 1) «игрок» — СРС. 162).

2. Конкретных предметов и отвлеченных понятий (*dāna* I п.).
1) «дар» — СРС. 264; *priya* 3. п. 2) «благосклонность, любезность» — СРС. 455; *vastu* II п. 2) «вещь, предмет» — СРС. 572).

3. Явлений, воспринимаемых на слух или зрительно (*dhvani* m., *dhvāna* m. «звук» — СРС. 310; *cabda* m. 1) «звук» 2) «слово» — СРС. 636; *mūrti* f. 2) «форма; вид, облик» — СРС. 517; *chāyā* f. 1) «тень» — СРС. 215; *bimba* m. п. 3) «изображение, картина» — СРС. 466; *gūpa* 1. п. 1) «внешний вид, форма» 2) « внешность, наружность...» — СРС. 547; *lipi* f. 6) « описание» — СРС. 554; *pustaka* m. п. «рукопись» — СРС. 401).

Последняя подгруппа производящих основ наиболее многочисленна.

Производные с инверсивным словообразовательным значением составляют свыше 40% от общего числа префиксальных существительных с *prati-*.

Образцы:

1. *pratidūta* m. «обратный гонец, ответный вестник» (*Kathās.* 12, 1); *pratipurusa* m. «двойник; сотоварищ; кукла» (БПС IV, 962); *pratikitava* m. «партнер в игре» (*Daçak.* 185, 24);

2. *pratidāna* п. «ответный дар» (*Daçak.* 188, 3); *pratipriya* п. «ответная любезность» (*Ragh.* 5, 56); *pratiyastu* п. «вещь; данная взамен» (*Kathās.* 22, 187);

3. *pratidhvani* m. «отзвук; эхо» (БПС IV, 956); *pratidhvāna* m. «отзвук; эхо» (там же); *pratiçabda* m. «отзвук; эхо» (*Ragh.* 76

2, 28); *pratimūrti* f. «отраженная форма, изображение» (БПС IV, 970); *praticchāyā* f. «отражение; изображение; тень; двойник» (Hariv. 8758); *pratibimba* n. «отражение (в зеркале, в воде)» 2) «тень» (Рафс. 57, 14); *pratīgṝpa* n. «изображение» (Mbh. VII, 764); *pratilipi* f. «копия (с письменного документа)» (БПС IV, 972); *pratipustaka* n. «копия с рукописи» (БПС IV, 963).

В-третьих, производное существительное с *prati-* несет партитивное словообразовательное значение. Производящая основа при этом является наименованием исчислимых предметов — пара и более (*skandha* m. 1) «плечо» — СРС. 750; *loka* m. 4) «мир»⁷ — СРС. 557; *vatsara* m. «год» — СРС. 651; *çākhā* f. 1) «ветвь, сук...» 3) «ведийская школа» — СРС. 640).

Префиксальные существительные с партитивным словообразовательным значением составляют не более 10% от всех существительных с *prati-*.

Образцы:

pratiskandha m. «каждое плечо» (Hit. IV, 122); *pratiloka* m. «каждый мир» (MW. 663); *prativatsara* m. «каждый год» (Mbh. II, 2470); *pratiçākhā* f. «каждая ветвь; каждая ведийская школа» (Mbh. XIV, 955).

Столь же невелика (10%) группа префиксальных существительных с *prati-*, обозначающих соответствующее, парное по отношению к тому, что выражает производящая основа.

Назовем это словообразовательное значение коррелятивным (или конгруэнтным).

Производящая основа у таких производных является наименованием любого предмета, мыслящегося как парный или второй, соответствующий (*devatā* f. 2) «божество» — СРС. 284; *dhūra* m. «тот, кто тянет груз, тяжеловоз» — БПС III, 971; *veçṭap* n. «дом» — СРС. 622; *giri* m. «гора» — СРС. 192; *cakra* n. 1) «колесо» — СРС. 204; *hasta* l. m. 1) «рука» — СРС. 773; *bāhu* m. 1) «рука» — СРС. 465).

Образцы:

pratidevata f. «соответствующее божество» (БПС IV, 956); *pratidhura* m. «конь в парной упряжке» (БПС IV, 956); *prati-veçṭan* n. «соседний (или расположенный напротив) дом» (Рафс. 3, 372, 2); *pratigiri* m. «противоположная гора» (Bhāg. P. 8, 7, 17); *praticakra* n. «парное колесо» (Hariv. 13115); *prati-hastaka* m. (букв. «вторая рука») 1) «заместитель» 3) «доверенное лицо» (БПС IV, 986); *pratibāhu* m. «определенная часть руки» (БПС IV, 965), «наружная или тыльная».

Исследованный материал показывает, что префикс *prati-* выступает как инвариантный.

Производные существительные с префиксом *prati-* составля-

⁷ Согласно индийской мифологии, существуют три мира (*triloka*) — надземный (небо), земной и подземный.

ют более 12% от общего числа префиксальных существительных.

Следует добавить, что несколько слов, образованных по модели *prati-+S* и обнаруженных только по словарям, кажутся синонимичными существительными с префиксом *pra-*, рассмотренным нами выше как производные с предварительным словообразовательным значением. Имеются в виду такие слова, как, например, *pratyusas* f. «предрассветное время» (БПС IV, 1010), *usas* f. 1) «рассвет» — СРС. 132.

В исследованных нами текстах существительные с префиксом *sa-* не обнаружены, но в словарях (БПС, Monier-Williams) такие производные зафиксированы (единичные случаи). По ним можно заключить, что тип *sa-+S* имеет социативное словообразовательное значение. В качестве производящей основы выступают отлагольные имена существительные. Например, *sapiti* 1. f. «совместная» выпивка, пиршество, веселье» 2 т. «собутыльник» (БПС VII, 659), *rī* «пить» — СРС. 395 или *rā* «пить» — СРС. 386, *rīti* f. «питье, выпивка» — Macd. 163.

Обширный тип *su-+S* передает модификационное словообразовательное значение. По модели этого типа образуются десубстантивные имена существительные, заключающие в себе различную степень мейоративной оценки того, что выражает производящая основа, или усиливают имеющееся уже мейоративное значение.

Префиксальные существительные с *su-* представлены очень разнообразными семантическими группами.

1. Примерно четверть всех существительных с *su-* — наименования одушевленных предметов. Производящая основа в них является: наименованиями людей и божеств (*kavi* 2. m. 2) «поэт» — СРС. 155; *jana* m. 1) «человек» — СРС. 217; *deva* m. «бог» — СРС. 284; *pati* m. 2) «супруг, муж» — СРС. 364; *putra* m. 1) «сын» — СРС. 396; *bhata* m. 1) «наемный воин» — СРС. 474; *mantu* m. 2) «мудрый человек» 3) «советник» — СРС. 495; *çisya* m. «ученик» (БПС VII, 216); *sakhi* m. «друг» — СРС. 674; *strī* f. 2) «жена, супруга» — СРС. 752; *svamin* m. 2) «господин» — СРС. 766; *hotar* m. 2) «тот, кто совершает жертвоприношение» — СРС. 782).

Образцы:

sukavi m. «хороший поэт» (Kathās. 51, 227); *sujana* m. «хороший человек» (Kathās. 55, 13); *sudeva* m. «истинный бог» (Mbh. III, 2680); *supati* m. «хороший супруг» (Hariv. 4833); *suputra* m. «хороший сын» (БПС VII, 1079); *subhaṭa* m. «добрый воин» (Kathās. 48, 4); *sumantu* m. «хороший советник» (Mbh. I, 2418); *suçisya* m. «хороший ученик» (MW. 1237); *susakhi* m. «хороший друг» (MW. 1238); *sustrī* f. «хорошая, верная жена» (Kathās. 39, 2.166); *susvamin* m. «хороший повелитель» (MW. 1239); *suhotar* m. «щедрый жертвователь» (Mbh. I, 3714).

2. Значительную группу существительных с *su-* (тоже около четверти) представляют наименования конкретных предметов и явлений окружающей действительности при положительной их характеристистике.

Производящая основа соответственно выражена в них теми же семантическими разрядами наименований (*ksetra* п. 1) «поле» — CPC. 182; *tirtha* п. 2) «брод, переправа» — CPC. 243; *rañka* м. 2) «грязь; глина» — CPC. 359; *bīja* п. 1) «семя, зерно» — CPC. 467; *ratha* 1 м. 1) «коляска; колесница» — CPC. 537; *varman* п. 1) «панцирь; кольчуга» — CPC. 568; *vesa* м. 3) «одежда, платье» — CPC. 622; *gandha* м. п. 1) «запах» — CPC. 189; *vistara* м. 2) «размер, величина» — CPC. 612; *path* — *pathi* м. 1) «путь, дорога, тропа» — CPC. 364—365; *varsā* 2. м. 1) «дождь» — CPC. 568; *vrsti* f. «дождь, ливень» — CPC. 618). Часть из них — отлагольного происхождения (*sthiti* f. 2) «пребывание, нахождение в ...» — CPC. 755 <*sthā* — «стоять»; *bhikṣā* f. «подаяние, милостыня» <*bhiks* 1) «просить», осн. наст. вр. *bhiksā* — CPC. 481; *vitta* п. «имущество, богатство» — CPC. 588 <*vid* II «находить, отыскивать»).

Образцы:

suksetra п. «плодородное поле» (М. 10, 69); *suśrītha* п. «хорошая дорога» (БПС VII, 1054); *supañka* м. «хорошая глина» (БПС VII, 1074); *subīja* м. «хорошее зерно, здоровое семя» (М. 10, 69); *suratha* м. «красивая колесница» (Mbh. 3, 15672); *uvartan* п. «хорошее вооружение» (БПС VII, 1128); *suvesa* м. «красивая одежда» (БПС VII, 1134); *sugandha* м. «приятный запах, аромат» (Yāj. 1, 287); *suviśvara* м. «большая обстоятельность, подробность» (Rañc. 4, 2, 6); *supath* м. «хороший путь, правильный путь» (Kathās. 20, 192); *suvarsa* м. «хороший дождь» (БПС VII, 1128); *suvrsti* f. «благоприятный дождь» (БПС VII, 1133); *susthiti* f. «живописное место» (Ragh. 8, 36); *ubhiksā* п. 1) «обильная милостыня» 2) «изобилие пищи» (Rañc. IV, 82); *suviṭṭa* п. «большое богатство» (БПС VII, 1130).

3. Очень важна, как мы увидим далее, группа префиксальных существительных, выступающих наименованиями черт характера человека, его внешнего вида, его свойств и состояний. Соответственно производящие основы здесь представлены такими существительными, как: *çruti* f. 2) «слух» — CPC. 658; *buddhi* f. 1) «ум, разум» — CPC. 467; *mati* f. 1) «мысль...» 4) «мнение» 5) «уважение» — CPC. 490; *cīla* 1. п. 1) «характер, нрав» — CPC. 648; *bhrū* f. «бровь» — CPC. 488; *mukha* 1. п. 1) «рот» 2) «лицо» — CPC. 515; *kula* п. 5) «род» — CPC. 167; и отлагольными существительными, например: *supti* f. «сон» — CPC. 737 <*svap* — «спать»; *suti* f. «роды» <*su* «рождать» (БПС VII, 1023).

Сочетание с префиксом *su-* привносит положительную оцен-

ку в значениях этих наименований: *sucṛuti* f. «хороший слух» (БПС VII, 1138), *subuddhi* f. «глубокий ум, мудрость» (БПС VII, 1087), *sumati* f. «ум, разум» (БПС VII, 1094), *suciila* n. «добродушный характер» (Mbh. 3, 16900); *subhrū* f. «красивые брови» (БПС VII, 1093), *sumukha* n. 1) «красивый рот» 2) «красивое лицо» (БПС VII, 1100), *sukula* n. «знатный род» (БПС VII, 1028), *susupti* f. «глубокий, крепкий сон» (БПС VII, 1140), *susuti* f. «легкие роды» (БПС VII, 1140).

Эта группа префиксальных существительных составляет примерно 10—20% от общего числа существительных с *su-*.

4. Группа префиксальных существительных, выражающих понятия морально-этического характера, близка рассмотренной выше группе по выражению положительного в человеке.

Производящая основа в них представлена отлагольными существительными и существительными — наименованиями отвлеченных понятий (*carita* n. 4) «образ жизни, поведение» — CPC. 207; *kṛta* n. «дело, действие» — CPC. 170; *śīti* f. 1) «правильное поведение...» 3) «политика» — CPC. 351; *dharma* m. 1) «состояние (душевное)...» 4) «совесть...» 6) «справедливость...» 8) «закон» — CPC. 300; *vṛtti* f. «поведение» — CPC. 617; *naya* m. то же значение — CPC. 315, *nīta* n. то же значение, *gati* f. 8) «положение, состояние» — CPC. 188; *bhūta* 2. n. 4) «действительность» — CPC. 483; *rata* 2. n. 1) «удовольствие, наслаждение» — CPC. 537).

Образцы:

sucarita m. 1) «хорошее поведение» 2) «добroе дело» (Megh. 31); *sukṛta* n. 1) «добродетель, благочестие» 2) «дружелюбие» (Bhag. 14, 16); *sunīti* f. 1) «умное поведение» (Kathās. 19, 57); *sudharma* m. «справедливость» (БПС VII, 1064); *suvr̥tti* f. «хорошее поведение» (Mbh. I, 4597); *sunaya* m. «разумное поведение; мудрая политика» (Mbh. I, 129); *sunīta* n. то же значение (Mbh. VI, 585); *sugati* f. «хорошее положение, счастье» (Mbh. I, 615); *subhūta* m. «благополучие» (БПС VII, 1092); *surata* n. «большая радость» (Mbh. 13, 153).

Подобные существительные составляют примерно 10% от общего числа префиксальных имен существительных с *su-*.

Особо выделяется группа префиксальных существительных, обозначающих понятия поля времени. Производящие основы — такие существительные, как *dina* n. — *diva* n. «день» — CPC. 269; *prabhāta* n. «наступление дня» — CPC. 434; *sāya* n. «исход дня, вечер» — CPC. 726 и т. п.

Образцы:

sudina n. «ясный (безоблачный) день; счастливый день» (Mbh. 3, 812); *sudiva* n. «прекрасный день, ясный; удачный день» (БПС VII, 1060); *suprabhāta* n. «наступление ясного дня» (БПС VII, 1084); *susāya* n. «хороший (тихий, прохладный) вечер» (MW. 1238).

В подобных существительных особенно отчетливо видна смысловая ёмкость префикса *su-*, что хорошо передают русские переводы.

Среди существительных с префиксом *su-* намечается группа наименований, связанных с восприятием на слух. Производящие основы выражают обычно понятия поля речи, общение при помощи слов (*kīrti* f. 1) «упоминание, название» — СРС. 164; *bhāsita* 2. п. 1) «речь, способность к речи» — СРС. 480; *gīta* п. 1) «пение, песнопение» — СРС. 192; *ukta* 2. п. «слово; обращение; выражение» — СРС. 111; *uktī* f. 1) «слово, выражение; речь» — СРС. 111).

Образцы:

sukīrti f. «хвала» (БПС VII, 1027); *subhāsita* п. «красноречие; поэтическое изречение; афоризм; хороший совет» (*Kathās.* 55, 180); *sugīta* п. «прекрасное пение» (*Bhag.* 4, 15, 19); *sūkta* п. «красивое выражение; изречение; афоризм» (*Mbh.* VII, 2037); *sūkti* f. «красивое или мудрое изречение» (БПС VII, 1153).

Неоднородную по семантическим признакам группу представляют существительные, содержащие положительную оценку деятельности и представляющие в основном ведийскую лексику (у нас — ссылка на БПС)..

Производящими основами выступают здесь, как правило, отглагольные существительные (*vidyā* f. «знание» — СРС. 589 < *<vid* «знать», *bodha* т. 1) «пробуждение» 2) «знание» — СРС. 469 < *budh* «будить»; *jñāna* п. 1) «знание» — СРС. 226 < *jñā* «знать», *jīvita* 2. п. 2) «жизнь, образ жизни» — СРС. 225 < *jīv* «жить», *jaya* 2. т. «победа» — СРС. 219 < *ji* «побеждать»), среди которых выделяются существительные от глаголов с общим значением «давать» (*ya/jña* т. 3) «жертва» 4) «жертвоприношение» — СРС. 524 < *uj* 1) «жертвовать, приносить жертву»; *dāna* п. 1) «дар, дарение» — СРС. 264 < *dā* «давать, дарить»).

Образцы:

suvidyā f. «хорошие знания» (БПС VII, 1130); *subodha* т. «хорошая осведомленность, добрый совет» (*Bhāg.* Р. 11, 29, 39); *sujñāna* п. «хорошие знания, быстрое понимание» (БПС VII, 1050); *sujīvita* п. «прекрасная жизнь» (там же); *sujayā* т. «полная или большая победа» (*Bhāg.* Р. 5, 1, 10); *suuya/jña* т. «хорошая жертва» (БПС VII, 1103); *sudāna* п. «богатое подношение; щедрый дар» (БПС VII, 1058).

Такие существительные составляют ≈ 15% от общего числа существительных с префиксом *su-*.

Все рассмотренные группы многочисленных производных существительных с *su-* объединены единым словообразовательным значением производного — мейоративным значением. Префикс *su-* выступает как неинвариантный.

Существительные с префиксом *su-* составляют не менее 20% от общего числа префиксальных имен существительных.

РАЗДЕЛ III ПРЕФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Префиксальные имена прилагательные образуются как с общеиндоевропейскими именными префиксами *a-/ap-*, *ku-*, *dus-*, *sa-*, *su-*, так и с префиксами, возникшими из слов *upasarga* — *ati-*, *adhi-*, *apa-*, *abhi-*, *ā-*, *ud-*, *upa-*, *pī-*, *nīs-*, *parī-*, *pra-*, *vi-*.

Производные прилагательные с любыми из этих двух разновидностей префиксов распределяются на две группы по нетранспонирующему или транспонирующему характеру префикса.

1. Имена прилагательные с нетранспонирующими префиксами

Прилагательные с нетранспонирующими префиксами представляют собой образования от качественных прилагательных и от девербальных образований.

Как показывают проведенные ранее наблюдения (Кочергина 1961), прилагательные санскрита, которые для исследуемого исторического периода можно считать непроизводными, представлены бедно. В эпическом и классическом санскрите имеются качественные прилагательные, выражающие качество непосредственно лексическим значением основы, например: *ālpa* «маленький» — СРС. 73; *ghora* «страшный» — СРС. 203; *cāru* «чарующий» — СРС. 209; *cīga* «долгий» — СРС. 212; *tanu* «тонкий» — СРС. 234; *dīrgha* «длинный» — СРС. 271—272; *dūra* «далекий» — СРС. 281; *nava* «новый» — СРС. 317; *pīla* «синий» — СРС. 352; *çopa* «красный» — СРС. 654; *sita* «белый» — СРС. 270 и некоторые другие.

Очень невелико число относительных прилагательных⁸. В гимнах Ригведы относительные прилагательные, видимо, почти отсутствуют, в эпическом санскрите они представлены небольшой группой производных, которая значительно разрастается в санскрите классическом.

Лексико-грамматический разряд качественных прилагательных распадается на несколько лексико-семантических групп, о которых будет сказано ниже.

Девербальные прилагательные представляют собой обширную группу образований, включающую причастия действительного и страдательного залогов глагола настоящего, прошедшего и будущего времени, адъективированные основы настоящего

⁸ Употребляя здесь и далее термины «качественное» или «относительное» прилагательное, мы вполне отдаём себе отчет в условности этих обозначений и в нечеткости границ между так называемыми «качественными» и «относительными» прилагательными. Существенным для нас является передаваемая с помощью этих терминов иерархия компонентов значения прилагательного: общеграмматическое значение, лексико-грамматическое значение (по Бондаренко 1971: 33), как раз и передаваемое указанными терминами, и лексико-семантическое значение.

времени, корни и суффиксальные образования. Девербальные образования с префиксами представлены, например, такими прилагательными: *atitvarita* «поспешный» — СРС. 26; *apuçāsin* «наказывающий, карающий» — СРС. 46; *apaviddha* «удаленный» — СРС. 54; *avachanna* «покрытый, окутанный» — СРС. 74; *udvaha* 1) «ведущий вверх» 2) «продолжающий» — СРС. 121; *uprajagmivant* «достигший, дошедший до...» (*Mbh.* III), 294, *uparita* 1) «принесенный...» 3) «употребленный» — СРС. 129 и др.

Анализируя словообразовательную структуру отглагольных прилагательных, мы убеждаемся, что они, как правило, связаны с префиксальным глаголом и, следовательно, префиксация выступает в них как первая словообразовательная операция, а последней является операция прибавления суффикса: *atitvarita* pp. от *atitvar* «очень спешить» (БПС III, 466); *apuçāsin* adj. от *apuçās* 1) «поучать, наставлять» — СРС. 46; *apaviddha* pp. от *apavyadh* «уводить, удалять» — СРС. 54; *avachanna* pp. от *avachad* I 1) «покрывать, окутывать» — СРС. 74; *udvaha* осн. наст. вр. от *udvah* 1) «вести вверх...» 3) «жениться» — СРС. 121; *uprajagmivant* ppr. от *upagam* «подходить, достигать» — СРС. 123.

Как видим, префикс не выступает в подобных отглагольных прилагательных в качестве последней ступени словообразовательной операции. Таким образом, производные от префиксальных глаголов в массе своей не должны входить в число рассматриваемых нами производных. Как отмечалось выше, нами исследуются только префиксальные образования с префиксом в качестве последней ступени деривации (см. гл. I).

Однако сложность установления рамок исследования в данном случае состоит в том, что все же имеются отглагольные прилагательные, в которых префикс выступает как последний деривационный шаг. Критерием установления таких отглагольных прилагательных является проверка корня, лежащего в их основе, на сочетаемость с определенным префиксом. В этом вопросе мы опираемся на данные Большого Петербургского словаря и словаря Monier-Williams: отсутствие в них зафиксированного сочетания конкретного глагола с интересующим нас префиксом дает основание отнести встретившееся префиксальное образование к числу прилагательных с префиксом в качестве последней ступени деривации.

Например, в указанных словарях отсутствует сочетание префикса *ati-* с корнями *kag* или *darc̄*, следовательно, *atikr̄ta* и *tidarçin* должны входить в круг исследуемых нами явлений.

Сочетания отглагольных образований с одним из общеиндогерманских именных префиксов всегда являются производными с префиксом в качестве последней ступени деривации. Речьдет о таких, например, образованиях, как *acintīta* «непредвиденный, неожиданный» — СРС. 23 (pp. от *cint* 1) «думать, размышлять» — СРС. 211); *duspranīta* «сбитый» с толку, введенный заблуждение» — СРС. 280 (pp. от *gra-pī* «вести вперед» —

БПС IV, 277); *susamāhiṭa* 2) «очень внимательный» — СРС. 743 (от *sam-ā-dhā*) 4) «объединять» 5) «приводить в порядок» — СРС. 696).

Деадъективные и девербальные префиксальные прилагательные (только в той их части, которая содержит префикс в качестве последней ступени деривации) мы будем рассматривать, как и ранее, «от префикса».

Наиболее продуктивны производные с префиксом *a-* (при мерно третья часть от общего числа прилагательных с нетранс понижающими префиксами).

По модели *a-+Adj.* образуются имена прилагательные, обозначающие отсутствие того качества, которое выражает производящая основа.

Производящая основа представлена: 1. отглагольными прилагательными и 2. качественными прилагательными.

1. Более половины префиксальных прилагательных с *a-* образовано с производящей основой отглагольного происхождения. В качестве производящей основы выступают:

а) причастия страдательного залога прошедшего времени: *ista* от *is* 1) «желать» 2) «искать» — СРС. 109; *kṛta* от *kar* I 1) «делать» — СРС. 150; *ksita* от *ksi* III 1) «уничтожать, истреблять» — СРС. 181; *garhīta* от *garh* 1) «обвинять, порицать» 2) «упрекать...» — СРС. 190; *citta* от *cit* 1) «постигать, понимать» — СРС. 210; *cintīta* от *cint* 1) «думать, размышлять» — СРС. 211; *chinna* от *chid* 1) «резать; отрезать» — СРС. 216; *suuta* от *suu* 2) «утекать» — СРС. 214; *jāta* от *jan* «родиться» — СРС. 217; *jīta* от *jī* «побеждать» — СРС. 223; *justa* от *jus* 1) «любить» — СРС. 225—226;

б) причастия страдательного залога будущего времени: *kṛtya* от *kar* I «делать» — СРС. 150; *gamya* от *gam* 1) «идти» 2) «двигаться» — СРС. 189; *gohya* от *guh* 1) «скрывать, укрывать...» — СРС. 195; *cintya* от *cint* 1) «думать, размышлять» — СРС. 211; *jeya* от *jī* «побежать» — СРС. 223; *nedyā* от *nind* 1) «порицать» — СРС. 329; *reuya* от *rā* I 1) «пить» — СРС. 386; *prameya* или *teuya* от *gramā* или *tā* «измерять» — СРС. 435; *bandhyā* от *bandh* 1) «связывать» — СРС. 461; *bhakṣya* от *bhaks* 1) «употреблять» 2) «есть» — СРС. 473; *bhedyā* от *bhid*;

в) причастия действительного залога настоящего времени: *jānānt* от *jñā* 1) «знать...» — СРС. 226; *tishthānt* от *sthā* «стоять» — СРС. 754; *trpnuvant* от *tarp* «насыщаться, удовлетворять» — СРС. 237; *yajvant* от *yuj* 5) «связывать; соединять» — СРС. 531;

г) причастия страдательного залога настоящего времени: *gosamāna* от *gus* 1) «блестеть» — СРС. 546;

д) адъективированные основы настоящего времени глаголов I класса: *cara* (от *car*) 1) «движущийся...» 2) «живущий» — СРС. 207; *ksama* (от *ksam*) 1) «терпеливый, выносливый» —

[СРС. 180; *calā* (от *cal*) 1) «двигаящийся...» — СРС. 208; *jīvā* (от *jīv* 1) «живой» — СРС. 224;

е) глагольные корни, не употребляемые самостоятельно: -*ga* II 1) «идущий...» — СРС. 187; -*ja* 1) «рожденный». 2) «происходящий от...» — СРС. 216; -*jba* «знающий...» — СРС. 226.

Следует отметить, что, во-первых, исходные глаголы представлены всем разнообразием лексико-семантических групп; во-вторых, сохраняется регулярность семантической соотнесенности глагольного корня, причастия и префиксального производного.

Образцы:

а) *akṛta* «несделанный, невыполненный» (М. 8, 117); *aksīta* 1) «вечный» 2) «целый; невредимый» (БПС I, 20); *agarhīta* «безупречный, непорицаемый» (М. 4, 3); *acittā* «немыслимый, непостижимый» (БПС I, 61); *acintīta* «непредвиденный, неожиданный» (Рабс. II, 3); *acchinna* «необрязанный» (БПС I, 64); *acūta* «непоколебимый, вечный» (Rām. IV, 20, 10); *ajāta* «(еще) нерожденный» (БПС I, 71); *ajita* «непобедимый» (Rām. I, 29, 19);

б) *akṛtya* «который не следует делать» (БПС, I, 11); *agamya* «который невозможно понять» (БПС I, 24); *agohya* «который нельзя заслонить» — о солнце (БПС I, 27); *agrāhya* «который невозможно уловить, воспринять» (Rām. III, 22, 20); *acintya* «который нельзя постичь» (Rām. I, 51, 14); *ajeya* «который невозможно победить» (Rām. V, 8, 18); *anedyā* «безупречный» (БПС I, 232); *areuā* «который не следует пить» (М. 9, 314); *aprāteuā* «не поддающийся измерению» (М. 1, 3); *abandhyā* «плодоносный» (Ragh. 1, 86); *abhaksya* «непригодный в пищу, который не следует есть» (М. 1, 113);

в) *ajanant* «не знающий»; *atishant* «не стоящий, подвижный, живой» (БПС I, 105); *atṛpūvant* «ненасытный» (БПС I, 108); *ayajvant* «не жертвующий, неблагочестивый» (М. 14, 20);

г) *agocamāna* «не блестящий» (М. 3, 62);

д) *acara* «неподвижный» (М. 5, 29); *aksama* «нетерпеливый» (БПС I, 16); *acala* «неподвижный» (Rām. I, 44, 2); *ajīva* «безжизненный, неживой» (БПС I, 74);

е) *aga* «неподвижный» (БПС I, 23); *aja* «нерожденный» (БПС I, 66); *ajība* «несведущий, глупый» (М. 2, 153).

2. Качественные прилагательные составляют менее половины производящих основ. Обращает на себя внимание производный характер этих прилагательных, представленных с точки зрения деривации адъективными основами (преимущественно основы на -*a*) или основами с суффиксами, в том числе с суффиксами степени сравнения: *alpa* 1) «маленький» — СРС. 73; *āśīya* 1) «ворчащий» 2) «ненесдержаный» — СРС. 85; *r̥ta* 1) «правильный» — СРС. 135; *kāṣīpa* 1) «жалкий» 2) «грустный, печальный» — СРС. 151; *krūra* 5) «ужасный, страшный» —

CPC. 177—178; ksara 1. 1) «тайющий, исчезающий» — CPC. 180; khanda 1) «недостаточный, неполный» — CPC. 185; gādha «мелкий» — CPC. 191; guru 1) «тяжелый» 2) «трудный» — CPC. 195; cira 1. 1) «долгий, продолжительный...» — CPC. 212; jada 1) «холодный» 2) «неподвижный...» — CPC. 217; jāmī 1. 1) «родственный» 2) «братьский» — CPC. 223; jihma 1. 1) «косой, кривой» — CPC. 224; dūra «далекий, отдаленный» — CPC. 281; priya 1) «приятный» 2) «милый» — CPC. 455; mogha «напрасный, бесполезный» — CPC. 522.

К этой же подгруппе отнесем возможные производящие основы: eka «один» и sakrt «один раз» — CPC. 673.

В единичных случаях производящая основа может быть представлена префиксальным прилагательным: vidūra «отдаленный, недосягаемый» — CPC. 589.

Образцы:

1) anaṛpa «немалый, многий» (БПС I, 178); anasūya «скромный, ненесдержаный» (Bhag. 18, 72); anṛta «неверный, ложный» (Rām. I, 2, 38); akṛipa «безжалостный, ужасный» (Hāri. 262); akrūga «не ужасный, мягкий» (M. 2, 33); aksara «неиссякаемый, вечный» (M. 2, 84); akhanda «неделимый, целий» (Çāk. 43); agādha «бездонный, глубокий» (Rām. V, 94, 11); aguru «нетяжелый, легкий» (БПС I, 27); acīra «недлинный, краткий» — о времени (Rām. V, 37, 21); ajada «здравомыслящий, разумный» (M. 8, 148); ajāmī «неродственный, чужой» (БПС I, 72); ajīhma «некривой, прямой»; тж. перен. (M. 3, 246); adūra «неотдаленный, близкий» (БПС I, 128); aprīya «неприятный, противный» (M. 4, 138); amogha «не заблуждающийся, целеустремленный» (Rām. III, 18, 38).

Следует отметить, что большинство производящих основ выраженных качественными прилагательными первой подгруппы, функционирует в языке параллельно со связанным с ними по конверсии существительным (а), так же как и образованными от них префиксальные прилагательные (б):

(а) khanda 1. 1) «недостаточный, неполный...» 2. m. p. 1) «кусок, часть» — CPC. 189; gādha 1. «мелкий» 2. m. p. 1) «мель» 2) «брод» — CPC. 191; jāmī 1. 1) «родственный» 2) «братьский» 2. m. f. du. pl. «братья и сестры» 4. p. 1) «кровное родство» — CPC. 223; kuçala 1. 2) «крепкий», здоровый» 2. p. «здоровье» — CPC. 168; kusumita 1. «цветущий» 2. p. «цветение, время цветения» — CPC. 169; chidra 1. 1) «разорванный» 2. p. 1) «дыра, отверстие...» — CPC. 216 и т. д.

(б) aksara 1. «неиссякаемый, вечный» 2. p. «слово»; слог» — CPC. 19; aguru 1. «нетяжелый, легкий» 2. m. p. «алоз» — CPC. 20; akuçala 1. 1) «гибельный» 2) «неблагоприятный» 2. p. «несчастье, беда» — CPC. 18.

Это указывает на древность исходных прилагательных и их продуктивность производных с а-

Префикс *a-* в сочетании с прилагательными выступает как иинвариантный. Производные, образованные по модели *a-+Adj.* выражают привативное значение, которое мы считаем возможным относить к модификационному типу словообразовательного значения, определяя его как передающий степень интенсивности качества вплоть до его утраты.

Тип *ati-+Adj.* образует по своему словообразовательному значению противоположность рассмотренному выше типу *a-+Adj.* По модели *ati-+Adj.* образуются имена прилагательные, определяющие большую степень, усиление того качества, которое выражается производящей основой. Производные с *ati-* составляют около 15% всех префиксальных прилагательных.

Как производящие основы могут выступать (аналогично образованием с *a-*): 1) качественные прилагательные (более половины всех образований) и 2) отглагольные прилагательные.

В первом случае можно выделить: 1. подгруппу прилагательных с основой на *-a* с суффиксом, включая суффиксы степеней сравнения, и так называемые местоименные прилагательные: *ugra* 2) «огромный» 3) «ужасный» — CPC. 112; *kalyāna* 1.1) «красивый» — CPC. 155; *kr̥ça* 1) «тонкий, худой» — CPC. 172; *krsna* «черный, темный» — CPC. 172; *sthūla* 1.3) «толстый, тучный» — CPC. 755; *hrasva* 1.1) «короткий» 2) «маленький» — CPC. 783; *çrestha* 1) «самый красивый» — CPC. 659; *sarva* 1) «весь, целый» — CPC. 712; 2. небольшую подгруппу прилагательных с префиксами: *dusvara* 1) «трудный, трудновыполнимый» — CPC. 280; *prakāṣa* 5) «общезвестный» 6) «похожий» — CPC. 409.

Значительно меньшая, вторая группа производящих основ — отглагольные прилагательные: *krta* pp. от *kar* «делать», *sara* осн. наст. вр. от *sag* «ходить» — CPC. 207; *jīva* осн. наст. вр. от *jīv* «жить» — CPC. 225; *dārçin* «смотрящий» от *darç* 1) «видеть» — CPC. 261; *pinaddha* pp. от *apinah* 1) «привязывать» — CPC. 55; *pravrddha* pp. от *pravardh* 1) «вырастать» 3) «преусспевать» — CPC. 440; *mūḍha* pp. от *muñ* 3) «быть дураком» — CPC. 517; *rakta* pp. от *raj* 1) «быть окрашенным...» — CPC. 536; *ramaniya* pp. от *ram* 2) «радоваться» — CPC. 539; *lalita* pp. от *lal* 1) «играть» — CPC. 553; *lubdha* pp. от *lubh* 1) «жаждать чего-л.» 2) «стремиться к чему-л.» — CPC. 556; *çuddha* pp. от *çudh* 1) «очищать(ся)...» — CPC. 650; *samkruddha* pp. от *samkrudh* «быть сердитым» (MW. 1127).

Следует отметить, что часть этих причастий функционирует в языке, ослабив семантическую связь с исходным глаголом или совсем утеряв ее: *prākṛta* 1) «природный, естественный» 2) «обыкновенный» — CPC. 448; *rakta* 2) «красный» 3) «красивый» — CPC. 534; *ramanīya* 1) «прекрасный» — CPC. 539; *latita* 1) «милый» — CPC. 553 и др.

Образцы:

I.1. atyugra 1) «очень острый» 2) «ужасный» (БПС I, 112); atikalyāna «очень красивый», atikṛṣṇa «очень худой» (Rām. V, 10, 17); atikṛṣṇa «очень темный» (Raīc. 104, 15); atisthūla «очень толстый» (Rām. V, 10, 17); atihrasva «очень короткий» (БПС I, 106); aticrestha «самый наилучший» (БПС I, 105), atisarva «превосходящий всех» (БПС I, 105); 2. atiduskara «очень трудный», atiprakāṣṭa «очень известный» (Rām. III, 39, 42).

II. atikṛta «очень отдаленный» (Rām. V, 25, 21); aticara «очень подвижный» (БПС I, 93); atijīva «очень живой, преисполненный жизненной силы» (БПС I, 94); atidarśin «очень проницательный, прозорливый» (Rām. III, 74, 16); atipinaddha «очень крепко привязанный» (Macd. 6); atipravṛddha «очень пожилой, старый» (M. 9, 320); atimūḍha «очень глупый»; atirakta «очень красный, темно-красный» (БПС I, 101); atiramanīya «очень приятный» (Macd. 7); atilalita «очень милый» (Macd. 7); atilubdha «очень жадный, алчный» (Macd. 7); aticuddha «очень чистый» (Macd. 7); atisamkruddha «очень сердитый» (Macd. 7).

Наличие среди производящих основ производных слов свидетельствует о сравнительно позднем происхождении префикса *ati-* и его продуктивности.

Префикс *ati-* в сочетании с прилагательными является неинвариантным. Производные прилагательные с *ati-* имеют значение интенсивности и относятся к модификационному типу словообразовательного значения.

Рассматривая далее префиксальные прилагательные, мы установили, что они представляют собой образования от префиксальных глаголов и в качестве последнего деривационного шага в них выступают суффиксы.

Префиксы в качестве последней ступени деривации были обнаружены у небольшого количества качественных прилагательных, образующих антонимическую пару с префиксами *abhi-* и *ā*.

По модели *abhi-+Adj.* образуются имена прилагательные, обозначающие усиление того качества, которое выражает производящая адъективная основа.

Производящая основа представлена прилагательными, характеризующими конкретный неодушевленный предмет по его состоянию (пава «новый» — СРС. 317); по цвету (*tāmra* «цвета меди» — СРС. 240) и по форме (патга «согнутый» — СРС. 315).

Образцы:

abhinava «совсем новый» (Raīc. III, 122); *abhitāmra* «темно-красный» (Kathās. 14, 30), *abhinamta* «сильно согнутый» (Ragh. 13, 32).

Префикс *abhi-* в сочетаниях с качественными прилагательны-

ми неинвариантен. Модель *ābhi-+Adj.* выражает словообразовательное значение интенсивности, входящее в модификационный тип словообразовательных значений.

По модели *ā-+Adj.* образуются имена прилагательные, передающие уменьшение, наличие в незначительной степени того качества, которое выражает производящая основа.

Производящая основа выражена прилагательными, характеризующими конкретный неодушевленный предмет со стороны его состояния (*usna* 1) «жаркий» — СРС. 132; *pakva* 2) «вареный» — СРС. 359) и цвета (*tāmra* «цвета меди» — СРС. 240; *nīla* 1) «темный» 2) «темно-синий» — СРС. 352; *pātala* «бледно-красный, розовый» — СРС. 387; *pāndu* «светло-желтый, бледный» (БПС IV, 637); *rījara* 1) «красновато-желтый» 3) «золотистый» — СРС. 393; *rakta* 2) «красный» (рр. от *raj*) — СРС. 534; *lohitā* 1) «красноватый» — СРС. 559).

Образцы:

osna «тепловатый» (БПС I, 1126); *āpakva* «недоваренный» (БПС I, 657); *ātāmra* «светло-медного цвета» (Macd. 38); *ānīlla* «темноватый» (Macd. 39); *āpatala* «красноватый» (Macd. 40); *āpāndu* «желтоватый» (Macd. 40); *ārījaga* «светло-красный, слегка золотистый» (Ragh. 16, 51); *ārakta* «красноватый» (БПС I, 682); *ālohitā* «красноватый» (Macd. 42).

Префикс *ā-* в подобных сочетаниях неинвариантен. В целом модель *ā-+Adj.* выражает деминутивное словообразовательное значение, относимое нами к модификационному типу словообразовательных значений.

По словарям удалось обнаружить отдельные образования со следующими префиксами:

apa- (*aparakta* «бесцветный, бледный» — БПС II, 286 — от *rakta* «красный»);

ni- (*nikhargva* «карликовый» — MW. 545 — от *kharva* «искалеченный, изуродованный»; *nibhīma* «страшный, ужасный» — БПС IV, 161 — от *bhīma* с тем же значением);

nis- (*nirantara* «плотный, густой» — БПС IV, 172 — от *antara* «близкий»);

pari- (*parilaghu* «очень легкий или маленький» — MW. 600 — от *laghu* «легкий», *parivartula* «совершенно круглый» — MW. 600 — от *vartula* «круглый»);

gra- (*prapakva* «воспаленный» — MW. 681 — от *pakva* «варенный»);

prati- (*pratinava* «совсем новый» — БПС IV, 957 — от *nava* «новый»);

vi- (*vidūra* «очень далекий» — MW. 950 — от *dūra* «далекий»; *vidhūsara* «серый, цвета пыли» — MW. 951 — от *dhūsara*

«покрытый пылью»; *vimahant* «очень большой» — MW. 951 — от *mahant* «большой») и некоторые другие.

Все эти образования семантически изолированы и представляют, видимо, разновидности модификационного типа словообразовательного значения.

Семантически единообразны, системно организованы и широко представлены в исследуемом материале производные с семантически противопоставленными префиксами общенидоевропейского происхождения *dus-* и *su-*.

Рассмотрим производные с префиксом *dus-*.

По модели *dus-+Adj.* образуются прилагательные, содержащие негативную оценку того признака, который выражает производящая основа.

Производящую основу представляют следующие отлагольные образования⁹, расположенные по степени убывания их употребительности:

a), адъективированные основы настоящего времени — *anubodha* от *anubudh* «просыпаться» — CPC. 43; *anvaya* от *anvi* 1) «идти следом, следовать» — CPC. 50; *abhigraha* от *abhigrabh* «хватать» — CPC. 58; *avagraha* от *avagrabh* 1) «отпускать» — CPC. 74; *avabodha* от *avabudh* 1) «просыпаться» — CPC. 75; *avaroha* от *avaruh* «спускаться» (Macd. 257); *ākrama* от *ākram* 1) «подходить, приближаться» — CPC. 88 и многие другие.

Обращает на себя внимание префиксальный характер большинства исходных глагольных корней;

б) причастия страдательного залога будущего времени (рн.) — *anustheya* от *anusthā* «следовать за...» (Macd. 364); *anvesya* от *anvis* 1) «искать» 2) «стремиться к...» — CPC. 50; *ādeya* от *ādā* 1) «получать» 2) «брать себе» 3) «вырывать» — CPC. 92; *ārakṣya* от *āraks* «защищать» (MW. 149).

в) причастия страдательного залога прошедшего времени (пп): *āgata* от *āgam* 1) «подходить к...» 3) «достигать» — CPC. 89; *ukta* от *vac* «говорить» — CPC. 560; *bhāsita* от *bhās* 1) «говорить, разговаривать» — CPC. 480; *vyāhṛta* от *vyāhar* 1) «говорить, высказывать» — CPC. 629; *çrūta* от *çru* 1) «слышать» — CPC. 658; *prāṇīta* от *prāṇī* «вести, направлять» (Macd. 146).

г) производными от глагольных корней, образованными по моделям *γ+-a* и *γ+-in*: *avagama* от *avagam* 3) «понимать» — CPC. 74; *abhimānin* от *abhiman* 1) «думать...» 3) «угрожать...» 5) «воображать» — CPC. 60; *āpa* от *āp* 1) «достигать» — CPC. 94; *bhāsin* от *bhās* 1) «говорить, разговаривать» — CPC. 480.

Образцы:

а) *duranubodha* «с трудом доходящий до сознания» (БПС III, 669); *duranvaya* «вдоль которого трудно идти» (Mbh. III,

⁹ В Большом Петербургском словаре зафиксировано прилагательное *durbhagya* (III, 687), производное от *bhagya* «счастливый» (V, 239).

11314); *durabhigraha* «к которому трудно притронуться, взять» (БПС III, 669); *duravagraha* «с трудом удерживаемый» (БПС III, 669); *duravabodha* «с трудом поднимаемый, тяжелый» (БПС III, 670); *duravaroha* «в который тяжело спускаться» (там же); *durakrama* «на который трудно (тяжело) взобраться» (Mbh. VII, 8861);

б) *duranustheya* «который тяжело исполнить» (Mbh. XII, 13015); *duranvesya* «который трудно отыскать» (Rām. IV, 48, 6); *durādeya* «который будет трудно отнять» (Mbh. V, 5201); *durārakṣya* «который трудно защитить» (БПС III, 672); *durgamanīya* «тяжелый для прохождения, труднопроходимый»;

в) *durāgata* «дошедший до беды, несчастный» (БПС III, 670); *drukta* «плохо сказанный» (т. е. «сказанный неверно, необдуманно, грубо») (Raṭc. II, 181); *durbhāsita* «плохо сказанный» (Mbh. V, 1171); *durvyāhṛta* «плохо, зло сказанный» (Rām. IV, 32, 3); *duḥçrūta* «плохо услышанный» (Rām. III, 41, 10); *duspranīta* «плохо направленный, хорошо воспитанный» (Mbh. XIII, 6653);

г) *duravagama* «с трудом понимаемый» (БПС III, 669); *durabhīmāni* «неприятно высокомерный» (БПС III, 669); *durāpa* «трудно достижимый» (M. 11, 238); *durbhāsin* «плохо, с трудом говорящий» (т. е. «не владеющий словом») (Mbh. V, 751).

Сочетаясь с разными лексико-грамматическими (переходные/непереходные) и лексико-семантическими разрядами глаголов, префикс *dus-/dur-/dus-/duḥ-* выступает как неинвариантный. Разнообразие русских переводов связано с многозначностью производящих глаголов, в большинстве своем — производных, семантика которых в данном случае для нас неважна. Префикс *dus-* можно было бы назвать префиксом отглагольных прилагательных; модель с *dus-* имеет пейоративное значение, входящее в тип модификационного словообразовательного значения. Производный характер отглагольных производящих основ свидетельствует о сравнительно позднем формировании этой модели и о ее продуктивности в эпическом санскрите.

Тип производных прилагательных с префиксом *su-*, модель *su-+Adj* передает положительную оценку качества или усиление качества, обозначаемого производящей основой.

Производящая основа, во-первых, выражается качественными прилагательными следующих лексико-семантических подгрупп:

- а) обозначения формы, цвета, размера: *tānu* 1) «слабый» 2) «тонкий» — CPC. 234; *tīksna* 2) «острый» — CPC. 243; *dīrgha* 2) «длинный» — CPC. 271—272; *pīla* 1) «темный» 2) «темно-синий» — CPC. 352; *babhru* «темно-коричневый» — CPC. 461;

māhant 1) «большой» — СРС. 501; *rakta* 2) «красный»¹⁰; *sopa* «красный» — СРС. 654; *sama* 4) «ровный, гладкий» — СРС. 692; *sita* «белый» — СРС. 730;

б) выражения оценки: *ghora* 1) «страшный» — СРС. 203; *cāru* 1) «чарующий» — СРС. 209; *dakṣa* 2) «дельный, способный» — СРС. 256; *daridra* «бедный»; *dārūna* 2) «строгий» — СРС. 266; *nirmala* 2) «чистый» — СРС. 339; *priya* «приятный»; *mandra* 1) «приятный» — СРС. 497; *çīta* «холодный» — СРС. 647; *çubha*¹¹ 1) «хороший, прекрасный» — СРС. 650;

в) характеристики по положению в пространстве и во времени: *cīra* 1) «долгий» — СРС. 212; *dūra* «далекий» — СРС. 281.

Образцы:

а) *sutnu* «очень тонкий»; *sutīksna* «очень острый» — о речи (Mbh. I, 7600); *sudīrga* «очень длинный» (Kathās. 18, 286); *sunīla* «очень синий», т. е. «темно-синий» (БПС VII, 1072); *subabhrū* «очень коричневый», т. е. «темно-коричневый» (БПС VII, 1086); *sumahant* «очень большой» (Rām. I, 57, 8); *surakta* «очень красный, очень красивый» (Rām. II, 71, 24); *sucubha* «очень приятный» (Kathās. 49, 35); *suçopā* «очень красный, темно-красный» (БПС VII, 1137); *susama* «очень гладкий, ровный» (БПС VII, 1144); *susita* «очень белый» (Kathās. 29, 53);

б) *sughora* «очень страшный» (Rām. V, 6, 4); *sucāru* «очень милый» (БПС VII, 1047); *sudakṣa* «очень ловкий, умный» (БПС VII, 1056); *sudaridra* «очень бедный» (БПС VII, 1057); *sudāruna* «очень строгий, очень страшный» (Rām. I, 8, 12); *sunirmala* «очень чистый» (БПС VII, 1071); *supriya* «очень милый, приятный» (Rām. II, 91, 24); *sumandra* «очень тихий» (БПС VII, 1098); *sucīta* «очень холодный» (Kathās. 45, 189);

в) *sucīra* «очень долгий» — о времени (Rām. II, 49, 10); *sudūra* «очень далекий» (Rām. II, 52, 96).

Во-вторых, производящая основа может являться отлагольным образованием:

а) от непроизводных глаголов: *-gama* от *gam* 1) «идти» — СРС. 189, *kṛta* pp. от *kṛ* «делать» — СРС. 150;

б) от производных глаголов: *paripūrṇa* pp. от *par* 1) «наполнять» — СРС. 367; *samkruddha* pp. от *samkrudh* «сердиться» (MW. 1127);

в) от префиксальных отлагольных прилагательных, модель *γ+-a*: *durgama* «труднопроходимый»; *durvaha* «труднопереносимый»; *vistara* «подробный».

¹⁰ *rakta* pp. от *raj* 1) «быть окрашенным» — СРС. 536.

¹¹ *çubha* от *çubh* 1) «сиять, сверкать» 2) «быть великолепным» — СРС. 650.

Образцы:

а) *sugama* «хорошо(легко) проходимый» *sukṛta* «хорошо сделанный»; б) *suparīrga* «очень переполненный», *susamkruddha* «очень разгневанный»; в) *sudurgama* «очень труднопроходимый», *sudurvaha* «очень тяжело(трудно) переносимый» (*Rām.* VI, 112, 7); *suviṣṭara* «очень обстоятельный, подробный» (*Kat-*ḥās. 18, 354).

Рассмотрение производных прилагательных с *su-* показывает, что: 1) *su-* не образует, как это обычно ожидается, да и отмечается в литературе, антонимические пары к прилагательным с *dus-*; 2) если *dus-*, как было установлено выше, выступает как префикс пейоративности при отлагольных образованиях, то *su-* функционирует в языке преимущественно как префикс интенсивности при качественных именах прилагательных и при отлагольных образованиях от префиксальных глаголов; 3) в сочетании с немногими отлагольными образованиями от непроизводных глаголов *su-* сохраняет свое более старое значение «хороший, хорошо»¹².

На основе вышесказанного префикс *su-* при словообразовании прилагательных исследуемого периода следует признать инвариантным. Производные с *su-* передают мейоративное словообразовательное значение или значение интенсивности. Каждое из них, видимо, представляет разновидности модификационного словообразовательного типа. Значение интенсивности является более поздним, и модель *su-+Adj* в эпическом санскрите более продуктивна именно с этим словообразовательным значением.

2. Имена прилагательные с транспонирующими префиксами

Как транспонирующие встретились следующие префиксы: *a-*, *ati-*, *adhi-*, *apa-*, *abhi-*, *ut-*, *dus-*, *nis-*, *pari-*, *rga-*, *ṛgati-*, *vi-*, *sa-*, *su-*.

Среди транспонирующих префиксов встречаются почти все те префиксы, какие мы наблюдали ранее у деадъективных имен прилагательных. Прилагательные с транспонирующими префиксами обладают еще не наблюдавшимся нами ранее своеобразием, которое заключается не столько в семантических свойствах префикса (как обычно принято считать), сколько в характере общеграмматического и лексико-грамматического значения производящей основы. Соединяясь с префиксом, производящее существительное переводится в разряд определений и утрачивает свою характеристику по роду, полностью переводясь в «согласовательный класс». Возьмем русские прилагательные «печаль-

¹² См. данные J. Wackernagel'a о самостоятельном употреблении *su-* в языке «Ригведы» (Wackernagel 1957: 80—81).

ный», «нарядный» и т. п. Они образованы от существительных способом суффиксации. В санскрите при образовании прилагательных аналогичного значения используются префиксы нередко с дополнительными оттенками значения: duhkha n. «печаль» — saduhkha «печальный»; bala n. «сила» — sabala «сильный»; vāsas n. «платье, наряд» — suvāsas «нарядный, в хорошем платье»; buddhi f. «ум» — durbuddhi «слабоумный»; tejas n. «блеск» — atitejas «очень блестящий»; karna m. «ухо» — utkarna «навостривший уши, любопытный», букв.: «с поднятыми ушами» и т. д.

Наличие подобных префиксальных прилагательных в санскрите ставит задачу установить, какие семантические разряды существительных пригодны для такой трансформации. Необходимо предварительно обратить внимание также на следующее: при разнообразии префиксов у рассматриваемых прилагательных среди них выделяются группа продуктивных словообразовательных моделей с ограниченным набором префиксов и группы, представленная единичными образованиями. Учитывая это, мы будем рассматривать десубстантивные префиксальные прилагательные не в соответствии с алфавитным расположением префиксов, как делали это ранее (и как это практикуется в работах по санскриту, например в одной из лучших — Грамматике Вакернагеля — Дебруннера) (Wackernagel 1957), а руководствуясь степенью продуктивности модели.

Не менее трети всех прилагательных с транспонирующими префиксами составляют производные с префиксом *sa-*. Тип *sa-+S → Adj.* выступает как определение одушевленных (1) и неодушевленных (2) предметов (наименования конкретных предметов и отвлеченных понятий).

По модели типа *sa-+S → Adj.* (1) образуются имена прилагательные, обозначающие наличие у лица качества или предмета, выражаемых производящей основой, или передающие совместность, общность с тем, что обозначает производящая основа, — социативное словообразовательное значение.

Производящая основа представлена:

1. Наименованиями отвлеченных понятий, обозначающих различные состояния человека, и *nomina actionis* (*tvarā* f. «поспешность», *kamra* m. «дрожание» — СРС. 149; *upacāra* m. 3) «услуга» 4) «вежливость» — СРС. 123; *unmāda* m. «безумие, сумасшествие» — СРС. 122; *udvega* m. 1) «дрожание» 2) «беспокойство, волнение» — СРС. 121; *udyoga* m. 2) «старание, усердие» — СРС. 120; *āhlāda* m. «услуга, радость» — СРС. 106; *avalepa* m. 2) «высокомерие» — СРС. 77; *samçaya* m. 1) «сомнение, неуверенность» — СРС. 668; *kora* m. 3) «ярость, гнев» — СРС. 174; *kāma* m. 1) «желание» 2) «любовь» — СРС. 157; *cintā* f. 1) «мысль» — СРС. 211; *piyama* m. 6) «обет, пост» — СРС. 331; *māda* m. 5) « страсть...» 9) «упоение» — СРС. 491).

Образцы:

satvara «быстрый, спешащий» (M. 9, 94); sakapara «дрожащий» (Kathās 4, 50); sopacāga «вежливый» (Mbh. I, 826); sotpāda «взвешенный, неистовый» (БПС VII, 1202); sodvega «взволнованный, возбужденный» (БПС VII, 1202); sodyoga «усердный, старательный» (БПС VII, 1202); sāhlāda «радостный» (БПС VII, 971); sāvalepa «гордый; высокомерный» (MW. 1211); sasamçaya «подозрительный» (MW. 1192; Mbh.); sakora «злой, полный гнева» (БПС VII, 508); sakāma «довольный» (Mbh. I, 5919); sacinta «задумчивый» (Kathās. 25, 166); saniyata «связанный обетом» (БПС VII, 624); samada «возбужденный; пылкий» (MW. 1154. Mbh.).

2. Наименованиями частей тела, его функций и состояний (çiras n. 1) «голова» — CPC. 645; anda n. «яйцо» — CPC. 25; āṅga III n. 1) «тело» 2) «член, часть тела» — CPC. 22; karna m. 1) «ухо» 2) «слух» — CPC. 151; caksus n. 1) «глаз» 2) «зрение» — CPC. 204; loman n. « волосы» (на теле) — CPC. 558; aṣṭru m., n. «слезы» — CPC. 82; ātman m. 1) «дыхание» — CPC. 91; bādhā f. 3) «боль, страдание» — CPC. 96; smita n. «улыбка» — CPC. 160; vrana m., n. 1) «ранение» 2) «болячка» — CPC. 630; paspa m. 1) «слезы» — CPC. 465; prāna m. 2) «дыхание» — CPC. 550; nidrā f. 1) «сон» — CPC. 328; sveda m. 1) «пот» — CPC. 767; hrdaya n. 1) «сердце» — CPC. 779).

Образцы:

sāciras «с головой» (MW. 1191); sānda «неоскопленный» (БПС VII, 900); sāṅga «имеющий все части и органы тела» (Kathās. 34, 40, 42); sakarna 1) «с ушами» 2) «слушающий» (БПС VII, 504); sacaksus «зрячий» (Mbh. 7, 582); sācru «со слезами, плачущий» (Mbh. 5, 5996); sātman «одушевленный, живой» (БПС VII, 902); sābādha «больной» (Çāk. 57); sasmita «кулыбающийся» (Çāk. 1, 2); savrana «раненый» (Mbh. 3, 16862; БПС VII, 848); sabāspa «плачущий» (MW. 1151; Kathās.); saprāna «дышащий, живой» (БПС VII, 669); sanidra «спящий» (Kathās. 71, 120); sopasveda «с потом, вспотевший» (MW. 1249; Mbh.); sahṛdaya «обладающий сердцем», тж. перен. «сердечный, отзывчивый» (Vikram. 71, 13).

3. Наименованиями платья и вещей, которые может иметь человек (upānah f. «сандалия; туфля» — CPC. 129; vāsas n. 1) «одежда» — CPC. 579; ratha m. «коляска; колесница» — CPC. 710; çalya m. 1) «острие» — CPC. 638; dhana n. 3) «деньги» — CPC. 297 и т. п.).

Образцы:

сopānah «обутый»; savāsas «одетый, облаченный в платье» (M. 5, 77); sarātha «имеющий колесницу, на колеснице» saçalya «раненый стрелой или дротиком» (Rām. I, 63, 44); sadhana «богатый» (Rām. 2, 39, 25).

4. Наименованиями одушевленных предметов (putra m. «сын; purusa m. «человек», prajā f. 4) «дети, потомство» — CPC. 412; prasava m. 5) «потомок, отпрыск» — CPC. 444; bandhu m. 6) «родственник» 7) «друг, товарищ» — CPC. 461; bhāryā f. «жена», çisya m. «ученик», saciva m. 3) «министр, советник» — CPC. 677; santāna m. 3) «потомство» — CPC. 684; sabhyā 2. m. 1) «придворный советник» 2) «судья» — CPC. 692; suta m. «сын», sura m. «бог» — CPC. 739; suhṛd m. 1) «друг» — CPC. 744).

Образцы:

saputra «вместе с сыновьями» (M. 10, 107); sapurusa «с людьми или последователями» (БПС VII, 659); sapraja «с потомством» (БПС VII, 668); saprasava «наделенный потомством» (Ragh. 1, 22); sabandhu «с родственниками или друзьями» (Hit. 17, 19); sabhārya «сопровождаемый супругой» (MW. 1151; Mbh.); saçisya «вместе с учениками» (MW. 1191; Çāk.); sasaciva «вместе с министрами или советниками» (MW. 1192; Mbh.); sasantāna «вместе с потомством» (MW. 1192); sasabhyā «вместе с придворными» (MW. 1192; Yājñ.); saṣuta «вместе с сыновьями» (MW. 1192; Mbh.); sasura «вместе с богами» (MW. 1192); sasuhṛd «вместе с друзьями» (MW. 1192; Mbh.).

5. Наименованиями того, что может быть у людей общим, одинаковым — имя, возраст, мысли, происхождение, общественное положение и т. п. (nāman p. 1) «имя» — CPC. 322; vayas p. 3) «возраст» — CPC. 564; manas p. 1) «дух, душа» 3) «замысел» — CPC. 494; nīda m. p. 3) «гнездо (птицы)» — CPC. 351; udara p. 1) «чрево, утроба матери» — CPC. 118; varna p. 4) «варна, каста» — CPC. 567; yoni m. 3) «происхождение» — CPC. 534; nābhi f. m. 5) «родство» — CPC. 322; jāta 2. p. 2) «род, вид» — CPC. 222).

Образцы:

sanāma «одноименный» (Mbh. I, 1636); savayas «одного возраста» (Kathās. 62, 237); samanas «одного мнения, единодушный» (БПС VII, 282—283); sanīda «из одного гнезда, родственный» (БПС VII, 624); sodara «единоутробный» (Kathās. 103, 195); savarna «одной касты; похожий, подобный» (Mbh. I, 3870);

Прилагательные, определяющие лицо, одушевленный пред-

мет, составляют не менее трех четвертей от общего количества прилагательных с *sa-*.

При многозначности существительных имеется ряд случаев, допускающих образование прилагательных от существительного в разных его значениях. Например:

тапуи т. 1) «настроение»	самапуи 1) «одного настроения единодушный»
3) «гнев»	3) «сердитый, взбешенный»
4) «горе, печаль»	4) «огорченный, опечаленный»

(СРС. 698)

От первой группы производящих основ образование прилагательных практически неограниченно. Наличие среди таких основ значительного числа существительных, образованных от префиксальных глаголов, указывает на сравнительно позднее формирование этой группы прилагательных и на высокую продуктивность модели *sa-+S → Adj.* (1).

По модели типа *sa-+S → Adj.* (2) образуются имена прилагательные, обозначающие принадлежность предмету или отвлеченному понятию того, что выражает производящая основа, — possessivное словообразовательное значение как разновидность социативного значения при определении неодушевленных предметов.

Производящие основы являются:

1. Наименованиями конкретных предметов и явлений природы (*agra* п. 2) 1) «острие» — СРС. 21; *nemī* f. 1) «обод колеса» — СРС. 355; *pakṣa* m. 1) «крыло» 2) «перо» — СРС. 359; *sāgra* I m. 2) «стрела» — СРС. 637; *udaka* ī. «вода», *abhra* m. n. 1) «облако» — СРС. 66; *arcis* m. 1) «пламя» — СРС. 70; *dhūma* m. 1) «дым» — СРС. 307).

Образцы:

sāgra «с острием, заостренный» (Çat. Br. 7, 4, 2, 13); *sane-mī* 1) «имеющий обод» — о колесе (БПС VII, 625); *sapakṣa* II «иснажённый крыльями, крылатый» — о горах¹³ (Rām. II, 89, 20); *saçara* «со стрелой, снабженный стрелой» — о луке (Çak. 5, 1); *sodaka* «с водой, полный воды» (M. 36); *sābhra* «облачный» (MW. 1204; Mēgh.); *sārcis* «горячий, пылающий» (Mbh. 13, 863); *sadhūma* «сопровождаемый дымом; дымный» (Rām. I, 56, 19).

2. Наименованиями понятий, связанных с объемной, пространственной характеристикой предмета (*prathas* п. 1) «широкота» *avaçesa* m. «остаток» — СРС. 77; *ardha* 2. m. 1) «половина» — СРС. 71; *çesa* m. n. 1) «остаток» 2) «конец» — СРС. 653; *avad-ni* m. 1) «граница» — СРС. 75).

¹³ Согласно индийской мифологии, некогда горы имели крылья и летали.

Образцы:

saprathas «большой, обширный» (БПС VII, 668); sāvaçesa «неполный, незаконченный с остатком» (Rām. II, 77, 22); sāg-dha «с половиной, половинный» (M. 9, 151); saçesa «имеющий остаток, неполный» (Kathās. 77, 30); sāvadhi «ограниченный, имеющий предел» (БПС VII, 962).

3. Наименованиями выделяющих отличительных примет и явлений (laksman п. «признак, знак» — СРС. 551; laksana п. «примета» — СРС. 550; viçesa m. 2) «особенность, характерная черта» — СРС. 607; vikalpa m. 2) «различие» — СРС. 584).

Образцы:

salaksman 1) «имеющий отличительные признаки» (БПС VII, 838); salaksana то же значение (там же); saviçesa «осо-бенный, необычный» (Kathās. 22, 69); savikalpa «отличающийся; отличительный» (БПС VII, 844).

4. Наименованиями понятий, характеризующих по составу (aksara 2 п. 3) «звук» — СРС. 19; çabda m. 1) «звук; шум» — СРС. 636; avayava m. 1) «часть...» 2) «ветвь (дерева)» — СРС. 76).

Образцы:

sāksara 1) «содержащий звуки» (БПС VII, 891); saçabda «звучавший» (Mbh. II, 2240); sāvayava 1) «состоящий из частей» 2) «разветвленный» (БПС VII, 963).

Прилагательные, образованные по модели *sa*-+S→Adj. (2), составляют примерно четверть от общего числа десубстантивных прилагательных с *sa*-.

Префикс *sa*- мы считаем неинвариантным.

В целом модель *sa*-+S→Adj. обладает транспозиционным словообразовательным значением.

Тип a-+S→Adj. составляет примерно 5% от общего числа десубстантивных прилагательных и выступает как определение одушевленных (1) или как определение неодушевленных (2) предметов. По модели типа a-+S→Adj (1) образуются прилагательные, определяющие лицо по отсутствию у него того, что выражает производящая основа — привативное словообразовательное значение.

Производящие основы являются:

1. Наименованиями атрибутов внешности, одежды (aṅga III п. 1) «тело» 2) «часть, член тела» — СРС. 22; karpa m. 1) «ухо» 2) «слух» — СРС. 151; caksus п. 1) «глаз» 2) «зрение» — СРС. 204; tanu f. 1) «тело» — СРС. 234; pad(a) m. 1) «шаг» 2) «нога» — СРС. 365).

Образцы:

anāṅga «бестелесный»¹⁴ (MW. 24); akarṇa 1) «безухий» 2) «глухой» (БПС I, 8), acaksus 1) «безглазый» 2) «слепой» (Рафс. I, 393); atanu «бестелесный»¹⁴ (MW. 12); apad(a) «безногий» (Çat. Br. 14, 8, 15, 10).

2. Именами родства (apatya п. «потомок; ребенок» — СРС. 51; putra м. 1) «сын» — СРС. 396).

Образцы:

anapatiya «бездетный» (Mbh. III, 294, 7); apuṭra «не имеющий сына» (М. 5, 160).

3. Наименованиями атрибутов социальной и этической характеристики (amṛta м. 1) «часть, доля» (тж. «наследственная») — СРС. 17; kula п. 5) «семья, род» — СРС. 167; guna м. 1) «качество, свойство» 2) «добродетель» — СРС. 193; trapā f. «стыд; смущение» — СРС. 249; pīrvāna п. 3) «нирвана (спасение от перерождений)» 4) «удовлетворение, ублаготворение» — СРС. 340).

Образцы:

anamṛta «не имеющий наследственной доли» (М. 9, 201); akūla «неродовитый, неблагородный» (БПС I, 10); aguna «лишенный достоинств» (М. 3, 22); atrapa «бесстыдный» (Рафс. I, 472); anīrvāna «не достигший нирваны, неудовлетворенный» (MW. 30).

По модели типа a-+S→Adj. (2) образуются прилагательные, определяющие предметы или явления по отсутствию чего-либо, что выражает производящая основа, с подгруппой оценочных прилагательных.

Производящие основы могут быть представлены любой семантической группой существительных: jana м. 1) «человек» — СРС. 217; purusa м. то же значение — СРС. 398; abhra м., п. 1) «облако» — СРС. 66; udaka п. 1) «вода» — СРС. 117; puṣpa п. 1) «цветок» — СРС. 401; argha м. 1) «цена» — СРС. 70; pramāṇa п. 1) «размер» 2) «мера» (например, веса...) — СРС. 435; tulā f. 1) «весы...» 2) «чашка весов...» 6) «сходство» — СРС. 245.

Образцы:

ajāpa «лишенный людей» (Rām. II, 92, 10); apurusa 'то же значение, anabhṛaka «безоблачный» (БПС I, 175); anudaka «лишенный воды, безводный» (Rām. II, 67, 25); apuṣpa «без цветов, лишенный цветов» (М. 1, 47); anargha «бесценный» (БПС I, 176); agramāṇa «незначительный» (Çak. 121); atula «несравненный» (Mbh. III; N. 12, 44).

¹⁴ anāṅga, atanu — прозвище бога любви Камы.

Производные, образованные по модели $a-+S \rightarrow \text{Adj.}$ (2), обладают привативным словообразовательным значением и численно, значительно уступают префиксальным прилагательным, образованным по модели $a-+S \rightarrow \text{Adj.}$ (1), т. е. десубстантивные прилагательные с префиксом *a-* являются преимущественно определениями лица.

Префикс *a-* выступает как неинвариантный. Тип словообразовательного значения модели $a-+S \rightarrow \text{Adj.}$ транспозиционно-модификационный.

В рамках этого типа словообразовательное значение модели $a-+S \rightarrow \text{Adj.}$ противостоит словообразовательному значению модели $sa-+S \rightarrow \text{Adj.}$ В санскрите имеется множество антонимов, образованных с префиксами *a-* и *sa-*. Однако производных прилагательных с *sa-* значительно больше, и антонимические пары к ним образуют не только производные с *a-*, но и производные с *vi-*.

Тип $vi-+S \rightarrow \text{Adj.}$ встречается в 15% всех десубстантивных имен прилагательных. Словообразовательное значение модели этого типа — обозначение отсутствия того, что выражает производящая основа, т. е. привативное словообразовательное значение. Десубстантивные прилагательные с *vi-* выступают определениями одушевленных (1) и неодушевленных (2) предметов, причем нет преобладания первых над вторыми. Производящей основой у прилагательных, образованных по модели $vi-+S \rightarrow \text{Adj.}$ (1), являются:

1. Наименования отвлеченных понятий и *помина actionis* (*karman* п. 1) «действие, работа» — CPC. 152; *pāpa* п. 1) «зло, вред» — CPC. 389; *priya* п. 1) «доброта» 2) «благосклонность, любезность» — CPC. 455; *bhī* f. «страх, боязнь чего-л.» — CPC. 482; *mati* f. 1) «мысль...» 4) «мнение» — CPC. 490; *matsara* п. 1) «зависть» — CPC. 491; *mada* m. 1) «опьянение...» 7) «веселье» — CPC. 491; *manas* п. 1) «дух, душа» 2) «ум, разум» — CPC. 494; *manyu* m. 3) «гнев» — CPC. 498).

Образцы:

vikartman «не работающий» (Mbh. XIII, 341); *vipāra* «безупречный; безгрешный» (БПС VI, 1108); *vipriya* «неприятный; неприязненный» (Mbh. I, 6188); *vibala* «бессильный, слабый» (MW. 951); *vibuddhi* «неразумный» (MW. 951); *vibhī* «бесстрашный» (Mbh. VIII, 786); *vimati* 1) «ограниченный недалекий» 2) «расходящийся во мнениях» (БПС VI, 1134); *vimatsara* «чуждый зависти» (Mbh. XII, 1469); *vimada* «свободный от опьянения» (Rām. V, 64, 4); *vimanas* «неразумный» (Rām. I, 66, 11); *vimanyu* «беззлобный» (Kumāras. 7, 93).

2. Наименования частей тела, их функций и состояний (*khe-da* m. 1) «утомление, усталость» — CPC. 186; *jvara* m. 1) «жар» 2) «лихорадка» — CPC. 227; *roga* m. 1) «боль» 2) «болезнь» — CPC. 548; *nidrā* f. 1) «сон» — CPC. 328; *mukha* 1. n. 2) «лицо» —

[CPC. 515; rūpa n. 1) «внешний вид...» 3) «красота» — CPC. 547; karna 2. m. 1) «ухо» — CPC. 151; kuksi m. «живот» — CPC. 164; keça m. 1) « волосы на голове» — CPC. 173; caksus или caksas n. 1) «глаз» 2) «зрение» — CPC. 204; nasā f. «нос» — CPC. 319; netra 2. n. 2) «глаз» — CPC. 355; pakṣa m. 1) «крыло» — CPC. 359).

Образцы:

vīkheda «бодрый; энергичный» (БПС VI, 1000); vijvāra «оправившийся от лихорадки; бодрый» (Rām. I, 1, 84); vīrogā «здоровый» (Hariv. 7672); vinidra «без сна, бодрствующий» (Mbh. X, 146); vimukha «отвернувшись, обращенный назад» (Mbh. I, 2755); vīrūpa «бездобразный» (Rām. I, 59, 19); vīkeṣa «имеющий редкие волосы; лысый» (БПС VI, 992); vicaksus «безглазый; слепой» (Mbh. XII, 2450); vinasa «безносый» (БПС VI, 1086); vinetra «незрячий, слепой» (MW. 951); vipakṣa «бескрылый» (Rām. VI, 60, 24).

С этим же типом производящих основ возможно (очень редко) образование прилагательных, значение которых сопровождается качественной оценкой: gandha m. n. 1) «запах; аромат» — vigandha «издающий зловоние» (БПС VI, 1000); karṇa n. «ухо» — vikarṇa «имеющий широко расставленные уши» (как хорошее свойство определения домашнего животного — БПС VI, 982); kuksi m. «живот» — vikuksi «с выдающимся вперед животом, толстобрюхий» (БПС VI, 990).

3. Наименования платья и вещей, которые может иметь человек (vastra n. «платье, одежда» — CPC. 572; dhana n. «деньги», 4) «богатство» — CPC. 297; rāṣa m. «пути, узы» — CPC. 392).

Образцы:

vivastra «раздетый, обнаженный» (Mbh. II, 2230); vidhana «неймущий, бедный» (БПС VI, 1070); viरāṣa «распутанный, свободный от уз» (Mbh. I, 6749).

4. Наименования одушевленных предметов (bandhu m. 6) «родственник» — CPC. 461; vatsa m. 2) «ребенок» 3) «детеныш» — CPC. 561).

Образцы:

vibandhu «бездородный, не имеющий родственников» (БПС VI, 1119); vivatsa «бездетный, не имеющий потомства» (Rām. II, 39, 4).

У прилагательных, образованных по модели vi-+S→Adj. (2), производящей основой выступают в подавляющем большинстве случаев:

1. Наименования конкретных предметов и явлений (çalya m.

«острие, наконечник» — СРС. 638; *koṣa* m. «ножны» — СРС. 174; *cakra* m. n. 1) «колесо» — СРС. 204; *jya* II f. «тетива лука» — СРС. 227; *tusa* m. «шелуха зерна, мякина» — СРС. 245; *trna* n. 1) «трава» — СРС. 246).

Образцы:

viçalya «лишенный наконечника» — о стреле (Mbh. VII, 3703); *vikoṣa* «обнаженный» — об оружии (Mbh. VII, 573); *visakga* «лишенный колес» (Mbh. VII, 846); *vijaya* «без тетивы» — о луке (Rām. III, 6, 10); *vitusa* «лишенный оболочки, вылученный» — о зерне, орехе (БПС VI, 1038); *vitṛṇa* «лишенный травы, голый» — о земле (БПС VI, 1038).

2. Наименования отвлеченных понятий (*dharma* m. 7) «долг, обязанность» 8) «закон» — СРС. 300; *jara* m. «изношенность» — СРС. 220; *ruj* III. f. 1) «боль» — СРС. 546; *bhaya* n. «страх, боязнь чего-л.» — СРС. 475; *diç* f. 3) «страна света» — СРС. 270; *jāti* f. 5) «род, вид» — СРС. 222; *guna* m. 1) «качество, свойство» — СРС. 193; *bala* I. n. 1) «сила» — СРС. 462).

Образцы:

vidharma «незаконный» (Mbh. V, 4889); *vijara* «нестареющий» (Kathās. 41, 11); *viñhaya* «безопасный» (БПС VI, 1122); *viruja* «безболезненный, не причиняющий страданий» (Mbh. I, 3678); *viguna* «несовершенный, ущербный» (Mbh. XII, 2689); *vibala* «слабый» (БПС VI, 1119).

3. Наименования «неба и небесных тел», явлений природы (*tārā* f. 1) «звезда, созвездие» — СРС. 240; *megha* m. 1) «облачко, туча» — СРС. 520; *gaçṭī* n. f. 2) «луч, сияние» — СРС. 539; *ghana* m. 5) «облачко, туча» — СРС. 201; *tamas* n. 1) «мрак, тьма, темнота» — СРС. 236; *timira* m. то же значение — СРС. 242).

Образцы:

vimegha «безоблачный» (MW. 952); *vitāra* «лишенный звезд (небосвод)» (БПС VI, 1038); *viraçṭī* «тусклый» (Hariv. 3579); *vighana* «безоблачный, ясный» — о небе (Mbh. V, 2997); *vitamas* «лишенный темноты, светлый» (Ragh. 9, 16); *vitimira* то же значение (Mbh. I, 1255).

В модели *vi-+S→Adj.* префикс *vi-* неинвариантен, а тип словообразовательного значения модели в целом — транспозиционный.

Тип *su-+S→Adj.* — прилагательные сложной номинации. По модели данного типа образуются определения, выражающие принадлежность качества, свойства или предмета, сопровождаемые его положительной оценкой. Назовем это словообразовательное значение посессивно-мейоративным. Прилагательные с

таким словообразовательным значением являются определениями одушевленных предметов (1) и, значительно реже, предметов неодушевленных (2).

При образовании прилагательных по модели su -+*S* → Adj. (1) производящие основы могут быть:

1. Наименованиями отвлеченных понятий и номина *actio-nis* — около 30% (*manas* п. 1) «дух, душа» — СРС. 494; *manta* м., п. 5) «совет, наставление» — СРС. 495—496; *uyaña* п. 4) «жертвоприношение» — СРС. 524; *yácas* п. 3) «красота» — СРС. 528; *rosa* м. «гнев, ярость» — СРС. 549; *vargas* п. 1) «сияние, сверкание, блеск» 4) «сила» — СРС. 566; *vṛtta* 2. п. 2) «поведение» — СРС. 616—617; *veda* м. 1) «знание» — СРС. 619; *utsāha* м. 1) «сила, мощь» — СРС. 117 и др.).

Образцы:

sumanas «радостный, веселый» (Mbh. I, 1943); *sumantra* «следующий добрым советам» (БПС VII, 1098); *suyajña* «приносящий или принимающий хорошую жертву» (Mbh. I, 3773); *suyaças* «великолепный, прекрасный» (БПС VII, 1104); *suropa* «очень сердитый» (MW. 1232); *suvarcas* «пылкий; прекрасный; полный силы» (Mbh. III, 2078); *suvr̥ita* «благовоспитанный» (Rām. II, 29, 19); *suveda* «много знающий» (Mbh. III, 13437); *sotsāha* «решительный; энергичный» (Hit. 35, 22).

2. Наименованиями частей тела, лица, внешности — более трети всех прилагательных с *su-* (*locana* п. «глаз» — СРС. 558; *svara* м. 1) «голос» — СРС. 764; *vadana* п. 2) «лицо» — СРС. 562; *kanṭha* м. «шея, горло» — СРС. 146; *keṣa* м. 1) «волосы на голове» — СРС. 173; *gātra* п. 1) «член, часть тела» — СРС. 191; *dṛc* ф. 3) «глаз» — СРС. 283).

Образцы:

sulocana «с красивыми глазами, прекрасноокий» (Mbh. III, 15688); *susvara* «с приятным голосом» (Mbh. I, 7056); *suvalanā* «с красивым лицом (ж. р.), прекрасноликая» (Ragh. 9, 33); *sukantha* «сладкоголосый» (БПС VII, 1026); *sukeṣa* «с прекрасными волосами» (Rām. III, 23, 16); *sugātra* «с прекрасным телом, стройный» (Kathās. 30, 62); *sudṛci* «с прекрасными глазами (ж. р.), прекрасноокая» (Kathās. 7, 78).

3. Наименованиями конкретных предметов, которые может иметь человек, 8—9%¹⁵ (*vesa* м. 3) «одежда, платье» — СРС.

¹⁵ Группы вторая и третья, по системе Халлига и Вартбурга (Hallig, Wartburg 1963), могут быть объединены в разряд «человек как живое существо», что мы и делаем в дальнейшем. В данном же случае сделано разграничение ввиду большого количества возможных производящих существительных.

622; *dhana* п. 4) «состояние, богатство» — СРС. 297; *niska* м. п. 1) «золотое или серебряное украшение (на шею или грудь)» — СРС. 347; *rātna* 1. п. 2) «сокровище» 3) «жемчужина» — СРС. 537; *ratha* м. 1) «коляска; колесница» — СРС. 537; *vāsas* п. 1) «одежда» — СРС. 579).

Образцы:

suvesa «красиво одетый; украшенный» (*Mbh.* I, 8009); *sudhana* «очень богатый» (БПС VII; 1064); *suniska* «носящий изящное украшение (на шее)» (БПС VII, 1071); *surañna* «обладающий большими сокровищами» (БПС VII, 1107); *suratha* «имеющий красивую колесницу» (*Mbh.* I, 2697); *suvāsas* «красиво одетый, нарядный; разукрашенный» (*Çat. Br.* 3, 1, 2, 16).

4. Наименованиями одушевленных предметов — 5—6% (*prajā* f. 4) «дети» — СРС. 412; *bandhu* м. 6) «родственник» 7) «друг, товарищ» — СРС. 461; *apañya* п. «потомок, ребенок» — СРС. 51; *patnī* f. «госпожа; супруга» — СРС. 364; *pati* м. 1) «господин, повелитель» 2) «супруг» — СРС. 364; *mitra* 1. м. «друг, приятель» — СРС. 512).

Образцы:

supraja «имеющий хороших детей»; *subandhu* «хорошо связанный; родственный»; *svapatya* «имеющий хорошее потомство» (БПС VIII, 1430); *upatnī* «имеющая хорошего мужа»; *simitra* «имеющий хорошего друга, крепко подружившийся».

Прилагательные, образованные по модели *su-+S → Adj.* (2), составляют менее пятой части всех прилагательных с *su-*. Производящая основа представлена в них наименованиями неодушевленных предметов (конкретика и отвлеченные понятия) (*sakra* м. п. 1) «колесо» — СРС. 204; *çagana* 2. п. 4) «приют, убежище» — СРС. 637; *dhātu* м. 4) «первичный элемент» 5) «составная часть» — СРС. 303; *palāça* п. «лист, листва» — СРС. 385; *puspa* п. 1. 1) «цветок» — СРС. 401; *phala* п. 1) «плод, фрукт» — СРС. 459; *mañgala* м. 1) «благополучие, счастье» — СРС. 489).

Образцы:

sucakra «с хорошими колесами (о колеснице)» (*Mbh.* II, 2063); *suçagana* «представляющий хорошее убежище или приют» (*Mbh.* XIII, 1173); *sudhātu* «хорошо составленный, основательный» (БПС VII, 1066); *supalāça* «с обильной листвой» (БПС VII, 1077); *supuspa* «покрытый прекрасными цветами» (БПС VII, 1079); *suphala* «приносящий хорошие плоды, плодоносный» (БПС VII, 1085); *sumañgala* «приносящий счастье» (*Mbh.* III, 2764); *suraçmi* «лучезарный, сверкающий» (БПС VII, 1112).

Префикс *su-* в сочетании с существительным, образуя имя прилагательное, выступает как неинвариантный. Всего с *su-* образовано 12% от общего количества префиксальных десубстантивных прилагательных.

По своей словообразовательной семантике прилагательные с *su-* образуют антонимические пары к прилагательным с *vi-* (при отсутствии у последних пейоративного значения) в случае определения неодушевленных предметов, и к прилагательным с *dus-* при определении лиц и живых существ.

Тип *dus-+S → Adj.* представляет собой значительную группу прилагательных сложной номинации. По модели этого типа образуются определения, выражающие принадлежность кому-либо качества или свойства, сопровождаемых отрицательной их оценкой, т. е. несут посессивно-пейоративное словообразовательное значение. Подобные префиксальные прилагательные в исследованных нами текстах употребляются только как определения одушевленных предметов, существ.

1. Производящая основа в них представлена в подавляющем большинстве случаев (свыше 60%) наименованиями отвлеченных понятий и *nomina actionis* (*ātman* m. 3) «сущность, природа» — CPC. 91; *ācaya* m. 3) «замысел, намерение» — CPC. 102; *jāti* f. 1) «происхождение» 2) «положение...» 5) «род, вид» — CPC. 222; *dama* II m. «самообладание» — CPC. 260; *nigraha* m. 1) «схватывание» 2) «удерживание» — CPC. 326; *nivāra* m. 1) «удерживание» — CPC. 343; *preksā* f. 1) «наблюдение» 2) «рассматривание» — CPC. 45; *bala* I 1) «сила» — CPC. 462; *bhāgya* n. 2) «счастье» — CPC. 478; *mati* f. 1) «мысль; замысел» — CPC. 490).

Образцы:

durātman «негодный, подлый» (Raīc. 38, 18), *durācaya* «с дурными мыслями, злонамеренный» (Kathās. 20, 3); *durjāti* «злой» (Mbh. V, 1944); *durdama* «трудноуправляемый» (Mbh. XII, 3310); *durnigraha* «трудноодерживаемый, неукротимый» (Bhag. 6, 35); *durnivāra* «необузданный; трудноустранимый» (Hit. II, 7); *duspreksa* «плохо воспринимаемый зритально, плохо видимый, плохо различимый» (Rām. III, 17, 22); *durbala* «обес力量ный, истощенный» (Raīc. I, 128); *durbuddhi* 1) «слабоумный» 2) «безумный» (Raīc. I, 358); *durbhāgya* «бедный, несчастный» (БПС III, 687); *durbhāsa* «грубо разговаривающий, употребляющий бранные слова» (MW. 486); *durmāti* «глупый, тупой» (Rām. 2, 31, 21).

2. Реже (25% случаев) — наименованиями частей тела, лица, внешности (*aksan* n. «глаз» — CPC. 19; *ākṛti* f. «внешний вид» — CPC. 88; *mukha* n. 1) «рот» 2) «лицо» — CPC. 515; *hrd* n. 1) «сердце» — CPC. 779; *carmān* n. 1) «кожа» — CPC. 208; *spārṣa* m. 2) «осаждение» — CPC. 757; *gandha* m., n. 1) «запах, аромат» — CPC. 189).

Образцы:

durakṣa «имеющий слабое зрение» (БПС III, 668); durākṛti «безобразный, уродливый» (Hariv. 3721); durvāsas «неодетый, плохо одетый» (Mbh. XIII, 1176); durnāman «обладающий плохим именем» (БПС III, 682); durmukha «имеющий безобразное лицо, отталкивающий» (Kathās. 12, 52); durhṛd «имеющий злое сердце» (Mbh. III, 17 300); duṣcarman «пораженный кожной болезнью, прокаженный» (Yājñ. 3, 209); duḥsparça «неприятный на ощупь» (Mbh. XIII, 2109); durgandha «с дурным запахом, зловонный» (Hariv. 2947).

3. В редких случаях (около 12%) — наименованиями лиц (ākranda m. 2) «союзник, действующий в тылу врага» — CPC. 88; mantrin m. 2) «министр, советник» — CPC. 496; mitra 1 m. 1) «друг» — CPC. 512).

Образцы:

durākranda «имеющий плохих союзников» (Pāīc. IV, 31); durmantriṇ «имеющий плохого ministra» (Pāīc. III, 244); durmitra «имеющий плохого друга» (БПС III, 689).

При образовании десубстантивных имен прилагательных префикс dus- функционирует как неинвариантный. С dus- образовано примерно 10% от общего числа префиксальных десубстантивных прилагательных. Модель $dus- + S \rightarrow Adj.$ (1) выражает транспозиционно-модификационное словообразовательное значение.

Прилагательные, образованные по модели $nis- + S \rightarrow Adj.$, могут являться определениями (1) одушевленных (60%) и (2) неодушевленных (40%) предметов.

Производные этого типа выражают отсутствие у определяемого того, что выражает производящая основа, т. е. обладают посессивно-привативным словообразовательным значением.

У производных, образованных по модели $nis- + S \rightarrow Adj.$ (1), производящая основа представлена:

1. Наименованиями отвлеченных понятий, обозначающих свойственные человеку качества характера, состояния и т. п. (avadya n. 1) «ошибка» — CPC. 75; ahamkāra m. «чувство собственного достоинства, самоуважение» — CPC. 86; ādhi m. «забота» — CPC. 93; ānanda m., n. «радость» — CPC. 94; ālamba m., ācraya m. «копора, поддержка» — CPC. 103; icchā f. «желание» — CPC. 107; utsāha m. «сила, мощь» — CPC. 117; utsuka m., udvega m. «беспокойство, волнение» — CPC. 121; upadhi m. 2) «обман» — CPC 124; garva m. «гордость, высокомерие» — CPC. 190; guna m. 1) «качество» 2) «добродетель» — CPC. 193).

2. Наименованиями конкретных предметов, которые может иметь человек, названиями частей тела (apna n. 1) «беда, пища» — CPC. 49; ambara n. 1) «одеяние, одежда» — CPC. 68;

aśtra н., т. 2) «оружие» — СРС. 86, ādambaṭa т. 1) «барабан» — СРС. 91, āyudha н. «оружие» — СРС. 98; āhāra т. 3) «пища, питание» — СРС. 106; upalepa т. «мазь; косметика» (MW. 206); usnīsa т. н. «головная повязка; тюрбан» — СРС. 132; gr̥ha н. «дом» — СРС. 195; dhana т. 3) «деньги» 4) «богатство» — СРС. 297; castra II т. 3) «оружие» — СРС. 639; pari-grāha т. 12) «собственность, имущество» — СРС. 371).

3. Наименованиями частей тела (jihvā f. анат. «язык» — СРС. 227; daçana т. «зуб» — СРС. 262, loman н. « волосы» (на теле) — СРС. 558; hasta т. 1) «рука» — СРС. 773; pad II т. 1) «нога» — СРС. 365).

4. Наименованиями одушевленных предметов (amitra т. «враг, недруг» — СРС. 67; jñāti т. «кровный родственник» — СРС. 226; deva 2. т. 1) «бог» — СРС. 284; nātha т. 1) «покровитель; защитник» — СРС. 321; bandhu т. 6) «родственник» 7) «друг, товарищ» — СРС. 461).

Образцы:

1. nīravadya «безупречный» (Rām. VI, 99, 51); nirahāmīkāra «лишенный самоуважения» (Mbh. XV, 882); nīrādhī «беззаботный» (БПС IV, 180); nīrānanda «лишенный радости» (Rām. II, 47, 10); nīrālamba «лишенный поддержки» (Rām. I, 44, 2); nīrāçraya то же значение (Bhag. 4, 20); nīriccha «не имеющий желаний» (Mbh. XII, 7171); nīrutsāha «малодушный, слабый» (Rām. I, 21, 6); nīrutsuka «беззаботный, спокойный» (Rām. III, 66, 13); nīrupadhi «лишенный обмана, честный» (БПС IV, 186); nīrgarva «лишенный высокомерия» (БПС IV, 189); nīrguna «лишенный добродетелей» (Mbh. III. 295, 27);

2. nīrappa «лишенный пищи, голодный» (БПС IV, 173); nīrambara «лишенный одежды, голый» (Kathās. 20, 112); nīrastra «невооруженный» (Rām. III, 35, 74); nīrādambara «лишенный барабана» (БПС IV, 179); nīrāyudha «лишенный оружия» (M. 7, 92); nīrahāra «не имеющий пищи» (Rām. I, 48, 31); nīrupalepa «лишенный косметики, без грима» (БПС IV, 186); nīrusnīsa «без тюрбана, с открытой головой» (БПС IV, 186); nīrgṛ̥ha «бездомный» (Raīc. I, 435); nīrdhana «не владеющий состоянием, бедный» (Raīc. I, 466); nīḥcastra «невооруженный» (БПС IV, 236); nīsparigraha «не владеющий имуществом, неимущий» (Mbh. I, 4600);

3. nīrjihva «лишенный языка» (Mbh. VI, 3964); nīrdaçana «беззубый» (Hit. I, 106); nīrloman «безволосый» (БПС IV, 206); nīrhasta «безрукий» (БПС IV, 216); nīspad «безногий» (БПС IV, 251);

4. nīramitra «не имеющий врагов» (Mbh. I, 8392); nīrjñāti «не имеющий кровных родственников» (БПС IV, 193); nīrdeva «покинутый богами» (БПС IV, 195); nīrnātha «не имеющий за-

щитников» (БПС IV, 197); *nirbandhu* «лишённый родственников, союзников» (Mbh. VII, 8996).

У десубстантивных прилагательных, образованных по модели *nis-+S→Adj.* (2), т. е. у определений неодушевленных предметов, производящая основа представляет собой:

1. Наименования отвлеченных понятий (*upakrama* m. 2) «начало» — CPC. 122; *duhkha* n. 1) «горе» 2) «грусть, печаль» — CPC. 272; *samjñā* f. 3) «сознание, чувство» — CPC. 679; *satya* n. 1) «правда» — CPC. 680).

2. Наименования конкретных предметов и явлений (*upala* m. «камень» — CPC. 126; *udaka* n. 1) «вода» — CPC. 117; *abhra* m. n. 1) «облако» — CPC. 66; *māgūdā* f. 1) «граница, предел» — CPC. 499; *megha* m. 1) «облако, туча» — CPC. 520; *rāga* m. n. то же значение — CPC. 390; *mārga* m. «тропа, дорога» — CPC. 510; *mūla* n. 1) «корень» — CPC. 518; *vrksa* m. «дерево» — CPC. 616).

3. Наименования того, что может восприниматься органами чувств (*āsvāda* m. 2) «вкус, привкус» — CPC. 106; *ūsman* m. 1) «жара, зной» — CPC. 134; *gandha* m. n. 1) «запах, аромат» — CPC. 189; *dhūma* m. 1) «дым» — CPC. 307; *visa* n. «яд» — CPC. 609; *cabda* m. 1) «звук» — CPC. 636).

4. Наименования одушевленных предметов (*jana* m. 1) «человек» — CPC. 217; *dasyu* m. 3) «разбойник» — CPC. 263; *maksikā* f. «муха» — CPC. 488; *matsya* m. 1) «рыба» — CPC. 491; *manusya* m. 1) «человек» 2) «мужчина» — CPC. 495; *vāyasa* m. 1) «птица» 2) «ворона» — CPC. 576; *vyāghra* m. «тигр» — CPC. 628; *caura* m. «вор; грабитель» — CPC. 214; *purusa* m. 1) «человек» — CPC. 398).

Образцы:

1. *nirupakrama* «не имеющий начала» (БПС IV, 185); *nirduhkha* «не причиняющий невзгод» (БПС IV, 195); *nihsamjña* «бессознательный» (Kathās. 9, 50); *nihsatya* «ложный» (БПС IV, 261);

2. *nirupala* «лишенный камней» (БПС IV, 186); *nirudaka* «бездонный» (БПС IV, 185); *nirabhara* «безоблачный» (Mbh. I, 1419); *nirmaryāda* «безграничный» (Rām. III, 69, 19); *nirmegha* «безоблачный» (Kathās. 19, 65); *nispāra* «безграничный, неограниченный» (Rām. V, 1, 8); *nīrtmārga* «лишенный тропы, дороги» (БПС IV, 202); *nirmūla* «лишенный корней» (БПС IV, 203); *nirvṛksa* «лишенный деревьев, безлесный» (Mbh. V, 338);

3. *nirāsvāda* «безвкусный; лишенный привкуса» (БПС IV, 182); *nirūsman* «лишенный тепла, холодный» (БПС IV, 186); *nirgandha* «лишенный запаха» (БПС IV, 189); *nirdhūma* «лишенный дыма, бездымный» (БПС IV, 197); *nirvisa* «не ядови-

тый» (Райс. III, 83); *nīṣabda* «беззвукный» (Rām. I, 55, 24);

4. *nīṛjana* «бездлюдный» (Rām. II, 36, 7); *nīṛdasyu* «свободный от разбойников» (БПС IV, 195); *nīṛmaksika* «лишенный мух» (БПС IV, 199); *nīṛmatsya* «лишенный рыб» (Райс. 78, 15); *nīṛmanusya* «бездлюдный» (Rām. II, 21, 10); *nīṛvāyasa* «свободный от птиц, от ворон» (Райс. 148, 12); *nīṛvyāghra* «лишний тигров» — о лесе (Mbh. V, 863); *nīṣcaura* «лишенный разбойников» (БПС IV, 234); *nīṣpūrusa* «лишенный мужчин» — о роде (M. 3, 7).

В рассмотренных производных префикс *nīṣ-* неинвариантен, тип словообразовательного значения модели — транспозиционно-модификационный.

Тип *ud-+S→Adj.* функционирует тоже как определение одушевленных предметов. Модель этого типа передает направленность вверх или наружу присущего определяемому признака, качества, свойства, выражаемых производящей основой. Назовем такое словообразовательное значение посессивно-эмиративным¹⁶.

Производящая основа соответственно является:

1. Наименованием частей тела (лица) и направлений, присущих ему (*mukha* п. 1) «рот» 2) «лицо» — СРС. 515; *grīva* м. 1) «шея» 2) «затылок» — СРС. 199; *karpa* м. 1) «ухо» — СРС. 151; *aṣru* п., м. «слеза» — СРС. 82; *bāhu* м. «рука» — СРС. 465; *nīdrā* ф. «сон» — СРС. 328).

2. Наименованием понятий того, чем может обладать живое существо (*ojas* п. «сила, мощь» — СРС. 142; *manas* п. 1) «дух, душа» 2) «ум, разум» — СРС. 494; *kula* п. 5) «семья, род» 6) «знатный род» — СРС. 167).

3. Наименованием конкретных предметов (*danda* м. п. «палка» — СРС. 257).

Часто образовавшееся таким образом прилагательное несет прямое и метафорическое значение.

Образцы:

1. *utkarna* «навостривший уши; насторожившийся» (Ragh. 15, 11); *udgrīva* «с вытянутой шеей; любопытный» (БПС 1, 923); *upmukha* «с поднятым вверх лицом; просящий, ожидающий» (Rām. II, 40, 21); *udaṣru* «плачущий» (Ragh. 12, 14); *ubāhu* «воздевший руки» (Ragh. 1, 3); *unnidra* 1) «бодрствующий, бессонный» (Megh. 86); 2) «цветущий» — о растениях (БПС I, 937);

2. *udojas* «очень могущественный» (БПС I, 921); *utkula* «выродившийся» (Çāk. 123); *upmanas* «взволнованный, возбужденный; вспыльчивый» (MW. 194);

¹⁶ От лат. *ēmineo-ēmineō* 1) «выдаватьсь, выступать, торчать»; 2) «быть заметным, отличаться».

3. *uddanda* 1) «с поднятой палкой» 2) «выдающийся, необыкновенный» (*Hit.* II, 28).

Префикс *ud-* относится к неинвариантным.

Модель *ud-+S→Adj.* обладает транспозиционно-мутационным словообразовательным значением.

Префиксы *sa-, vi-, su-, dus-, nis-, a-* и *ud-* входят в состав наиболее продуктивных словообразовательных моделей десубстантивных прилагательных.

Значительно реже или в единичных случаях встречаются модели с префиксами *ati-, adhi-, anu-, apa-, abhi-, ā-, pari-, rga-, prati-*.

Тип *ati-+S→Adj.* образуется при производящих основах, которые представляют собой наименования различных состояний или качеств человека (*rus* II f. «гнев, ярость» — СРС. 547; *rañhas* n. «быстрота, поспешность» — СРС. 534; *tejas* n. 4) «свет, блеск» 5) «красота» — СРС. 247; *bala* I n. 1) «сила» 2) «власть» — СРС. 462; *rgamāpa* n. 1) «размер (величина)» — СРС. 435).

Образцы:

atirus «очень сердитый» (*Çāk.* 119); *atirañhas* «очень быстрый» (*Çāk.* 5); *atiējas* «очень блестящий» (*Macd.* 6); *atibala* «очень сильный» (*Rām.* V, 38, 30); *atipramāpa* «очень большой» (*Rām.* V, 54, 17).

Модель *ati-+S→Adj.* существует только с индексом (1), по ней образуются усложненные определения лица. Десубстантивные прилагательные с *ati-* обозначают принадлежность человеку какого-либо качества или состояния с указанием на их интенсивность, т. е. имеет место посессивно-интенсивное словообразовательное значение.

Модель *ati-+S→Adj.* (1) непродуктивна; слова, образованные по ней, представлены единичными случаями. Однако по словообразовательным значениям даже этих немногих слов очевидно, что в данном случае тип словообразовательного значения — транспозиционно-модификационный.

Модель *adhi-+S→Adj.* тоже существует только с индексом (1). По этой модели образуются усложненные определения, характеризующие человека: *adhyaksa* «воспринимаемый (органами чувств), видимый» (*MW.* 23); *adhiratha* «(стоящий) на колеснице» (*MW.* 21). Модель *adhi-+S→Adj.* (1) непродуктивна, тип словообразовательного значения — транспозиционно-мутационный.

Тип *anu-+S→Adj.* — усложненное определение лиц. Производное прилагательное, образованное по модели этого типа, является наименованием принадлежности какого-либо качества при соответствии его тому, что выражает производящая основа — корреспондирующее словообразовательное значение:

Производящая основа представляет наименования таких отвлеченных понятий, как *kāma* т. 1) «желание» 2) «любовь» — СРС. 157; *guna* т. «качество, свойство» — СРС. 193; *gūra* I. п. 1) «внешний вид, форма» 2) «внешность, наружность» 4) «природа, характер» — СРС. 547; *vaṣa* I. т. 1) «воля, желание» 3) «власть» — СРС. 570; *vrata* п. 1) «воля, приказ...» 3) «поручение» — СРС. 630.

Образцы:

apukāma «желаемый, соответствующий желанию» (БПС I, 199); *apuguna* «соответствующий по добрым качествам, подобный» (*Kathās.* 20, 228); *apigūra* «соответствующий, подходящий; достойный» (*Rām.* IV, 17, 27); *apuvaṣa* «покорный воле, соответствующий желанию, покорный» (*Rām.* II, 89, 7); *apivṛata* «преданный, послушный» (*Rām.* I, 6, 16; *Mbh.* III, N. 2, 26).

По модели *апи-+S→Adj.* (1) образовано менее 1% префиксальных прилагательных рассматриваемой группы.

Тип словообразовательного значения — транспозиционно-мутационный.

Тип *ара-+S→Adj.* аналогичен типу *a-+S→Adj.*, т. е. образуемое префиксальное прилагательное определяет лицо (1), предметы или явления (2) по отсутствию того, что выражает производящая основа — привативное словообразовательное значение.

Производящая основа в первом случае представляет собой наименования понятий, обозначающих состояния живого существа: *bhaya* п. 1) «страх, боязнь» — СРС. 475; *vrata* п. 5) «образ жизни» 6) «привычка» 8) «обет» — СРС. 630. Во втором случае производящая основа может являться наименованием, принадлежащим к любому лексико-семантическому разряду имен существительных: *artha* т. п. 1) «цель...» 7) «дело» — СРС. 70; *r̥tu* т. 1) «срок, время...» 4) «время года» — СРС. 135; *mrga* т. 1) «дичь» 2) «животное» — СРС. 518.

Образцы:

к первому случаю: *apabhaya* «бессстрашный» (*Ragh.* 3. 51); *apavrata* «непослушный» (БПС I, 294);

ко второму случаю: *apārtha* «бесцельный, напрасный» (БПС I, 302); *apartu* «несвоевременный, неуместный; не соответствующий времени года» (БПС I, 291); *aramrga* «лишенный дичи» (*Macd.* 19).

В отличие от рассмотренных моделей с а- модель *ара-+S→Adj.* (2) более продуктивна, чем *ара-+S→Adj.* (1).

Тип *abhi-+S→Adj.* представлен случаями определения лица с различными оттенками типа транспозиционно-мутационного значения в зависимости от значения производящей основы:

mukha n. 1) «рот» 2) «лицо» — СРС. 515 — abhimukha 1) «обращенный лицом к...» (Rām. I, 71, 18); 2) «благосклонный к...» (Rām. IV, 9, 50); kāma m. 1) «желание» 2) «любовь» — СРС. 157 — abhikāma «склонный к ...» (Mbh. I, 7807); gūra n. 1) «внешний вид, форма» 2) «внешность, наружность» 3) «красота» 4) «природа» — СРС. 547 — abhīgūra «соответствующий; образованный, ученый» (M. 3, 144); «прекрасный» (M. 9, 88).

Тип *prati-+S→Adj.* в определенной мере дублирует словообразовательные значения типа *prati-+S→S*.

Образованные по модели с индексом (1) десубстантивные прилагательные с *prati-* обладают посессивно-адверсативным словообразовательным значением; при этом производящей основой выступают наименования конкретных неодушевленных предметов (kūla 1) «склон» 2) «холм» 3) «берег» — СРС. 170; danda m., n. 1) «палка» — СРС. 257; mukha n. 2) «лицо» — СРС. 515; loman n. « волосы» (на теле) — СРС. 558.

Образцы:

pratidanda «не повинующийся приказу» (букв. «палке»), «непокорный» (БПС IV, 955); *pratimukha* «противостоящий» (Rām. VI, 90, 11), *pratiloma* 2) « противоестественный» 5) «враждебный» (Mbh. II, 1990).

Посессивно-коррелятивное словообразовательное значение демонстрируют десубстантивные прилагательные с производящей основой — наименованием понятия (gūra 1. n. 1) «внешний вид» 2) «внешность, наружность» — СРС. 547; *bala* 1) «сила» — СРС. 462).

Образцы:

pratīgūra «соответствующий, похожий» (Mbh. I, 4140); *pratibala* «равный по силе» (Mbh. IV, 66).

Посессивно-коррелятивным словообразовательным значением при модели с индексом (2) обладают прилагательные с производящей основой — наименованием лиц (*veṣa* m. 1) «поселенец» 2) «сосед» — СРС. 621 — *prativeṣa* «соседний» — БПС IV, 977) и (единичные случаи) с производящей основой — наименованием понятий или предметов (*bhaya* n. 1) «страх, боязнь» 2) «ужас» — СРС. 475 — *pratibhaya* «страшный, ужасный» — Rām. I, 9, 11). По модели с индексом (2) с производящей основой — наименованием частей суток — образуется прилагательное, обладающее посессивно-паритивным значением (*aha* II. m. n. «день» — СРС. 86 — *pratyaha* «ежедневный» — Yaj. I, 22).

Производные прилагательные с *prati-* связаны отношениями производности с существительными и наречиями.

Прочие префиксы в составе имен прилагательных представлены отдельными случаями.

С префиксом ā- в БПС зафиксировано слово ākula 1) «пре-

исполненный, полный» 2) «выведенный из равновесия, смущенный» (БПС I, 588). С префиксом *ира-* в БПС зафиксировано слово *irakaksa* «доходящий до плеч» (там же) <*kakṣa* m. 3) «подмышечная впадина» — СРС. 145.

С префиксом *raig-* обнаружено существительное *raigasu* «бездыханный, безжизненный» (БПС IV, 508) (*asu* m. 1) «дыхание» 2) «жизнь» — СРС. 85).

Семантически изолированы десубстантивные прилагательные с префиксом *raig-*:

<i>parīraigcva</i>	«находящийся ря- — <i>raigcva</i> m. п.	3) «сторона, бок...» 4) «окрестности» — СРС. 391;
	дом, — под ру- кой» (БПС IV, 533)	
<i>parimanyu</i>	«неистовый, сви- репый» — (БПС IV, 539)	1) «настроение» 2) « страсть» 3). «гнев» — СРС. 498.

Префикс *raig-* встретился также в семантически изолированных образованиях:

<i>pravayas</i>	1) «сильный, могу- чий» —	vayas п. 3) «возраст...» 5) «сила» —
	2) «пожилой» (БПС IV, 1069)	СРС. 564;
<i>pramukha</i>	1) «обращенный ли- цом — к...» (Акк.)	—mukha 1. п. 1) «рот» 2) «лицо»
	2) «самый передний, первый, лучший»	3). «устье» 4) « вход» —
	(БПС IV, 1052)	СРС. 515.

Модели с префиксами *ā-*, *raig-*, *raig-*, *raig-* в санскрите не-продуктивны.

РАЗДЕЛ IV ПРЕФИКСЫ В СИСТЕМЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ САНСКРИТСКИХ НАРЕЧИЙ

Наречие — наиболее поздно сложившийся лексико-грамматический разряд слов, вошедший в универсальную систему частей речи как выразитель общеграмматического значения «признак признака».

Сравнительно позднее происхождение наречий объясняет тот хорошо известный в компаративистике факт, что «лишь очень немногие наречные формы свойственны нескольким языкам индоевропейской семьи» (Meillet 1938: 355). Как отмечает далее А. Мейе, «каждый язык в течение своего собственного развития создал наречия».

Формирование наречий как особой части речи тесно связано со своеобразием других функциональных классов слов языка.

Морфологическим своеобразием наречий конкретного языка является их словообразовательная соотнесенность с другими частями речи данного языка.

На основе этой соотнесенности складывается система наречий со свойственным им набором особых словообразовательных способов и моделей.

Таким образом, наречие выступает как часть речи, наиболее индивидуально представленная по языкам, слабо поддающаяся сравнительно-историческому исследованию даже в близкородственных языках и теснейшим образом связанная со своеобразием устройства и функционирования словообразовательной системы конкретного языка.

В данном случае исследуются наречия (*kṛīvācēṣana*) санскрита в его эпической разновидности. Будут рассмотрены производные наречия с префиксами в качестве последней ступени деривации.

По происхождению наречия санскрита связаны с существительными, прилагательными, именными формами глагола (причастия), с основами местоимений и числительных. Следовательно, производящей основой при образовании производных наречий всегда выступают основы именных разрядов слов.

Производными наречиями, находящими в большей или меньшей степени определенные соответствия в других древних индоевропейских языках и прежде всего в иранских языках, являются суффиксальные образования.

Следует отметить, что и другие древнеиндийские наречные суффиксы имеют параллели в авестийском и древнеперсидском языках. Таким образом, суффиксальное словообразование наречий может рассматриваться как словообразовательный способ, сформировавшийся не позже периода существования индоиранского языка-основы.

Для наших целей особый интерес представляют наречия, являющиеся застывшей формой именных основ — винительного, орудийного и отложительного падежей. Как справедливо отмечает А. А. Зализняк, «в значении наречия может выступать практически любое прилагательное в A. sg. п., нередко также существительное в A. sg.» (Зализняк 1978: 873).

К самому распространенному из типов образования отменных наречий — к застывшим формам имен в винительном падеже — примыкают наречия, образованные по этому типу от префиксальных имен существительных и прилагательных. При этом замечено, что «в более позднем языке к большой группе таких наречий фактически нет соответствующих (т. е. префиксальных. — В. К.) прилагательных» (Burrow 1976: 204), а также и существительных, добавим мы.

Поскольку исследуется префиксация как последний словообразовательный шаг, то, казалось бы, мы имеем основание оставить эту группу наречий за рамками нашей работы. К том

же префиксальное словообразование наречий не описывается ни в работах индийских ученых, ни санскритологами за пределами Индии. Однако факт, отмеченный Барроу, и наблюдения над языком эпических и классических произведений с позиций современной словообразовательной теории, исследование производных и сложных слов в связи с системой санскрита в целом дают, как нам кажется, право по-новому интерпретировать определенные случаи словоизъятия в древнеиндийском языке. Речь идет о группе слов *avuayībhāva*, относимой, согласно индийской лингвистической традиции, к сложным словам (*sāmāsa*). Значение термина *avuayībhāva* (из *avuaya* «вечный, неизменный», п. грам. «неизменяемое слово» и *bhāva* т. «становление, возникновение» <*bhū* «быть, становиться») можно передать как «ставшее неизменяемым», т. е. ставшее наречием.

В грамматике Панини указаны правила, действующие при образовании *avuayībhāva* (V, 4, 108—112), и описаны возможные значения *avuayībhāva* (I, 5—12).

Включение в тип *avuayībhāva* лишь сложных наречий является у Панини новым по сравнению с его предшественниками. Это, с одной стороны, сужает рамки данного типа, так как за пределами его оказываются, например, сочетания слов *ipasarga* с прилагательными (например, *atīgṛpa* «очень красивый», *atimānī* «высокомерный» и др.).

С другой стороны, тип *avuayībhāva* расширяется за счет включения в него сочетаний, первый элемент которых не только *ipasarga*, но существительное или прилагательное. Поэтому передко отнесение к *avuayībhāva* того или иного слова требует больших оговорок (Кочергина 1972: 91—92).

Тип *avuayībhāva*, каким мы его представляем по Панини, оказывается неоднородным по выражению первого элемента и по отношению между элементами слова. Единство этого типа составляет выражение второго элемента сложения как неизменяемого слова. То есть сущность, *avuayībhāva*, как комментирует Патанджали (Patañjali к Pāṇini II, 1, 5), заключается в образовании неизменяемого слова из изменяемого посредством соединения (сложения).

Ниже, в соответствии с задачей исследования, мы рассматриваем ту большую часть слов *avuayībhāva*, которая образована от имен существительных посредством соединения с префиксом.

Исследование проводится «от префикса», при этом устанавливается словообразовательный тип или типы для каждого префикса, что затем, если пользоваться терминологией исследователей «словообразования, ориентированного на содержание» (Weisgerber 1962; Степанова 1966, 1968), позволит выделить семантические ниши.

Определение словообразовательного значения устанавливаемых типов или моделей префиксальных наречий приведет к

установлению словарных блоков (словообразовательных категорий) префиксальных наречий.

Префиксы-превербы сочетаются при образовании наречий *avuayibhāva* с именами существительными, обусловливая их форму — форму винительного падежа единственного числа мужского рода, реже — с другими падежными формами. Последние представляют единичные случаи и не могут рассматриваться как предмет исследования. Наш список префиксальных наречий в форме A. sg. был дополнен словами *avuayibhāva* той же структуры, собранными по Большому Петербургскому словарю (Böhrlingk, Roth 1855—1875).

Все наречные префиксы — часть бывших превербов, слов *upasarga*.

В исследованных нами текстах слова *avuayibhāva* образованы со следующими префиксами: *ati-*, *adhi-*, *anu-*, *apa-*, *abhi-*, *ā-*, *upa-*, *nis-*, *prati-*.

Тип *ati-+S+(a)m* передает модификационное словообразовательное значение.

По модели этого типа образуются наречия времени, обозначающие усиление протяженности («в течение всего...»), крайнюю степень того, что выражает производящая основа.

Производящая основа представлена существительными, выражающими части суток (*kalya* n. 2) «рассвет, наступление дня» — СРС. 155; *sāya* n. «исход дня, вечер» — СРС. 726), времена года (*cīta* n. «зима, холод» — СРС. 647), явления, длящиеся во времени (*nindrā* f. «сон» — СРС. 328; *prāpa* m. 3) pl. «жизнь» — СРС. 450), и отвлеченные понятия, связанные с процессом протекания во времени (*cīta* n. «промедление, замедление» — СРС. 212).

Образцы:

atikalyam «очень рано» (М. 4, 140); *aticiram* «(очень) слишком долго» — СРС. 26; *atinidram* «в течение (всего времени) сна, очень долго» (БПС I, 97); *atiprāpam* «в течение (всей жизни), очень долго» (БПС I, 98); *atiçitam* «в течение (всех) холодов» (БПС I, 104); *atisāyam* «поздним вечером, очень поздно» (М. 4, 62, 140)¹⁷.

Как видно из образцов, префикс *ati-* неинвариантен.

С префиксом *ati-* образовано 5% от общего числа префиксальных наречий.

Тип *adhi-+S+(a)m* передает мутационное словообразовательное значение. По модели этого типа образуются наречия, обозначающие отношение или положение по отношению к тому, что выражает производящая основа.

¹⁷ Следует отметить, что предлагаемое словообразовательное значение данной модели не охватывает два случая, представленные в БПС I, 105 и 150.

Производящая основа представлена существительными, являющимися:

1. Наименованиями одушевленных предметов (prajā f. «дети, потомство» — СРС. 412; bhūta n. «все сущее» — СРС. 483; devatā f. pl. «божества» — СРС. 284; strī f. «женщина» — СРС. 752; hari m. nom. pr. «Хари»).

2. Наименованиями абстрактных понятий, особенно понятий, связанных с философией и религией (mātra n. «мера, количество» — СРС. 508; vidyā f. «знание» — СРС. 589; uajña m. «жертвоприношение» — СРС. 524; loka m. «мир, вселенная» — СРС. 556; veda m. «знание, Веды» — СРС. 619; aksara n. «слово, слог» — СРС. 19; ātman m. 1) «собственное» «я» (филос. «атман, мировая душа, высший дух» — СРС. 91).

3. Наименованиями конкретных предметов (path/pathan m. «путь, дорога, тропа» — СРС. 364—365; agni m. «огонь»).

Образцы:

1. adhidevatam «по отношению к божествам» (Çat. Br. 6, 5, 3, 6, 1, 8, 7, 1, 19); adhiprajam 1) «относительно рождения»; 2) «в отношении родственников» (Taitt. Up. 1, 3, 1, 2); adhibhūtam «относительно всего сущего» (Taitt. Up. 1, 17); adhistri «в отношении женщины» (БПС I, 154); adhihari «в отношении Хари» (БПС I, 154);

2. adhimātram «по размеру, по длительности (звука)» (БПС I, 151); adhiyajñam «по отношению к жертвоприношению» (Çat. Br. 14, 6, 7, 18); adhilokam «относительно мира, вселенной» (Çat. Br. 14, 6, 7, 16); adhivid�am «относительно знания» (БПС I, 152); adhivedam «относительно Вед» (Çat. Br. 14, 6, 7, 17); adhyaksagam «относительно слогов» (БПС I, 157); adhyātman «относительно себя» (Çat. Br. 4, 1, 3, 1);

3. adhipatham «по пути, по тропе» (Çat. Br. 13, 8, 1, 10); adhyagni «над огнем» (M. 9, 194).

Как показывают примеры, в зависимости от семантической категории производящей основы в типе модели adhi-+S+(a)m выделяются два подтипа: первый — от наименований 1-й и 2-й групп — подтип с релятивным значением; второй — от наименований 3-й группы — подтип с локальным значением.

Ввиду наличия контекстуальных словообразовательных значений производных с префиксом adhi- он должен быть отнесен к инвариантным префиксам. С префиксом adhi- образовано примерно 7,5% от общего числа префиксальных наречий.

Тип ани-+S+(a)m передает мутационное словообразовательное значение. По модели этого типа от существительных образуются наречия, обозначающие следование, движение вдоль, соответствие, соразмерность тому, что выражает производящая основа.

Производящая основа представлена существительными, являющимися:

1. Наименованиями одушевленных предметов: *pati* m. 1) «господин», 3) «хозяин» — СРС. 364; *cīva* m. пом. пр. «Шива»; *gu* m. «бык», f. «корова» — СРС. 193, 196. Им противопоставлены наименования неодушевленных предметов. Среди них:

2. Наименования исчислимых конкретных предметов: *ra-*da m. п. «нога»; *gaṅgā* f. «Ганг»; *samudra* m. «море, океан» — СРС. 702; *bhitti* f. «разлом, трещина» — СРС. 481; *vedyanta* m. «граница, край жертвеннного алтаря» (БПС VI, 1369).

3. Наименования неисчислимых абстрактных понятий: *gu-*na m. «качество, свойство» — СРС. 193; *yuga* m. п. 8) «юга» — СРС. 531; *gūra* п. «внешний вид, форма» — СРС. 547; *svadhā* f.

4) «радость» — СРС. 762; *samhitā* f. «самхита» — СРС. 673.

4. Наименования понятий поля времени: *kāla* m. «время, срок» — СРС. 160; *ksana* m. «мгновение» — СРС. 179; *divasa* m. 2) «день» — СРС. 269; *rātra* п. «ночь»; *velā* f. 3) «время» — СРС. 621.

Образцы:

1. *apipati* «за господином, вслед за супругом» (*Kāty. Čr.* 2 2, 6, 16); *anuçivam* «за Шивой» (БПС I, 223); *anugu* «за коровами» (БПС I, 202);

2. *apugaṅgam* «вдоль Ганга»; *apipadam* 1) «по ноге, вдоль ноги» — Н. 915; 2) «на ноге» (*Rābc.* 198, 11); *anubhitti* «вдоль трещины» (БПС I, 212); *anurvedyantam* «вдоль границы места для жертвоприношения» (*Cat. Br.* 3, 5, 1, 29.5, 1, 5, 6); *anusa-mudram* «у моря» (БПС I, 225);

3. *apugupat* «в соответствии с заслугами, по заслугам» (*Kāthas.* 20, 228); *apuyugam* «в соответствии с мировым периодом, югой» (М. 1, 84); *anigūrat* «соответственно, сообразно, по мере» (*Gāk.* 103, 19, 1); *anusvadham* «по желанию, добровольно, охотно» (БПС I, 225); *anusamhitam* «в соответствии с манерой чтения Вед, с соблюдением правил сандхи» (БПС I, 225);

4. *anukālam* «всякий раз, в свое время» (*Rābc.* V, 51); *anu-ksanam* «всякий раз, непрерывно» (*Hit.* 59, 17); *anudivasam* «каждый день, ежедневно» (БПС I, 205); *anapadam* «вскоре, по прошествии небольшого времени» (БПС I, 207); *anurātrat* «в ночное время, ночью» (БПС I, 216); *anuvelam* «непрерывно, каждый момент, постоянно» (*Ragh.* 3, 5).

В зависимости от семантической категории производящей основы тип *anu-+S+(a)m* реализуется следующими подтипами:

от наименований 1-й группы — подтип со значением направления, следования за кем-либо;

от наименований 2-й группы — подтип со значением направления вдоль чего-либо;

от наименований 3-й группы — подтип со значением соответствия, соразмерности тому, что выражает производящая основа;

от наименований 4-й группы — подтип с партитивным (разделительным) значением.

Префикс апи- в производных наречиях относится к инвариантным префиксам. С ним образовано 10% от общего числа префиксальных наречий.

Avyayībhāva, образованные с префиксом ара-, являются, в соответствии со значением *upasarga* ара- «прочь», «в сторону», как бы антонимами к производным наречиям с апи- и (частично) с *abhi-* (о них см. ниже). Тип ара-+S+(a)m передает морфикационное словообразовательное значение. От существительного образуются наречия, обозначающие характер действия, противоположный тому, что выражает производящая основа. Производящая основа в тех немногих случаях, которые удалось наблюдать (3% всех префиксальных наречий), представлена существительными, выражающими: 1. пространственные представления (*dīcā* f. 1) «направление»; 2) «страна света»; *daksi-* па т. п. 1) «правая сторона», 2 «юг»; *savya* т. «левая конечность» — рука, нога) или 2. внутреннее состояние человека (*kāta* т. «желание» — СРС. 157) и которые способны образовать антонимическую пару.

Образцы:

apakātam «против желания, неохотно» (БПС I, 227),ср: *anusvadham*; apadiçam «в промежуточном направлении, в направлении между странами света» (например, северо-северо-запад) (БПС I, 282); apadaksinam «от правой стороны (к левой), справа налево» (*Kāty. Āgr.* 4, 13, 12, v. 1); *apasavyam* «от левой стороны (к правой), слева направо» (БПС I, 296).

Можно полагать, что ара- неинвариантный префикс. Тип наречий с ара- несет привативное словообразовательное значение.

Тип *abhi*-+S+(a)m передает мутационное словообразовательное значение направленности, приближения, близости к чему-либо.

Производящая основа в этом типе префиксальных наречий представлена:

1. Наименованиями конкретных исчисляемых предметов (*vāsas* п. «одежда» — СРС. 579; *mukha* п. 1) «рот» 2) «лицо» — СРС. 515; *adhvan* т. 1) «путь» — СРС. 36).

2. Наименованиями пространственных представлений (*daksina* т. п. 1) «правая сторона» 2) «юг» — СРС. 256; *rūgvā* f. «восток» — БПС IV, 844).

3. Наименованиями временных представлений: *sāya* п. «вечер» — СРС. 726.

4. Близкими к 3-й группе наименованиями явлений природы: *vāta* m. 1) «ветер» — СРС. 575; *chāyā* f. «тень»; *arkabimba* m., п. «солнечный диск»; *asta* m. «заход».

Образцы:

1. *abhivāśas* «на одежду, поверх одежды» (*Çat. Br.* 1, 3, 1, 14); *abhyadhvam* «в направлении дороги, по пути» (*Kāty. Çr.* 24, 6, 7); *abhimukham* «лицом, навстречу, по направлению к» (БПС I, 344);
2. *abhidakṣinam* «направо» (*Kāty. Çr.* 6, 3, 26); *abhipūrgvam* «по очереди» (*Çat. Br.* 6, 1, 3, 9);
3. *abhīsāyam* «к вечеру» (*Chānd. Up.* 4, 6, 1);
4. *abhivātam* «лицом к ветру, против ветра» (*Çat. Br.* 4, 1, 3, 9); *abhichāyam* «в тень, в тени» (БПС I, 332); *abhyarkabimbam* «обратясь, повернувшись к солнечному диску» (*Çat.* 170; БПС I, 359); *abhyastam* «к заходу (солнца)» (*Çat. Br.* 12, 4, 4, 6).

В наречиях с *abhi-* имеет место «ситуация относительной пространственной ориентации» (Апресян 1980: 9) и, добавим мы, «относительной временной ориентации». В таком случае «становится необходимым ввести в их толкования упоминание еще одного объекта — наблюдателя» (Апресян 1980: 10). Тип *abhi-+S+(a)m* — наречия, словообразовательное значение которых зависит от значения производящей основы и связано с позицией наблюдателя, лица. Производные, образованные по модели *abhi-+S+(a)m*, — это наречия ориентации лица в пространстве и во времени. При таком толковании словообразовательного значения данного типа формант должен быть признан неинвариантным. Следует обратить внимание на архаизм текстов, в которых зафиксированы рассмотренные производные: Брахманы, Упанишады, Шраутасутра.

Наречия с *abhi-* составляют около 9% от общего числа производных наречий¹⁸.

Тип *ā-+S+(a)m* представляет наречия с мутационным словообразовательным значением.

По модели этого типа от имени существительного образуются наречия, обозначающие конец, предел, границу во времени или в пространстве. Производящая основа представлена: 1. существительными поля времени (*kalpa* m. 3) «отрезок времени» 4) «название мирового или космического периода в 3420 млн лет» — СРС. 154; *jaras* f. «старость» — СРС. 220; *prāvrsa* m./*prāvṛṣ* f. «время дождей» — СРС. 454; *vyuṣ* f. «рассвет») и

¹⁸ Среди наречий с *abhi-* встретились два производных от отлагольных имен существительных: *abhikrama* m. <*abhi+kram* «подходить, приближаться, начинать» и *abhiprayaya* <*abhi+prayaya* «подходить». Они выражают сопутствующее действие и функционально сходны с герундивами: *abhikramat* «подходя, приближаясь» (*Kāty. Çr.* 3, 2, 21, 6, 8, 4) = *abhikramya*; *abhiprayayat* то же значение (*Kāty. Çr.* 24, 3, 31) = *abhiprayaya*.

2. существительными, выражающими нёчто конечное (prapa-da п. 1) «передняя часть стопы» 2) «кончик большого пальца» — СРС. 432).

Образцы:

1. ākalpat «до самого конца кальпы» (Kathās. 22, 26); ājarasam «до глубокой старости» (Çat. Br. 1, 6, 3, 41); āprāvṛsam «вплоть до времени дождей» (Çat. Br. 5, 5, 2, 3); āvyusam «до самого рассвета» (БПС I, 714);

2. āgrapadam «до кончика пальца, т. е. целиком» (БПС I, 663).

Словообразовательное значение этого типа реально представлено в слове āntam (ā+anta т. п. 1) «конец», 2) «предел» — СРС. 47) «до самого конца, до предела» (Çat. Br. 3, 5, 3, 7).

Метафорическое значение возникает в наречии ābilam (ā+biла п. 1) «нора, логово» 2) «полость» 3) «дупло, отверстие» — СРС. 466) «вплоть до нормы, до дупла», т. е. «испуганно» (БПС I, 664).

Префикс ā- выступает в наречиях avyayībhāva как неинвариантный; с ним образовано около 4% всех префиксальных наречий.

Обозначим неинвариантный префикс ā- в наречиях как префикс предельности.

С префиксом ud- в исследуемых текстах наречий не встретилось, но Большой Петербургский словарь дает ведийское udāruam (von ud+1. ārava) adv. wasseraufwärts, gegen den Strom (БПС I, 918).

Тип *ира-+S+(a)m* имеет мутационное словообразовательное значение. По модели этого типа от имен существительных образуются наречия, обозначающие близость к тому, что выражает производящая основа.

Производящая основа представлена существительными, являющимися:

1. Наименованиями одушевленных предметов: людей и богов (rājan т. «раджа, царь» — СРС. 542; krsna т. «Кришна»); домашних животных (çvan т. «пес, собака» — çipi f. «сука»; gu т. «бык», f. «корова»).

Первая группа существительных встречается в третьей части всех наречий с *ира-*.

2. Наименованиями понятий, связанных с временем (uda-ya т. «восход» (солнца) — СРС. 118; astamaya/asta т. «заход (солнца)» — СРС. 85—86; āgrahāyanī f. «день полнолуния в месяце марга-ширша» — СРС. 89; çarad f. «очень» — СРС. 637; vyusas/vyus f. «рассвет» — СРС. 630; rāugnatāsa п. «день полнолуния» — СРС. 409; pūrvavarātri т. «первая половина ночи» — БПС IV, 849; jaras/jarāna f. «старость» — СРС. 220). С этой

группой существительных образовано около 30% всех наречий с ира-.

3. Наименованиями частей ландшафта и явлений природы (nadī f. «река» — СРС. 313; tīra n. «берег» — СРС. 243; tāta m. 1) «склон» 2) «берег; край» — СРС. 231; giri m. «гора»; path/pathi m. 1) «путь, дорога, тропа» — СРС. 365; viśāč f. «название реки»; agni m. «огонь»). Эти существительные встречаются в четверти всех наречий с ира-.

4. Наименованиями предметов быта (samidh f. «древа, полено»; khāta m. 1) «яма» 2) «колодец...» — СРС. 186; kumbha m. «кувшин; горшок» — СРС. 166). Эта группа существительных обнаружена у незначительной части наречий с ира- (\approx 13—14%).

Еще меньше группа существительных, являющихся

5. Наименованиями частей тела (людей, животных) или растений (aksan n. «глаз»; tūla n. «хохолок» — СРС. 246; sāgman n. «шкура; кожа» — СРС. 208; cīras n. 1) «голова» — СРС. 645; mūla n. «корень» — СРС. 518).

Образцы:

1. upragājam «около царя, близко к царю» (БПС I, 966); upakrsnam «вблизи Кришны»; ipaçipat «около собаки» (БПС I, 975); upagi «вблизи коровы» (БПС I, 945);

2. upadayam «на восходе (солнца); близко к восходу» (БПС I, 992); ipāstamayam «при заходе (солнца), ко времени захода» (БПС I, 991); upagrahāyamat «около дня полнолуния» (БПС I, 985); ipaçaradam «к осени, с приближением осени» (БПС I, 975); upavyuṣasam «близко к исчезновению утренней зари, т. е. близко к восходу (солнца); (БПС I, 974); iparaig-namāsam «близко ко дню полнолуния» (БПС I, 959); ipariugvatram «около начала ночи, в первой половине ночи, до полуночи»; ipajarasam «к старости» (БПС I, 949);

3. upanadam «у реки» (БПС I, 355); upatīram «у берега» (БПС I, 951); ipatatam «на склоне; у откоса» (БПС I, 950); upagiram «у горы» (БПС I, 945); iparaphatam «на пути; по пути» (БПС I, 958); upavīrāçam «у реки Випаша» (БПС I, 973); ipāgnī «у огня, вблизи огня» (БПС I, 985);

4. upasamidham «у дров, вблизи дров» (БПС I, 977); ipakhātam «вблизи ямы, рядом с колодцем» (БПС I, 941); ipakumbham «у кувшина, рядом с кувшином» (БПС I, 941);

5. ipāksam «перед глазами, на глазах» (БПС I, 985); ipatulam «на хохолке, у хохолка»; ipasarmat или ipasarma «на шкуре, на коже»; ipacīras «у головы, вблизи вершины» (тж. перен.); ipatūlam «у корня, в основании» (тж. перен.).

Ряд наречий с существительными конкретного значения может рассматриваться как Akk. s. производного имени с нетранспонирующим префиксом наряду с его формами Loc., Instr.

Abl. того же значения, например: *upakumbhe*, *upakumbhena*, *upakumbhad-upakumbham*. Это свидетельствует о неустойчивости типа *ира-* + существительное конкретного значения.

С другой стороны, следует обратить внимание на производный характер ряда существительных, выступающих в качестве производящей основы при образовании *avyayibhāva*, обозначающих время: *udaya*<*ut+i*; *vyusas*<*vi+usas*; *raugnamāsi*<*< purga (vrddhi) + māsi*; *pūrvvaratī*<*pūrva + ratī*. Это указывает на более позднее происхождение подобной группы наречий и на продуктивность модели.

Наречия с *ира-* составляют 15% от общего числа префиксальных наречий.

Наречия с *nis-* составляют 6,5% от общего числа префиксальных наречий. С *nis-* от имен существительных образуются наречия, обозначающие отсутствие того, что выражает производящая основа.

Производящая основа представлена существительными абстрактного значения: *argala* m., n. 2) «препятствие, помеха» — СРС. 70; *ālamba* m. «поддержка, опора» — СРС. 100; *yantrana* n. «ограничение» — СРС. 527; *vacana* n. 1) «слово» 2) «речь...» — СРС. 560; *vikalpa* m. 3) «сомнение, колебание» — СРС. 584; *vighna* m. 1) «препятствие, помеха» — СРС. 584; *vicāra* m. 1) «обдумывание» — СРС. 584; *vyālika* n. «неправда, ложь; обман» — СРС. 627; *vyāja* m. «обман» — СРС. 628; *kāgana* n. 1) «причина, мотив» 2) «доказательство» — СРС. 159 и т. п.

Образцы:

nirargalam «беспрепятственно, свободно» (БПС IV, 175); *nirālambam* «без поддержки, самостоятельно» (БПС IV, 181); *niryantranam* «неограниченно; беспрепятственно» (*Rāja-Tar.* 4, 365); *nirvacanam* «безмолвно, молча» (*Kumāras.* 7, 19); *nirvikalpam* «без колебаний, без сомнений, решительно» (*Pañc.* I, 59); *nirvighnam* «беспрепятственно» (*Rāja-Tar.* 5, 21); *nirvicāram* «не раздумывая (долго)» (БПС IV, 211); *nirvyālikam* «не лживо, без обмана; охотно» (*Bhāg. P.* 2, 7, 4, 2); *nirvyājat* «без обмана, честно» (*Mbh.* III, 168); *niskāgapam* «беспричинно, бездоказательно» (*Mbh.* XII, 4993, 1337)¹⁹.

На основе встретившихся случаев мы можем в дальнейшем

¹⁹ В Большом Петербургском словаре (IV, 217) зафиксировано наречие, в котором производящая основа и соответственно производное демонстрируют иное словообразовательное значение *nirhimatam* (*nis+hima* m. 1) «холод» 2) «зима» adv. «кису зиму, в течение всей зимы»). Этот случай показывает, что если производящая основа обозначает понятие времени, то словообразовательное значение наречного типа — обозначает длительность протекания во времени. Однако один случай не позволяет выводить какую-либо закономерность.

обозначать *nīs-* в наречиях как префикс отсутствия при абстрактных существительных. Сравнение таких пар, как наречие *nirvighnam* «беспрепятственно» и прилагательное *avighna* «беспрепятственный» (*Mbh.* III, 295, 32) и им подобных, дает основание относить префикс *nīs-* к привативным префиксам наречий, в то время как *a-* — привативный префикс имен.

Таким образом, наш материал позволяет считать словообразовательное значение наречной модели *nīs-+S+(a)m* модификационным.

Тип *prati-+S+(a)m* составляет более трети всех префиксальных наречий *avyayībhāya*. По модели этого типа образуются наречия с мутационным словообразовательным значением. Производящая основа представлена в них существительными, четко противопоставленными по признаку исчисляемости/неисчисляемости. Внутри первые существительные противопоставляются по признаку одушевленности/неодушевленности.

I. Существительные, являющиеся наименованиями одушевленных предметов, немногочисленны. Например, *pūrusa* m. 1) «человек, мужчина» 2) «герой...» — CPC. 398; *daivata* n. «божество»; *rātra* m. 3) «действующее лицо, персонаж» (например, пьесы) — CPC. 388.

II. Подавляющая масса именных производящих основ — это основы существительных, представляющих наименования неодушевленных исчисляемых предметов, обозначающие несколько предметов или расчленяемое множество. Среди них выделяются:

1. Существительные, обозначающие части тела, растения (*gātra* n. 1) «член, часть (тела)» — CPC. 191; *dr̥ç* II f. 3) «глаз» — CPC. 283; *deha* m. n. 1) «тело» — CPC. 287; *hrdaya/ hr̥d* n. 1) «сердце» — CPC. 779; *aṅga* III n. 2) «член, часть (тела)» — CPC. 22; *avayava* m. 1) «часть, член (тела)» 2) «ветвь дерева» — CPC. 76).

2. Существительные поля места (*gr̥ha* n. «дом» — CPC. 195; *geha* n. «дом, жилище»; *grāma* n. «деревня» — CPC. 199; *dvāra* n. «ворота; дверь» — CPC. 294; *vana* n. «лес» — CPC. 562; *mandira* n. 1) «дом» — CPC. 497; *deça* m. 1) «место» — CPC. 287; *diç* II. f. 4) «страна; край; область» — CPC. 270; *vasati* f. 1) «жилище, дом» — CPC. 571; *āçā* f. II 1) «сторона света» — CPC. 102.

3. Существительные, обозначающие понятия искусства, науки (филологии), религии (*manṭra* m. n. 1) pl. «мантры» — CPC. 495—496; *pada/pada* m. 7) «пада» (стихотворная строка) 8) грам. «слово» — CPC. 365; *vākyā* n. 1) «слово» 2) грам. «предложение» — CPC. 573; *sākhā* f. 1) «ветвь, сук» 3) «редакция веды или ведическая школа» — CPC. 640; *çloka* m. 4) «шлока» (основной эпический размер...) — CPC. 660.

4. Существительные поля времени, обозначающие: а) части

суток («утро» — prabhāta n.; «день» — dina m., divasa m. 1) — CPC. 269, ah/aha/ahan/ahar m. n., vāsara m. и производные от них, например purvahna m. «первая половина дня»); «вечер» — sāya n. — CPC. 726; «ночь» — niç f. — CPC. 344, rātṛa n./rātri t. — CPC. 543; rajanī f., yāminī f.; б) прочие сроки и отрезки времени: muhūrta m. n. «мгновение» — CPC. 517; kṣana m. — CPC. 179; parvan n. 5) «лунный день» — CPC. 385; varsa m. 3) «год» — CPC. 568; vatsara m., abda m. 2) «год» — CPC 57; samvatsara m. — CPC. 666; ṛtu m. — «время года» — CPC. 135).

5. Существительные, обозначающие абстрактные, но мыслящиеся как не единичные понятия: pada m. 5) «случай» — CPC. 365; velā f. «случай» — CPC. 621; artha m. n. 7) «дело» — CPC. 70; karman n. 1) «работа» 2) «дело, обязанность» — CPC. 152; bhāga m. «часть, доля» — CPC. 478.

Совсем незначительна часть производных основ от существительных, обозначающих неодушевленные неисчисляемые предметы (III), а именно:

1. Абстрактные понятия: а) наименования стимулов деятельности: codana m. «принуждение» — CPC. 214; kāma m. «желание» — CPC. 157; б) наименования (позитивных) способов ее протекания: puāya m. «правило; принцип, правильный путь (знания)» — CPC. 358; tārga m. «путь, способ, средство» — CPC. 510.

2. Единичные, «лицевые»²⁰, части предметов: mukha n. 4) «вход»; 5) «передняя часть» — CPC. 515.

3. Явления природы: vāta m. 1) «ветер...» 3) «воздух» — CPC. 575; agni m. «огонь» — CPC. 20.

Образцы:

I.1. pratipurusam «каждому человеку, для каждого человека, мужчине» (БПС IV, 962); pratidaivatam «каждому божеству, для каждого божества» (Yājñ. 1, 298); pratipātram «каждому персонажу, для каждого персонажа (пьесы)» (Çāk. 3, 13);

2. 1) pratigātram «у каждой части (тела), в каждом члене» (БПС IV, 950); pratidṛçam «в каждом глазу» (БПС IV); pratideham «в каждом теле» (Chānd. Up. S. 26); pratihṛdayam «в каждом сердце» (БПС IV, 987); pratyābgam «на (в) каждой части тела» (Райс. 183, 21); pratyavayavam «в каждой части (тела); на каждой ветви (дерева)»,

2) pratimandiram, prativeçam, prativasati, pratigr̥ham «в каждом доме» (Kāty. Çr. 15, 3, 2); pratigeham то же значе-

²⁰ «Лицевым» (по терминологии Ч. Филмора) называется «предмет, имеющий такую выделенную сторону, через которую осуществляется его нормальное использование, в частности проникновение в него. Для дома — это фасад, для книжного шкафа — та сторона, где расположены дверцы или стекла...» (Апресян 1980: 9).

ниę (БПС IV, 950); *pratigrātam* «в каждой деревне» (БПС IV, 951); *pratidvāram* «у каждого ворот» (*Bhāg. P.* 4, 9, 55); *pratiyanam* «в каждом лесу» (БПС IV, 973); *pratideśam* «в каждой стране, во всех странах» (БПС IV, 956); *pratyācam*, *prati-dīcam* «в каждой стороне света» (*Kāty Ār.* 9, 9, 5; 15, 1, 20); *pratisthānam* «на каждом месте, везде» (БПС IV, 985),

3) *pratipādām* «в каждом стихе, в каждой паде» (БПС IV, 962); *pratimantram* «в каждой мантре» (*Kāty. Ār.* 7, 3, 8, 10, 8, 6); *prativākyam* «в каждом предложении» (БПС IV, 974); *pratiçākham* «в каждой (ведической) школе, в каждой ветви» (БПС IV, 977); *pratiçlokam* «в каждой шлоке» (*Bhāg. P.* 1, 5, 11); *prativedaçākham* «в каждой ведийской ветви (школе)» (БПС IV, 976) или *pratiçākham* то же значение (БПС IV, 977),

4) а) *pratiprabhātam* «каждое утро» (*Kathās.* 30, 19); *prati-dinam*, *pratidivasam*, *prativāsaram*, *pratyaham* «каждый день, ежедневно» (*Rāīc.* 9, 7; *Hit.* 25, 17; 27, 13; 30, 2); *pratityrahām* «каждые три дня» (*M.* 11, 214); *pratipurvahnam* «каждое до-обеденное (дополуденное) время, каждую первую половину дня» (БПС IV, 963); *pratisāyam* «каждый вечер» (БПС IV, 984); *pratirajanī*, *pratirātri*, *pratirātram*, *pratiyāmīni*, *pratinicām* «каждую ночь» (*Kathās.* 30, 19); б) *pratiksanam*, *pratimuhūrtam* «каждый миг, постоянно, беспрерывно» (БПС IV, 949); *pratiparvanam* «в каждый лунный день» (*Kāty. Ār.* 22, 7, 16); *prativatsaram* (БПС IV, 974); *pratisamvatsara* (*Yajñ.* 1, 110); *pratyabddam* (*Kathās.* 11, 72); *prativarsam* (БПС IV, 974) «каждый год, ежегодно»; *pratīrti* «в каждое время года, каждый сезон» — 429.

5) *pratikarman* «при каждом деле, свершении» (*Mbh.* XII, 2963); *pratibhāgam* «для каждой части, доли» (БПС IV, 966); *pratipadām* «при каждом (удобном) случае, всегда» (*Kathās.* 20, 223, 50, 41); *prativelam* «при каждом (удобном) случае» (*Mbh.* V, 5276); *pratyartham* «в каждом деле» (*Mbh.* III, 12052).

II.1. а) *pratikātām* «по желанию» (БПС IV, 946); *pratico-danam* «по указанию; по принуждению» (БПС IV, 953); б) *prati-niyāyam* «в обратном порядке» (БПС IV, 958); *pratimārgam* «в обратном направлении, назад» (*Mbh.* IV, 1819);

2. *pratimukham* «навстречу» (*Mbh.* I, 6700);

3. *prativātām* «против ветра», т. е. «лицом к ветру» (*Kāty. Ār.* 25, 10, 20); *pratyagni* «против огня», т. е. «вблизи, около огня».

Префикс *prati-* при анализе *avyayībhāva* выступает как инвариантный. Производные наречия с *prati-* образуют три подтипа.

Самый многочисленный из них образован по модели *prati-+ S I, II+(a)m* и выражает партитивное словообразовательное значение. При дальнейшем выделении компонентов значения видим, что по *S I* образуются наречия цели, по *S II 1, 2)* и

3) — наречия места, по S II 4) — наречия времени, S II 5) представляет собой смешанный подтип.

Несколько словообразовательных значений может выражать небольшой подтип *prati*-+S III +(a)m, что свидетельствует о его неустойчивом, переходном характере.

Конгруэнтное словообразовательное значение несет модель *prati*-+S III 1) а)+(a)m; инверсивное словообразовательное значение свойственно модели *prati*-+S III 1) б)+(a)m; близкое к нему адверсативное словообразовательное значение таят модели *prati*-+S III 2)+(a)m и *prati*-+S III 3)+(a)m.

При установлении этих подтипов словообразовательного значения модели *prati*-+S+(a)m представляет интерес сравнение с синтаксическими конструкциями, содержащими *prati*. Как служебное слово *upasarga* *prati*- очень редко, но все же может функционировать в эпическом (и классическом) санскрите. *Prati*- стоит в препозиции или в постпозиции к существительному места или лица в сочетаниях с глаголами движения. Такие конструкции обозначают направление. Однако подавляющее их большинство в санскрите образовано с винительным падежом без служебного слова, т. е. по модели V+S acc.

Образцы:

gatvā... āçramat «отправившись к обители...» (Mbh. III, 296, 4); jagāma svapuram «(царь) направился (пошел) в свой город...» (Mbh. III, 294, 21); ājagāma piturveçta 2) «пришла в дом отца...» (Mbh. III, 295); so 'bhigamya priyām bhāgyām 3) «он, подойдя к милой супруге...» (Mbh. III, 298).

Беспредложные конструкции, обозначающие направление, составляют примерно 18% всех конструкций с винительным падежом (Кочергина 1973: 107).

В конструкциях с винительным направления можно встретить и постпозитивное употребление *prati*, например: açramat *prati* «к обители» (Mbh. III, 298, 113); vrksam *prati* «к дереву» (БПС IV, 943); çabdam *prati* «в направлении звука» (Daç. I, 22); sakhyau *prati* «к обеим подругам» (Çäk. 53, 19).

Подобное употребление *prati*- встречается редко. Так, в «Махабхарате» III, 294, 1—42; 295, 1—33; 296, 1—23; 297, 1—34; 298, 1—113; 299, 1—45 и 300, 1—17, т. е. более чем в трехстах школах, имеются три случая употребления *prati*- в постпозиции к существительному в винительном падеже (297, 19; 298, 113; 300, 5). Однако еще более редки, единичны, случаи употребления *prati*- в препозиции к существительному. Например, prataagnim pratisūguam sa «к огню и к солнцу...» (Mbh. 13, 5029).

Значение конструкций с *prati*- удобно толковать, принимая во внимание фигуру наблюдателя (Апресян 1980: 10). С точки зрения наблюдателя эти конструкции обозначают движение «лицевого» субъекта, обычно «лица», по направлению к объекту, мыслящемуся статическим, находящимся в фиксированной

стороне. Префиксальные наречия с адверсативным значением — своеобразное противопоставление подобным конструкциям: они характеризуют действие как совершающееся в обратном направлении по отношению к «лицу», навстречу ему (*pratimukham*, *prativātam*).

Поскольку количество немногих конструкций типа S acc. + *prati-* в исследованных текстах все же, значительно превосходит число конструкций типа *prati-+S acc.*, мы допускаем, что в санскрите намечалась тенденция к закреплению значения направления за конструкциями с постпозитивным *prati-* (*vanam prati* «к лесу»), тогда как препозитивное положение *prati-* могло приводить к образованию наречий *avuyaibhāva* или к превращению *prati-* в префикс глагола (Кочергина 1979: 43). Сравнительно позднее превращение *upasarga* *prati* в префикс доказывается его положением в производных глаголах: префикс *prati-* предельно удален от корня, что возможно лишь в случае позднего присоединения *prati-* по сравнению с другими, более «старыми» префиксами. Например, *pratyujjagāta* (*prati-ud-jagāta*) «(он) встал и пошел навстречу».

Анализ наиболее употребительной и нестабильной модели наречий с *prati-* подводит к вопросу о генезисе рассматриваемой части слов *avuyaibhāva*.

Для решения его важно отметить два момента:

1. *Avuyaibhāva*, зафиксированные в БПС из ведийского, образованы с большим количеством слов *upasarga* и неоднородны по своей словообразовательной семантике. Так, в ведийском в наречиях *avuyaibhāva* кроме рассмотренных нами девяти префиксов было возможно также употребление префиксов *avā-*, *ud-*, *ni-*, *ragi-* и *ra* (БПС I, 474, 490; 918; IV 157, 165; 518, 535, 540—541; 1030).

2. Мнение, что *avuyaibhāva* возникают из префиксальных прилагательных (Burrow 1976: 204), не представляется соответствующим фактам языка, так как, во-первых, любое прилагательное (простое или производное), употребляемое в A. Sg. n., может переходить в разряд наречий (Зализняк 1978: 873). Во-вторых, производящей основой в интересующих нас *avuyaibhāva* выступают имена существительные, ибо только в образованных от них наречиях префиксация представляет собой последний деривационный шаг. Поясним на примере. Возьмем существительное *gaṅgā* («Ганг») — нет существительного *apugaṅgā*, но есть наречие *apugaṅgam* («вдоль Ганга»); еще пример: существительное *vana* («лес») — нет существительного *prativana*, но есть наречие *prativanam* («в каждом лесу»).

Слова *avuyaibhāva*, видимо, складывались из конструкций типа *upasarga+S acc.* Но тут возникает вопрос о формантеле (a)m.

В ведийском употребление его не было облигаторным, и можно отметить в ведийской литературе апиди «за коровами», *upragi* «вблизи коров», *adhihari* «в отношении Хари», *pratyagni*

«у огня» и некоторые другие. В более поздних текстах среди *avyayibhāva* нередки слова, в которых форма A. sg. маркируется формантом -(a)m независимо от исходного гласного производящей основы. Например, *nadī* f. «река» → *upanadam* «у реки»; *çvan* m., *çupī* f. «собака» (f. «сука») → *upacupam* «около собаки»; *vidyā* f. «знание, наука» → *adhibhidyam* «относительно знания, науки»; *vyusas* f. «рассвет» → *āvyusasam* «до самого рассвета» (т. е. ā>a, ī>a, 0>a). Все это формулируется в дескриптивных грамматиках санскрита как правила образования слов *avyayibhāva* (см., например, Kale 1918: 163—164).

Эти правила можно объяснить тем, что со временем в санскрите формируется стабильная словообразовательная модель слов

avyayibhāva — *upasarga*
префикс + S + (a)m.

Возникающие позже префиксальные наречия равняются на эту модель, происходит, как говорится, «давление модели».

Приведенные выше примеры показывают, что присоединение префикса и изменение конечного гласного основы — акт одновременный. Словообразовательные форманты *ipa...* am-, *adhi...* am, ā... am и т. п. обрамляют корень, т. е. образуют ту разновидность грамматической морфемы, которая наблюдается в индонезийском и немецком языках и называется конфиксом. Сравним:

в индонезийском: *api* «огонь» — *per-api-an* «печка»,
datang «прийти» — *ke-datang-an* «прибытие»;

в немецком: *mach-en* «делать» — *ge-mach-t* «сделанный»
fahr-en «ехать» — *ge-fahr-en* Partizip II;

в санскрите: *vyus* «рассвет» — ā-*vyus-am* «до рассвета»
tīg-a «берег» — *ipta-tīg-am* «у берега».

В санскрите исследуемого периода при образовании слов *avyayibhāva* есть основание говорить об употреблении конфиксов с деривационным значением. Этот факт не фиксировался ранее в исследованиях по санскриту, видимо, потому, что конfixы, сформировавшись сравнительно поздно, уже в среднеиндийских языках перестают четко просматриваться в структуре производного наречия. Как и ряд других грамматических морфем, они прекращают свое существование ввиду интенсивных звуковых изменений, которые привели в среднеиндийский период к утрате морфологической прозрачности слов.

РАЗДЕЛ V НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Анализ значений словообразовательных типов во II—IV разделах привел к установлению существующих внутри них сло-

вообразовательных значений, или «семантических ниш», которые представляют собой, по словам Бальдингера, «подлинное выражение внутренней жизни» каждого префикса (Balddinger 1950: 122).

Установление «семантических ниш» лежит в основе исследований в русле «словообразования, ориентированного на содержание»; оно позволяет осветить ряд вопросов словообразовательной семантики в плане парадигматики и синтагматики и предлагает пути выделения более крупных семантических единств, объединяющих разные средства словообразования, т. е. приводит к установлению «словарных блоков», или словообразовательных категорий.

Подобный подход к исследованию словообразовательных явлений санскрита осуществляется впервые.

Поэтому ниже мы выделяем лишь некоторые из вопросов, к которым подводит установление «семантических ниш» и синхронная классификация исследуемых производных по значениям.

Установление «блоков» или словообразовательных категорий будет при этом, естественно, отствовать, так как к их выделению можно подойти, только обследовав аналогичным образом прочие словообразовательные способы санскрита и включив в исследование все части речи.

1. Установление семантических ниш (значений) внутри словообразовательных типов находится в прямой зависимости от возможностей префикса сочетаться с разными лексико-грамматическими разрядами и подразрядами производящих основ. Тем самым вопрос о многозначности отдельного префикса, который обычно обстоятельно рассматривается в традиционном описательном словообразовании, но рассматривается односторонне, без учета характера сочетающихся с префиксом производящих основ²¹, снимается. Многозначность префикса заменяется понятием о его валентности.

«Валентность» (Л. В. Щерба, С. Д. Кацельсон, L. Tesnière), «внутренняя дистрибуция» (Е. А. Nida), «сочетаемость» (В. Г. Адмони) или Wertigkeit (W. Schmidt) выявляется как реализация синтагматических потенций слова в словосочетании, в высказывании или в предложении²². Валентность слова изучается в современном языкоznании с семантической, морфологической и синтаксической сторон. Валентность слова — это внешняя валентность. При исследовании словообразования речь идет о внутренней валентности, под которой «следует понимать закономерности сочетаемости отдельных лексиче-

²¹ Образцом такого подхода может служить описание префиксов в трактате Чандрагомина Тилака (Tilak 1951), впервые переведенном на русский язык пандитом Дж. П. Димри — см. Приложение, таблица 6 к его диссертации «Индийская и русская филологическая традиция» (М., 1973).

²² О нашем понимании «высказывания» в отличие от «предложения» см.: Кочергина 1979: 175—176.

ских и грамматических морфем друг с другом, морфем с лексическими основами слов... лексических основ в составе одной сложной основы», — пишет М. Д. Степанова, отмечая, что «этот вопрос находится еще на начальной стадии рассмотрения» (Степанова 1966: 53).

Внешняя и внутренняя валентности последовательно разграничиваются, находя в ряде современных работ по словообразованию иные терминологические эквиваленты, например «внешний контекст» и «внутренний контекст» (И. С. Улуханов).

В вопросе о внутренней валентности, о «внутреннем контексте», должны учитываться фонетические, морфологические и семантические закономерности сочетаемости.

Выше мы не акцентировали фонетические правила сочетаемости префиксов, вводя фонетические варианты префиксов как нечто данное *a priori* и понятное читателю, знакомому с древнеиндийскими правилами *samdhī*. Например, правила варьирования префикса *dus-* (*dur-/dus-/duh-*) или префикса *ud-* (*ut-/un-*).

Сейчас мы обратимся к морфолого-семантическим законам сочетаемости (валентности) основных из рассмотренных выше санскритских префиксов.

Устанавливая валентность префиксов, мы разграничиваем валентность общекатегориальную и валентность внутрикатегориальную.

Общекатегориальная валентность основывается на возможностях сочетаемости данного префикса с различными частями речи. Общекатегориальная валентность может сопровождаться или не сопровождаться транспозицией. Внутрикатегориальная валентность основана на возможности сочетаемости префикса с различными лексико-грамматическими разрядами и подразрядами производящих основ. Эти возможности наглядно демонстрируют данные 3—4-й таблиц. Из них легко выводится внут-

Таблица 3

Префикс	Часть речи производной основы			Префикс	Часть речи производной основы		
	Глагол	Существительное	Прилагательное		Глагол	Существительное	Прилагательное
a-	—	+	+	<i>dus-</i>	—	+	+
ati-	+	+	+	<i>ni-</i>	+	—	+
adhi-	+	+	—	<i>nis-</i>	+	+	—
anu-	+	+	—	<i>para-</i>	+	—	—
apa-	+	+	—	<i>pari-</i>	+	—	—
abhi-	+	—	+	<i>gra-</i>	+	+	—
ava-	+	—	—	<i>prati-</i>	+	+	—
—	—	—	—	<i>vi-</i>	+	+	—
ud-	+	—	+	<i>sa-</i>	—	—	—
upra-	+	+	—	<i>sam-</i>	+	—	—
ku-	—	+	—	<i>su-</i>	—	+	+

ренняя валентность каждого префикса, ибо «всякая форма записи есть часть содержания записи» (Степанов 1975: 196). Что же касается общекатегориальной валентности префиксов, то о ней в обобщенном виде дает представление таблица 3, на которой представлена сочетаемость префикса с частью речи без транспозиции производного в другую часть речи.

Количественное соотношение префиксов внутри групп существительных и прилагательных указывалось при их рассмотрении.

Способность к транспозиции заложена в сочетаемости префиксов с производящими основами, выраженнымми основами существительных. Их сочетаемость с префиксами и частеречную принадлежность производного передает таблица 4.

Количественное соотношение префиксов внутри групп десубстантивных прилагательных и наречий указывалось при их рассмотрении.

Таблица 4

Префикс	Возможность сочетаемости с существительным	Результаты сочетаемости:		Префикс	Возможность сочетаемости с существительным	Результаты сочетаемости:	
		произв одное прилага тельное	произв одное наречие			произв одное прилага тельное	произв одное наречие
a-	+	+	-	dus-	+	+	-
ati-	+	+	+	pi-	-	-	+
adhi-	+	+	+	nis-	+	+	-
anu-	+	+	+	raga-	-	-	-
apa-	+	+	+	ragi-	-	-	-
abhi-	+	+	+	gra-	-	-	-
ava-	-	-	-	grati-	+	-	+
a-	-	-	+	vi-	+	+	-
ud-	-	+	-	sa-	+	+	-
ира-	+	-	+	sam-	-	-	-
ku-	-	-	-	su-	+	+	-

2. Рассмотрение префиксов на внутрикатегориальную сочетаемость с различными лексико-грамматическими разрядами и подразрядами производящих основ подводит к вопросу о синонимии префиксов. При этом важно учитывать семантический компонент производящей основы, включающий ее общекатегориальное и лексико-грамматическое значение (см. гл. I).

Синонимами можно считать только такие префиксы, которые сочетаются с производящими основами, обладающими одним и тем же семантическим компонентом, а образуемые производные имеют одно и то же словообразовательное значение.

Исследуемый материал, рассмотренный под углом зрения

Валентности префиксов, в большинстве случаев демонстрирует стремление избежать синонимии префиксов.

Синонимами с точки зрения вышеизложенного понимания синонимии оказываются у десубстантивных существительных *ku-* и *dus-* при сочетании их с производящей основой, являющейся наименованием одушевленного предмета (*kumīṭga* — *dūḍmitra*) или абстрактного понятия (*kicagūā* — *duṣcagūā*). В указанных выше случаях сочетания с *dus-* в четыре раза превосходят сочетания с *ku-*. При сочетании с производящей основой, обозначающей конкретный предмет, наблюдался только префикс *ku-* (*kucela*, *kuplava*). Таким образом, *ku-* и *dus-* можно считать синонимами лишь с определенными ограничениями, обусловленными семантикой производящей основы.

Синонимами при сочетании с наименованиями конкретных предметов и явлений выступают префиксы *ira-* и *ra-* с прелиминарным словообразовательным значением производного (*irāṭyakā*, *iravana* — *prāvāta*, *pradvārā*).

Переходя к синонимии префиксов у прилагательных, следует к указанным выше признакам префиксов-синонимов прибавить еще один — общность лексико-грамматического разряда определяемого.

У деадъективных прилагательных можно признать синонимами *ati-* и *su-* при сочетании их с производящей основой, выраженной качественными прилагательными, характеризующими определяемое по положению в пространстве или во времени (*atīcīra* — *sucīra*, *atidūṛa* — *sudūṛa*), или с основой, выраженной девербальными прилагательными (*atiçuddha* — *suçuddha*).

Синонимами будут *abhi-* и *su-* при сочетании с производящей основой, выраженной качественным прилагательным, являющимся наименованием цвета (*abhinīla* — *sunīla*, *abhitāmṛa* — *sutāmṛa*).

Таким образом, префикс *su-* по своей валентности может выступать синонимом *ati-* при сочетании с качественными прилагательными, характеризующими по положению в пространстве и во времени, префиксу *abhi-* с прилагательными цвета. При сочетании с качественными прилагательными, выражающими состояние или оценку, *su-* синонимичен *ati-* при определении одушевленных предметов (*atiyuvan*, *supriya*) и *abhi-* при определении неодушевленных предметов (*abhinava*, *suçīta*).

На основе сформулированных выше критериев префиксы *ati-* и *abhi-* считать синонимами нельзя.

Синонимами у десубстантивных прилагательных, являющихся определениями одушевленных предметов, выступают конкурирующие префиксы *a-*, *nīs-* и *vi-* с производящей основой — наименованием частей тела (*akagña*, *acaksus* — *nīrhas-ta* — *vicaksus*), лиц, в частности имен родства (*apāpatya*, *apu-ta* — *nīrmitra*, *nīrbandhu* — *vibandhu*, *vivatsa*) и отвлеченных понятий (*aguṇa* — *nīrguna*, *nīrbhaya* — *vibuddhi*, *vimanyu*).

В последнем случае синонимом является также префикс ара- (apabhaya, apavrata).

Если производящей основой является наименование конкретных предметов или явлений, синонимами выступают nis- и vi- (nirastra, nirdhana — vivastra, vidhana).

При определении десубстантивными прилагательными неодушевленных предметов синонимичны a-, nis- и vi- с производящей основой, выражющей наименования конкретных предметов и явлений (anudaka, anargha — vicakra, vidgrīta — pīgadaka, pīrmula) и наименования одушевленных предметов (aja-na — pīrjana — vijana). При производящей основе, выражющей наименования животных, синонимичны nis- и ара- (nīrvyaghra — aramrga).

Синонимичны vi-, nis- и ара- с производящей основой — наименованием отвлеченного понятия при явном преобладании производных с vi- (vidharma, viguna, vibhaya — nihsatya — apārtha).

В сфере словообразования десубстантивных наречий синонимия префиксов не наблюдается. Можно указать лишь на частичную синонимию api- и prati- с производящими основами — наименованиями отвлеченных понятий (apikātam, anugūpam — pratikātam, praticodam).

3. Для характеристики системы префиксов санскрита интересны данные их антонимических противопоставлений. Условия определения префиксов-антонимов те же, что и условия установления синонимии префиксов.

При образовании десубстантивных существительных антонимами выступают su- и dus- при сочетании с производящими основами — наименованиями лиц (sujana, suçisya, sumantu — durjana, duhçisya, durmantrin) и отвлеченных понятий (subuddhi, suvr̥tti — durbuddhi, durvṛ̥tti). В последнем случае антонимические отношения связывают также su- и ku- (sumati, suçīla — kumati, kuçīla).

При сочетании с производящей основой, являющейся наименованием конкретного предмета, антонимически противопоставлены su- и ku- (suksetra, sutīrtha, suratha — kucela, kuplava).

Как видим, антонимические пары у имен существительных образуют лишь древние общеиндоевропейские именные префиксы.

В сфере префиксального словообразования деадъективных прилагательных антонимами будут a- и su- с производящей основой — качественным прилагательным (apriya — supriya, adūga — sudūra), dus- и su- с производящей основой — отглагольным образованием (durgama — sugama, durjīva — sujīva, duskara — sukṛta).

Как антонимы воспринимаются префиксы ā- и abhi- с производящей основой, являющейся определением по цвету (ānila — abhinīla, ātāmra — abhitāmra), префиксы ā- и rati- при том же

подразделяются на основы производящей основы (*ādhūsara* — *pāridhūsara*).

При образовании десубстантивных прилагательных антонимические отношения связывают префикс *sa-* с префиксами *a-*, *nis-* и *vi-*, очень редко — с *ара-*. Как определения одушевленных предметов при производящих основах, выраженных наименованиями лиц, образуются антонимические пары *saputra* — *aputra*, *sasuhṛd* — *nīrmitra*, *sabandhu* — *vibandhu*. При таком же определяемом с производящими основами — наименованиями частей тела — по текстам обнаружены *sakarna* — *akarna*, *sacaksus* — *acaksus*, *vicaksus*. Противопоставление *sa-* и *nis-* в этом случае связывает дополнительный компонент значения — выражение наличия необязательного (*sa:* *savṛapa*) и отсутствия обязательного (*nis:* *nirhasta*).

При производящей основе — существительном абстрактного значения — возникают такие антонимические пары, как *saguna* — *aguna*, *nīrguna*. При производящей основе — существительном конкретного значения — возможны пары *savasas* — *vivastga*, *sadhana* — *nirdhana*, *vidhana*.

Как определения неодушевленных предметов десубстантивные прилагательные, встречающиеся значительно реже, имеют производящей основой наименования конкретных предметов и образуют, например, такие антонимические пары, как *sarpisra* — *vidruma*, *nīrmūla*; *sodaka* — *anudaka*, *nirudaka*; *sābhra* — *nīrabhra*.

Воспринимаемые обычно как антонимы у имен существительных, префиксы *su-* и *dus-* у прилагательных являются антонимами лишь в очень ограниченном числе случаев, а именно только при определении одушевленных предметов в сочетании с производящей основой — наименованием отвлеченных понятий (*subhaga* — *durbhaga*, *sumanas* — *durmamas*), частей тела (*sulocana* — *duraksa*, *sumukha* — *durmukha*) и, очень редко, наименованием лиц (*sumitra* — *durmitra*). Можно предположить, что антонимы-определения дублируют антонимические противопоставления, сложившиеся у существительных, связанных с этими десубстантивными прилагательными.

Процесс субстантивации прилагательных и адъективизации существительных, активно протекавший в санскрите, захватывает именно рассматриваемую часть лексики. Этот факт, однако, уже выходит за рамки интересующего нас префиксального словаобразования и достоин особого изучения.

Антонимия в сфере десубстантивных наречий связана с хорошо сохраняющейся здесь семантической противопоставленностью ряда слов *upasarga*, выступающих в наречиях: *ара-* — *api-*, *prati-* с производящими основами отвлеченного значения (*apakātam* — *anukātam*, *pratikātam*); *abhi-* — *prati-* с производящими основами — наименованиями явлений природы (*abhivātam* — *prativātam*) и некоторыми другими.

4. Возвращаясь к таблицам валентности префиксов, приведенным в пункте 1, обратим внимание на префиксы *upasarga*, сочетающиеся с существительными и прилагательными (см. табл. 3).

Их значительно меньше, чем глагольных префиксов. Так, с существительными в эпическом санскрите не сочетаются префиксы *abhi-*, *ava-*, *ā-*, *ud-*, *ni-*, *nis-*, *ragā-*, *pari-*, *vi-*, *sam-*.

С прилагательными в языке тех же памятников не сочетаются префиксы *adhi-*, *apu-*, *ara-*, *ava-*, *ud-*, *upa-*, *ni-* *nis-*, *ra-* *gā-*, *pari-*, *gra-*, *prati-*, *vi-*, *sam-*.

Рассмотренные с глаголами, эти префиксы в большинстве своем выступают как терминальные, т. е. не допускающие употребления какой-либо словообразовательной морфемы между префиксом и корнем глагола. Естественно предположить, что терминальные префиксы возникли из той части слов *upasarga*, которая раньше сформировалась в систему глагольных префиксов. С другой стороны, префиксы нетерминальные, т. е. допускающие употребление какой-либо словообразовательной морфемы между префиксом и корнем, являются префиксами более позднего происхождения. Некоторые префиксы *upasarga* занимают при этом промежуточное положение, являются переходными. Терминальный, нетерминальный и переходный характер префиксов демонстрируют следующие примеры: *pratyupasthā* (*prati-* + *upa-* + *sthā*) «прислуживать, ходить за» — CPC. 429; *anvaveks* (*apu-* + *ava-* + *iks*) 1) «смотреть на» 2) «воспринимать» — CPC. 50; *apākar* (*apa-* + *ā-* + *kar*) «устранять, уничтожать» — CPC. 54; *abhinidhā* (*abhi-* + *ni-* + *dhā*) «положить, вложить» — CPC. 59; *utpreks* (*ua-* + *gra-* + *iks*) «смотреть вверх» — CPC. 116; *nirākar* (*nis-* + *ā-* + *kar*) «отделять, устранивать» — CPC. 333; *parisamāp* (*pari-* + *sam-* + *āp*) «заканчиваться, завершаться» — CPC. 381; *adhyākram* (*adhi-* + *ā-* + *kram*) «вступать, входить» — CPC. 36; *upasamīhar* (*upa-* + *sam-* + *har*) «сгигивать, собирать» — CPC. 128; *pratyāgam* (*prati-* + *ā-* + *gam*) «возвращаться от, из» — CPC. 428; *vyatikram* (*vi-* + *ati-* + *kram*) 1) «протекать, проходить» — CPC. 625; *abhivini* (*abhi-* + *vi-* + *nī*) «обучать» — CPC. 62.

Итак, к более старым префиксам, к терминальным, относятся *ava-*, *ā-*, *ni-*, *gra-*, *ragā-*, *sam-*. Нетерминальными в полипредиксальных глаголах выступают *apu-*, *ara-*, *abhi-*, *nis-*, *pari-*, *prati-*. Промежуточное положение занимают *ati-*, *adhi-*, *upa-*, *ud-*, *vi-*.

Обратимся еще раз к таблицам общекатегориальной валентности. Оказывается, что в качестве префиксов имен существительных и прилагательных (см. табл. 3), префиксов десубстантивных прилагательных и наречий (см. табл. 4) выступают нетерминальные префиксы и префиксы, носящие переходный характер. Из старых терминальных префиксов с основами существительных сочетается только *gra-*, с основами прилагательных

ных — только *ā*. В обоих случаях наблюдается семантический четко определенный и ограниченный подразряд производящих основ: у существительных — имена родства (*praputra, grapat*), у прилагательных — названия цвета (*ānīla, ātāmga*).

Употребление с производными существительными, прилагательными и наречиями более «молодых» префиксов свидетельствует о том, что префиксация являлась в эпическом и классическом санскрите активно формирующимся и продуктивным способом словообразования и прежде всего способом словообразования имен прилагательных.

Сохранение в подсистеме именных префиксов терминальных префиксов *ā-* и *rga-* показывает, что наиболее устойчивыми и жизнеспособными оказывались производные с четко ограниченной семантикой производящей основы, регулярно возникающим определенным (предсказуемым) словообразовательным значением производного и с неинвариантным префиксом.

У производных с префиксами, занимающими положение, промежуточное между терминальными и нетерминальными (*ati-, adhi-, ud-, ipra-, vi-*), также следует отметить семантическую определенность производящей основы. Например, *adhi-* сочетается только с наименованиями существ, лиц, и образованные с ним производные определены по своему словообразовательному значению. Префикс *ipra-* обладает разветвленной внутрикатегориальной валентностью, тем не менее каждый из сочетающихся с *ipra-* подразрядов производящих основ семантически четко определен, и словообразовательное значение в каждом случае предсказуемо.

Итак, рассмотрение префиксальных существительных, прилагательных и наречий в эпическом санскрите показывает: в них активно употребляются как древние общеиндоевропейские именные префиксы, так и префиксы, развившиеся в более позднее время из слов *iprasarga*, что ведет к смешению этих двух генетически различных групп префиксов и к их перераспределению по функциям²³.

Префиксы функционируют в эпическом и классическом санскрите как единая словообразовательная подсистема, что доказывается закономерностями в сфере их валентности, отношениями синонимии и антоними, а также включением в число именных префиксов преимущественно нетерминальных, более поздних по происхождению префиксов.

Наши наблюдения подтверждают положение, выдвиннутое И. С. Улухановым (1977), о целесообразности разграничения инвариантных и неинвариантных типов аффиксов (в данном

²³ Поскольку глагольная префиксация не входила в круг исследуемых вопросов, не было случая отметить, что и общеиндоевропейские именные префиксы проникали в эпическом санскрите в систему словообразования глагола. Возможны, например, такие производные глаголы, как *dūscar* (*dus-+car*) «плохо обращаться с кем-л. (Аkk.)», «изменять (мужу, жене)» — Ram. III, 2, 25.

случае — префиксов) и о том, что модификационное словообразовательное значение связано преимущественно с функционированием в языке неинвариантных аффиксов.

Словообразовательная модель с определенным префиксом у неглагольных слов оказывается устойчивой при однозначном соответствии между семантическим компонентом производящей основы и словообразовательным значением производного. Правильность наших выводов должно подтвердить наблюдение над словообразовательными моделями санскрита в языках современной Индии.

ГЛАВА III

ОСНОВОСЛОЖЕНИЕ

РАЗДЕЛ I ВВЕДЕНИЕ

Основосложение является характерной особенностью санскрита. Среди слов, образованных сложением, имеются, как уже отмечалось в I главе, две группы. Первая — слова, представляющие общесиндоевропейские словообразовательные типы. Именно для них устанавливаются многочисленные параллели в других индоевропейских языках. Это типы слов *taṭpurusa*, *karmadhaṭraya*, *dvigu* и *bahuṛīhi*. Вторая группа — слова, сложившиеся, видимо, в период индоиранской языковой общности и до сих пор представляющие своеобразное явление в сфере словообразования индоиранских языков. Речь идет о типах *avuayībhāva* и *dvandva*.

1. Как важнейшее явление в древнеиндийских языках слова, образованные сложением (*samāsa*), были изучены уже в древности. Панини рассматривает слова *samāsa*, начиная с типа *avuayībhāva*. Как было показано в I главе, по современным научным критериям определения слово- и основосложения, мы не можем причислять слова *avuayībhāva*, или по крайней мере большую их часть, к сложным словам. Поэтому слова *avuayībhāva*, как они были представлены в труде Панини, рассматривались нами в IV разделе II главы.

Сейчас мы остановимся подробнее на других *samāsa*, сохранив их последовательность, предложенную Панини.

Тип *taṭpurusa* (Р. II. 1,22—2,22, значение термина «его человек»). Рассмотрению этого типа у Панини уделяется много места, потому что слова *taṭpurusa*, как они даны у Панини, представляют пеструю картину по способам выражения как II, так и I элемента сложения. К ним относятся такие слова, как *vīrasenasuta* «сын Вирасены»; *pādodaka* «вода для ног»; *grāmavāsa* «жительство в деревне»; *mahārsi* «великий мудрец»; *sukṛta* «хорошо сделанный»; *brahmarsi* «брехманический риши» и др.

Общим у них является зависимость I элемента от II и определяющая роль I элемента по отношению ко II элементу. В комментариях к Панини указывается, что главным является значение II элемента¹. Так как в изложении у Панини много частных единичных явлений, то не будем останавливаться на каждом из отмеченных у него случаев образования *taṭpurusa*. Важен общий принцип отнесения слов к типу *taṭpurusa*, поэтому берутся лишь наиболее главные моменты, и группировка их

¹ *Bhasya* II, 1, 6, 20 и 49 (Patañjali. Calcutta, 1957).

В целых удобства понимания несколько отстуپает от расположения материала у Панини.

Как может образоваться слово типа *taṭpurusa*? Ответом на этот вопрос и является полное описание *taṭpurusa* у Панини.

Он рассматривает существительные в определенных падежах, способные вступить в состав слова в качестве I элемента. Указывается, что I элемент *taṭpurusa* могут образовать существительные, стоявшие в винительном, орудийном, дательном, отложительном и местном падежах (это традиционная последовательность расположения падежных форм в древнеиндийском языке, сохраняющаяся у Панини). Особенно подробно освещены случаи образования *taṭpurusa* из соединения с существительным в родительном падеже. Приводятся случаи запрещения образования *taṭpurusa* из существительных в родительном падеже (см. Р. II, 2, 10—11). В каждом отдельном случае образования *taṭpurusa* дается подробное описание способов выражения II элемента. II элементом могут быть имя существительное, прилагательное, отлагольное образование (*kṛtya*) и пр. Обычно перечисляются конкретные слова.

В приведенные выше случаи вплетаются случаи образования *taṭpurusa* из сочетания прилагательных, местоимений, частиц в качестве I элемента. I элементом могут быть:

1) *rūrga* «первый», *sarva* «весь», *pava* «новый» и др. (Р. II, 1, 49); 2) любое определение — прилагательное, как, например, в словах *nīlotpala* «голубой лотос», *raktopala* «красный лотос» (см. Р. II, 1, 57); 3) *apara* «будущий, следующий», как, например, *prathama* «старший, ранний, лучший» и др. (Р. II, 1, 58); 4) *sat*, *mahat*, *parama*, *uttama*, *utkriṣta* — все обозначают положительную оценку (Р. II, 1, 61), и некоторые другие.

Сочетания двух прилагательных, обозначающих цвет, тоже относятся к типу *taṭpurusa*, например *kriṣṇasāraṅgaḥ* «чернопегий».

Все эти сложные слова упоминаются Панини в II, 2.38 под названием *karmadhāraya* (значение термина неясно)².

В середине I главы II книги говорится о сложных словах *dvigu*, которые отнесены к *taṭpurusa* по *samāsānta*, т. е. по характерным для конца сложного слова суффиксам (II, 1, 24). I элементом в них выступает числительное (II, 1, 52), например *saptarsi* «семь мудрецов». Отсюда и обозначение подобных слов термином *dvigu* «две коровы».

Три отмеченные группы *taṭpurusa* у Панини особо не выделяются, а смешиваются, чередуясь при изложении. Это связано в значительной мере с методом изложения, при котором упоминаются конкретно отдельные слова (по семантическим их группировкам) или падежные и глагольные формы, кратко обозна-

² Новые работы о значении термина см.: Кочергина 1961: 14, примеч. 5.

чающиеся (как, например, *sasta* «шестой», т. е. родительный падеж). Подробно излагаются случаи образования имен собственных, прозвищ, образование сравнений, гиперболических определений при помощи сложения *tatpurusa*, на чем мы не останавливаемся. Согласно Панини, тип *tatpurusa* представляется объединяющим слова, чрезвычайно многообразные как по значению, так и по форме. Поэтому один из последователей Панини, грамматик Вопадева (*Vopadeva*) выделяет в сложных словах как отдельные три типа:

1) (собственно) *tatpurusa*, т. е. сложные слова с I элементом — именем существительным; 2) *karmadhāraya* — сложные слова с I элементом — именем прилагательным; 3) *dvigu* — сложные слова с I элементом — числительным.

Такое деление как удобное практически стало общепринятым.

Тип *bahuvrīhi* (Р. II, 1, 23—28). Значение термина — «имеющий много рису». Слова типа *bahuvrīhi* являются определениями другого предмета, например: *sūryatejas* «обладающий блеском солнца»; *brhadratha* «имеющий большую колесницу»; *ahas-ta* «безрукий»; *hastipāda* «имеющий слоновые ноги»; *jīvaputra* «сын сыновья живы»; *jñātimukha* «похожий на родственников»; *dūrbhaga* «несчастливый»; *suhārd* «имеющий хорошее сердце» и др.

II элемент всегда является именем существительным, которое, входя в состав слова *bahuvrīhi*, утрачивает свою родовую характеристику и как определение согласуется с определяемым в роде, числе и падеже.

Все приведенные у Панини случаи образования сложных слов *bahuvrīhi* более систематизировано представлены Патанджали в виде шести групп:

1) *bahuvrīhi*, I элемент которых выражен группой *semānā-dhikarana*, т. е. прилагательными типа *rūgva*, *sarva*, *nava* и др. (см. Р. II, 1, 49), например, *citrāgu* 2) I элемент — *avyaya* (неизменяемое), например, *pīcaitmukha*; 3) I элемент — локатив или нечто, с чем сравнивают, например, *kanthekāla*; 4) I элемент — родительный падеж рода или материала, например *keṣacūta* «имеющий волосы, (завязанные) узлом»; 5) I элемент — *gana*, *prādaya*, например, *ṛgaṛgpa* 6) I элемент — отрицание, например, *aputra* «бездетный».

У Панини особо рассматриваются как *bahuvrīhi* еще соединения с *saha* («вместе») (например, *saha putrenārataḥ* — *saputraḥ*), соединение двух слов в орудийном или в местном падежах (например, *musalāmusali*), соединение слов типа *āsanna* «близко», *adūga* «недалеко» с числом. Сложное слово *bahuvrīhi* нередко приобретает особый суффикс (*samāsānta*).

Древнеиндийские грамматисты устанавливают двучленность как непременный признак каждого из рассмотренных выше ти-

пов *samāsa*. На отношении между двумя элементами и строится их классификация.

Тип *dvandva* (Р. II, 2, 29—34, значение термина «два и два»). Поскольку *dvandva* определяются как сочетание *samāsa*, элементы которого могут быть соединены союзом «и» (Р. II, 2, 29), то далее случаи такого соединения поясняются. Могут быть четыре типа соединения союзом «и»:

1) *samuccayā* — соединение двух или нескольких понятий, друг с другом не связанных, но относящихся к одному действию; 2) *apnācaya* — соединение несвязанных между собой понятий, относящихся к разным действиям; 3) *itaretarayoga* — соединение связанных между собой понятий, но сохраняющих каждый свою индивидуальность; 4) *samāhāra* — соединение связанных понятий в единое целое.

Словами *dvandva* можно считать только *itaretarayoga* и *samāhāra*.

Примеры слов *dvandva*: *hastyaçvās* «слон и конь»; *candrādivyau* «месяц и солнце»; *rogāçokaparītāpabandhanavyasnāni* «болезнь, боль, печаль, заточение и несчастье»; *pānipādam* «руки и ноги» и др.

Панини указывает на множество групп *dvandva* по их значению, например *dvandva*, обозначающие названия рек и стран (Р. II, 4, 7); очень маленьких животных (Р. II, 4, 8), классы шудр (Р. II, 4, 10) и др.³.

Существуют так называемые *devatadvandva* — сложные слова, обозначающие двух богов, например *mītravariṇpau* «Митра и Варуна».

Последний элемент сложных слов *dvandva* может стоять в единственном числе среднего рода, в двойственном и множественном числе. Это зависит в первую очередь от значения слова в целом (см.: Р. II, 4, 13). Панини указывает на возможную последовательность слов, соединяемых в *dvandva*⁴.

Следует в заключение указать, что индийская классификация слов *samāsa* принимается последующими исследователями

³ Следует отметить, что соединение противоположных по значению слов, таких, как *kṛtakṛta* «сделанное и несделанное» или *bhuktābhuktam* «соединенное и несоединенное», относится у Панини к *tatpurusa*, так же как и соединения прилагательных для обозначения цвета, например *kriṣṇasarangah* «черно-пегий» (см. Р. II, 1, 60, 69).

Соединения слов для обозначения стороны света, направления, например *pūrvottara* — северо-восток, рассматриваются у Панини вместе со словами типа *bahuvrīhi*.

⁴ Впереди ставится слово на *ghi* (т. е. оканчивающееся на *i*—*u*), затем слово на *-a*; слово с меньшим количеством слогов ставится впереди, касти распределяются по их обычному порядку (т. е. *brahmāṇaksatrīyatīcūḍagah*), братья распределяются по возрасту, начиная со старшего, и т. д. О числе и роде сложных слов см. Р. II, 4, 1—3, 3, 1 об ударении — VI. 2.

либо как состоящая из четырех типов (по Панини и Патанджали), либо как состоящая из шести типов (по Вопадева, который делил *taṭpurusa* на три типа, о чем говорилось выше).

Исследуя слово- и основосложение по памятникам на эпическом санскрите с привлечением данных классического санскрита, мы не встретим в словах типа *taṭpurusa* образований с I элементом — существительным в косвенном падеже, о которых имелось упоминание у Панини. В наблюдавшихся нами в эпическом санскрите словах *taṭpurusa*, как и в других типах *samāsa*, имело место только основосложение.

К словам типа *bahuvgīhi* индийские грамматисты относили не только образования из двух именных основ, но и образования с некоторыми префиксами (*a-*, *ku-*, *su-*, *dus-*, *sa-*). Последовательно разграничивая производные и сложные слова, мы выделили такие префиксальные образования и рассматривали их как аналоги *bahuvgīhi* в III разделе II главы.

Напомним, что в современных работах по словообразованию сложились две точки зрения на роль слово- и основосложения. Большинство исследователей склонны рассматривать словосложение как один из способов словообразования наряду с различными видами аффиксации, редупликацией, конверсией, способом ударения (см.: Виноградов 1951, Кубрякова 1965, Общее языкознание 1972, Мешков 1976 и многие другие). Некоторые ученые выделяют среди способов образования новых слов словосложение и словоизпроизводство, относя к последнему все перечисленные способы словообразования и прежде всего аффиксацию (Аракин 1967).

Нам представляется целесообразным определять место словосложения индивидуально, для конкретного языка, так как функции словосложения тесно связаны со своеобразием системы языка в целом и служат важным показателем при его типологической характеристике.

Как способ образования единиц сложной номинации сложные слова должны рассматриваться внутри словообразовательной системы конкретного языка (см., например, Степанова 1953). Если же функции сложных слов могут выходить за рамки ономасиологии, то существует основание для ограничений их от прочих способов словоизпроизводства и для рассмотрения слово- или основосложения как оригинального явления со своими определенными функциями в системе конкретного языка. Определить место сложных слов в языке можно только рассмотрением их в многообразных внутрисистемных связях.

Сбор и анализ материала по сложным словам эпического санскрита были проведены нами ранее и нашли отражение в работах 60-х годов. В них исходным при рассмотрении типов слов *samāsa* являлась, как и при исследовании во II главе префиксальных производных, семантическая характеристика сложных слов.

Как и во II главе, основным классификационным принципом в исследовании сложных слов явилось разбиение их по частям речи. Вопрос о том, какой частью речи выражен последний элемент сложения, определяющий синтаксическую роль данного слова в целом, представляется основополагающим потому, что синтаксическая роль обуславливает связи, в которых может выступить слово, а следовательно, вскрывает и возможные отношения между элементами сложного слова. По той же причине сложные слова рассматривались нами в контексте. При исследовании санскритского основосложения это проводилось впервые.

При семантическом подходе к рассмотрению сложных слов важнейшим фактором явилось противопоставление существительных по признаку одушевленности/неодушевленности.

Ставился вопрос, может ли смысловая взаимосвязь элементов сложного слова выражаться в языке другими способами или иначе, какова в данном случае функция основосложения. Для этого необходимо было изучить некоторые синтаксические явления санскрита. Исследования проводились по тем же источникам, что и исследование сложных слов. Данные исследования не будут излагаться отдельно, что уведет нас от основной цели работы, однако они будут широко привлекаться и учитываться при установлении роли каждого из интересующих нас типов основосложения и, где возможно, для выяснения хода их развития в системе древнеиндийского языка.

Исходя из всего вышеизказанного и строится глава об основосложении.

В ней предлагается краткий обзор собранного материала, его теоретическое обобщение и толкование, осуществляемые с использованием приема внутрисистемного сравнения и имеющие целью помочь в решении основной задачи III главы настоящей работы — уточнению места основосложения в системе древнеиндийского языка и установлению его функций.

РАЗДЕЛ II ОСНОВОСЛОЖЕНИЕ У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

1. Существительные *tatpurusa* образованы по модели 's' осн.+s" осн. или (единичный случай) Pron. осн.+S осн.

Рассмотрение существительных *tatpurusa* с точки зрения смысловой встречает трудности из-за огромного разнообразия характера значений слов. Они все же могут быть охарактеризованы в пределах трех семантических групп:

1.1. Общественно-бытовые представления человека. Здесь мы встречаем, во-первых, слова, обозначающие предметы материальной жизни и их применение: *strīparvāsikaviṣṭamāḥ* (Mbh. I, 90) «Стрипарва — место отдыха из стебельков», go-

hastyāçvadhanāni (Mbh. I, 130) «богатство коров, слонов и лошадей»; kambalājinaraññāni (Mbh. I, 131) «сокровища из шерстяных тканей и кожи».

Во-вторых, слова, обозначающие занятия, обычай человека, связанные с его общественно-социальной практикой: yuddhakaucalam (Mbh. I, 69) «...опытность в бою...»; cākhadundubhinis-vāññāh (Mbh. I, 120) «звуки раковин и барабанов»; pradānakālas (Mbh. III, 294, 33) «время выдавания замуж»; pādābhivādanam (Mbh. III, 294, 41) «поклон к ногам».

В-третьих, слова, передающие взаимоотношение между людьми или личные качества, расценивающиеся положительно или отрицательно: giguççīrūsayā... tutōsa lōkah sakalas tēsam çaurgyaupnēpa (Mbh. I, 124) «послушанием родителям... и их (качеством) мужества весь мир был доволен»; aham tvacaksuh kāgrapuātputraprītyā (Mbh. I, 143) «но я слепой от горя с радостью за сына переношу это»; gurubhaktyā (Mbh. III, 298, 23) «преданностью родителям»; bhartr̄snehād (там же) «из-за любви к мужу».

1.2. Круг значений, связанных с религиозно-научными представлениями. Постоянно имея это в виду, мы можем все-таки в интересах полноты описания наметить здесь следующие подгруппы.

Во-первых, научно-философские понятия: bhūtasthānāni sarvāñi (Mbh. I, 48), «все местопребывания людей»; lōkayotrāvīdhāññāp (Mbh. I, 49) «неустановленный ход мира»; samhitājñānam (Mbh. I, 53) «знание Санхита»; caturvarnyavidhāññāp (Mbh. I, 65) «упорядочение четырех каст»; puāyaçiksā (Mbh. I, 67) «наука логики», и др.

К этой же подгруппе должны быть отнесены слова, связанные с высоко развитой техникой поэтического творчества: vēdāyōgah (Mbh. I, 48) «стих Веды»; granthagranthim tabā sakrē munirgūdham (Mbh. I, 80) «тогда мудрец сделал таинственное соединение текста»; çrutisamksēpah (Mbh. I, 91) «(Маушала) — итог песни»; anukramanikādhyāyam (Mbh. I, 102) «отдел оглавления».

Во-вторых, чисто религиозные термины и слова, связанные с религиозными представлениями о жизни, долге и пр.: naimisaranye (Mbh. I, 102) «в лес Наймиша (священный лес)»; tapovrddhim (Mbh. I, 41) «преуспевание покаяния»; sarpasatre (Mbh. I, 9—11) «при змей жертвоприношении» и т. п.

1.3. Третья группа, семантически наиболее ясно выделяющаяся, включает сложные слова, обозначающие людей и богов. С названием людей не следует смешивать имя собственное. При образовании имен собственных способом словосложения (распространенное в языках явление) человек обозначается со сто-

роны ярко выраженных, индивидуально определенных качеств, ему дается прозвище.

В сложных же словах типа *taṭpūrīsa* перед нами обозначение человека, в которых последний выступает не как обособленное лицо, а как находящийся в связях с известными автору и слушателю предком, родом, племенем.

В сложных словах встречается, во-первых, обозначение родства: *lomaharsanaputra* (*Mbh.* I, 2) «сын Ломахаршаны»; *dakṣsaputrāḥ* (*Mbh.* I, 33) «сыновья Дакши»; *satyavaṭīsutaḥ* (*Mbh.* I, 54) «сын Сатьявати»; *raṇaṭagātmaṇī* (*Mbh.* I, 55) «сын Паращары»; *mādrīsutaḥ* (*Mbh.* I, 109) «два сына Мадри»; *kuntīputra* (*Bhag.* I, 16) «сын Кунти» и т. п.

Может быть обозначение родства с лицом, носящим определенное прозвище, например *sūtanandanaḥ* (*Mbh.* I, 2) «сын возницы, т. е. сын Ломахаршаны Уграшрава».

Обозначается родство с людьми, охарактеризованными с точки зрения их социальной принадлежности: *prātmajā* «дитя царя», *nārādhīpātmajā* «дитя героя-царя» и т. п.

Наряду с обозначением родства встречается обозначение человека по его общественному положению или местопребыванию: *kulapati* (*Mbh.* I, 2) «глава рода»; *māhīksita* (*Mbh.* I, 13) «владыка земли»; *kācīrājaś* (*Bhag.* I, 6) «царь (народа) Каши» и др.

К названиям людей близко по типу сложения обозначение богов. Среди сложных слов, обозначающих богов, встречаются слова — устойчивые заменители имени бога, например Ямы: *dharmarājāḥ* (*Mbh.* III, 298, 56, 60) «царь закона»; *pitṛgājāḥ* (*Mbh.* III, 298, 15) «царь умерших (царь отцов)».

Встречаются и сложные слова с общим обозначением бога, равно приложимые к любому божеству: *dēvarājāḥ* (*Mbh.* I, 150) «царь богов»; *prajāpāti* (*Mbh.* I, 32) «властелин людей»; *caṭaṭagāgūri* (*Mbh.* I, 24) «родители всего» (букв. «движущиеся и недвижимого»).

Последние можно считать более ранними, так как если взять имена «Ригведы», то там нередко божества называются по функции, свойственной всем высшим силам (например, *satpati* — *RV.* V, 32, 11), индивидуальные же черты выступают лишь в конкретных описаниях подвигов определенного бога (см., например, *RV.* V, 32, гимн Индре).

Рассматриваемые слова *taṭpūrīsa* имеют вторым элементом имя существительное непроизводное или производное от другого существительного и имя существительное отлагольное или представляющее чистую глагольную основу.

Существительные непроизводные, или десубстантивные, составляют большинство в группе слов, представляющих общественно-бытовую тематику (65 %), всю группу обозначений людей и богов, их качеств, и небольшую часть группы слов, охваты-

вающей научно-религиозные представления. Если обратимся к слову, являющемуся II элементом сложения (и по синтаксической роли которого, по части речи, его выражающей, мы выделяем группы слов), то значение его само по себе является абстрактным: *vīçgrāta* m. «отдых», *ratna* p. «добро», *anta* m(n) «конец», *kanda* m. «группа» и др.

Первым элементом является слово, обозначающее конкретный предмет: *palāça* m. «лист», *çāñkha* m. п. «раковина», *dūp-dubhi* m. f. «барабан», *ajīna* п. «кожа, мех», *kambala* m. п. «ткань» и др.

Денотативное значение данной группы слов конкретное.

На основании этого, однако, нельзя предполагать, что решающую роль в значении сложного слова играет I элемент⁵. При выражении конкретных представлений об окружающей действительности, когда в одном сложном слове соединяются слова с конкретным и отвлеченным значением, I элемент (конкретное значение) не играет главенствующей роли, так как II элемент может существовать в том же контексте и без I элемента, не изменяя значения всего высказывания. Мы вполне можем сравнивать I элемент по его значимости, по назначению в предложении с именем прилагательным. Значение II элемента не меняется, как не меняется значение слова при наличии к нему определений — прилагательных.

В таком же отношении находятся и элементы сложного слова, обозначающего лицо, с той только разницей, что оба элемента сложения в подавляющем большинстве случаев обозначают одушевленный предмет. Следовательно, вопрос о соотношении значений I или II элемента не может ставиться так, как он стоял в случае соединения существительных конкретного и абстрактного значений. При обозначении лица II элемент представлен, разумеется, очень ограниченным кругом слов: *ātma-jā* m. «сын», — *ā* f. «дочь», *kāpuā* f. «дочь»; *guru* du. «родители», s. m. «отец»; *nandana* m. «сын, потомок»; *pati* m. «господин»; *putra* m. «сын», -*ī* f. «дочь»; *gājan* m. «царь».

В I элементе преобладают имена собственные, слова *pgra*, *gājan* (форма *gājā*); в названиях богов — отвлеченные существительные, такие, как *lōka* m. «мир»; *prajā* f. «люди»; *dharma* m. «правда, закон» и т. п.

С точки зрения большей или меньшей конкретности определения, выраженного в I элементе, обозначения лиц распадаются на две группы: а) точно определенное название лица там, где определением является имя собственное, географическое название: *daksanaputrās* «сыновья Дакши»; *satyavatīsutah* «сын Сатиявати»; *madrāgājan* «царь Мадров»; б) общее название

⁵ Подобного взгляда придерживается целый ряд исследователей словосложения. Так, этой точки зрения придерживается, например, М. Д. Степанова, исследовавшая аналогичные явления на материале немецкого языка (Степанова 1953).

лица там, где I элемент не имя собственное или географическое название: *prātmajā* «ребенок царя»; *nagādhipātmajā* «дочь героя-царя»; *prajāpati m.* «господин людей».

Сложные слова с последним элементом — с непроизводным или с десубстантивным существительным — очень ограниченно представлены в группе слов научно-религиозной тематики: только в словах из области поэтического творчества. Здесь II элемент — существительное абстрактного значения (*kuṭa p. m.* «количество», *ātman m.* «дух»), а I элемент — слова, такие, как *čloka*, *veda*, или абстрактные научные понятия (*samgraha*, *adhyāya* и т. п.).

Сложные слова с последним элементом — отлагольным существительным — встречаются в очень небольшом количестве среди слов с общественно-бытовой тематикой и образуют основную массу сложных слов, обозначающих научно-религиозные понятия. Семантика глагола и отлагольного имени тождественна. Глагол и отлагольное существительное выступают в различной роли в предложении, но за ними кроется одинаковое понятие, понятие процесса, действия, длящегося во времени. Поэтому мы ожидаем в отношениях элементов сложного слова с последним отлагольным элементом глагольно-объектные отношения. В словах с общественно-бытовой тематикой мы встречаем, во-первых, такие отношения, как в конструкции с объектом: *dhānōtsarga* «раздавание даров»; *gōhastyāçvadhana* «раздавание коров, слонов и лошадей»; *kathinabharā* «взятие сосуда». Во-вторых, как в конструкции, обозначающей место или направление, например: *vanavara* «жительство в лесу»; *pādābhivādana* «поклон к ногам»; *vrksaçākhāvalambina* «вешение на ветку дерева».

Глаголы, лежащие в основе отлагольных существительных, обозначают конкретное действие и состояние. Взятые без приставок, это, например, такие глаголы, как *dhā* «ставить, класть, давать, делать»; *bhar* «носить, держать»; *lamb* — caus. «вешать»; *vas* «жить, обитать»; *sarj* «пускать» (с приставками — «бросать», «делать») и т. п. Эти значения сохраняются и в отлагольном существительном. Почему сложные слова с последним элементом — отлагольным существительным — употребляются в языке чаще, чем то же отлагольное существительное в падежной конструкции, объясняется тем, что перед нами описательная конструкция. Выражение связанного с отлагольным именем члена предложения способом основосложения может быть объяснено стремлением избежать нагромождения и повторов падежных форм.

В сложных словах, обозначающих научно-религиозные понятия, отлагольные существительные как II элемент абстрактны, например: *vrtti f.* «образ действия, поведение»; *çāstra p.* «наука»; *çila p.* «существо, природа»; *sthāna p.* «местопребывание» и др.

У подобных существительных теряется связь со значением конкретного действия, часто вообще теряется связь с глаголом. Почему — объясняет характеристика этих глаголов. Они — полисемантические, сохранившие свое конкретное значение наряду с цепью значений отвлеченных. Ниже даются некоторые значения глаголов, от которых образованы приведенные выше пять существительных: 1) *i* «идти, попадать, просить, протекать» и мн. др.; *ati*° «переступать, нарушать»; *adhi*° «узнавать, учить, произносить»; *api*° «посещать, участвовать» и т. д. 2) *vart* «вращаться, протекать, случаться, становиться, быть, возникать, жить, состоять, проживать, пребывать, приниматься за дело, вести себя, значить» и т. д. (там, где многообразие значений видно и без соединения с приставками, последние не приводятся); 3) *çās* «наказывать, господствовать, управлять, приказывать, указывать, преподавать, обучать, сообщать»; 4) *ci* «лежать, спать, засыпать...»; *adhi*° «спокоиться на..., обитать»; *ragi*° «располагаться вокруг»; *sam*° «сомневаться, быть другого мнения»; 5) *sthā* «стоять, вступать, останавливаться, оставаться, заниматься чем-либо, быть, находиться, принадлежать, служить, возникать из...». Отвлеченные значения этих глаголов и лежат в основе рассматриваемых существительных, значение же это у самого глагола выступает в узко ограниченных рамках контекста.

Часто отглагольное имя, либо омонимичное глагольной основе, либо выступающее в форме причастий, употреблено для обозначения нового понятия и, закрепившись за ним, по своей новой семантике не воспринимается больше как имя отглагольное, например: *samksēpa* т. «итог» (*Mbh.* I, 91) — *ksip* «бросать, направлять, нарушать» — *samksip* «уменьшать, сокращать»; *aubda* т. «стих» (*Mbh.* I, 48) — *uṣṭi* «запрягать, напрягать, соединять, снабжать, сосредоточиваться».

Факт большей или меньшей смысловой связи с глагольным корнем вскрывается в отношениях между компонентами сложного слова. Если связь живая, мы имеем зависимость между I и II элементами, соответствующую глагольно-объектной, например *cātūrvargyavidhāna* п. «упорядочение четырех каст», *samhitājñāna* п. «знание Самхиты».

Если же семантическая связь II элемента с глаголом побледнела, прервалась, то отношение I элемента ко второму будет отношением слова уточняющего, определяющего значение второго элемента, т. е. существительного. Например, *çṛutisamksepaḥ* т. «итог песни», *lokagarbhagṛham* т. п. «храм начала мира». Количество слов, обозначающих отвлеченное понятие и сохранивших живую связь с глаголом, невелико. Слова, утратившие связь с глаголом, преобладают.

Как видим, существительные *taṭpurusa* являются распространенным явлением, охватывающим основные лексические

слои языка (общественно-бытовые, научно-религиозные представления, обозначения людей и богов).

I элемент сложных слов, будучи непременно именем существительным (общий признак сложных слов типа *taṭpurusa*), может быть существительным конкретным, абстрактным или обозначением лица и не является решающим ни в определении отношений между элементами сложного слова, ни в общем его значении.

Рассмотрение II элемента существительных *taṭpurusa* с точки зрения производности и непроизводности показывает, что преобладают непроизводные существительные или производные от глаголов, но потерявшие живую семантическую связь с ними. Непроизводность или производность II элемента находится в зависимости от принадлежности существительного *taṭpurusa* к одной из трех намеченных семантических групп.

Большинство рассмотренных слов *taṭpurusa* вскрывает отношения между I и II элементами как отношения определения к определяемому, что находится в соответствии с возможностями II элемента — существительного — выступать в предложении в атрибутивной связи с другими словами. Считаем возможным высказать предположение, что перед нами иногда выступают случаи сохранения имени, недифференцированного на существительное или прилагательное, и сложное слово является одним из способов выражения атрибутивных отношений в санскрите.

Чтобы решить вопрос о правильности или неправильности подобного предположения, надо было исчерпывающим образом рассмотреть возможные способы выражения атрибутивных отношений как при помощи основосложения (*karmadhāraya* с последним элементом — существительным) и сложных прилагательных (*taṭpurusa* и *karmadhāraya* с последним элементом — прилагательным, *bahuvrīhi*), так и при помощи простых слов (прилагательные, существительные в родительном падеже, приложение). Рассмотрение не только дало ответ на вопрос об отношении между элементами *taṭpurusa*-существительных, но и вскрыло наличие закономерностей, существующих в санскрите для выражения атрибутивных отношений.

При рассмотрении непроизводных прилагательных было установлено, что в санскрите имеются прилагательные качественные и очень небольшая группа прилагательных относительных. В гимнах «Ригведы» относительные прилагательные отсутствуют, в эпическом санскрите они представлены небольшой группой, которая значительно разрастается в санскрите классическом за счет образования префиксальных прилагательных. Например, образования с префиксом *«sa»* в исследованных эпических текстах встречались крайне редко, а в одном только 1-м действии пьесы Калидасы «Шакунтала» — около 30 раз (см. Čāk. 1, 2, 8, 9, 10, 12, 12, 12, 13, 17, 18, 21, 21, 21, 21, 22, 23, 24, 24 и др.).

Полное отсутствие притяжательных прилагательных и лишь складывающиеся в пору эпического санскрита прилагательные относительные — факт, свидетельствующий о том, что определение предмета через принадлежность, а также определение через отношение к признаку другого предмета осуществлялось в древнеиндийском языке каким-то иным способом.

Рассмотрение приименного родительного падежа как одного из способов определения показало, что сфера употребления приименного родительного падежа в санскрите ограничена. Родительный падеж обозначает только происхождение, принадлежность и лишен значений, наблюдаемых у родительного падежа в ряде других языков. Например, родительный падеж качества или определительный русского языка совершенно чужды санскриту. Предложение «Человек большого ума, большой наблюдательности, он бездну видел, слышал, помнил» (Герцен «Былое и думы»)⁶ в случае передачи средствами древнеиндийского языка не могло бы содержать родительный падеж. Употребление в санскрите родительного падежа только в значении принадлежности не делает его, однако, универсальным способом выражения притяжательности, так как ограничено не только его значение, но и семантические группы слов, употребляемые в родительном падеже. Любое по значению существительное в родительном падеже употребляться не может. Падеж этот является падежом существительных, обозначающих лицо⁷. Предположение, что может быть когда-то употребляемые в родительном падеже слова иных значений в препозитивном положении «срослись» в сложное слово, является противоречащим наблюдающимся в эпическом санскрите фактам. *Tatpurusa*-существительные в исследованных текстах не обнаруживают признаков, которые бы свидетельствовали, что подобные сложные слова возникли на основе синтаксических конструкций с родительным падежом. То есть бросается в глаза отсутствие среди *tatpurusa*-существительных так называемых *uneigentliche Composita*. Приводимые некоторыми исследователями сложные слова с I элементом в форме родительного падежа отмечаются самими исследователями как редчайшие случаи (Whitney 1973: 483—484; Wackernagel 1957: 246—247) и, собственно, представляют явления, очень поздние по образованию. Следовательно, родительный падеж в санскрите лишь иногда употребляется как выразитель притяжательности и никогда не выступает как средство определения через отношение к другому предмету.

⁶ Пример взят из кн.: Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947. С. 183.
⁷ Это хорошо иллюстрирует следующая сутра:

naksatrabhūsanam candro|narīnam bhusanam patīḥ
prthivībhūsanam rāja|vidya sarvasya bhusanam

«украшение звезд (сл. сл.) — луна, украшение жён (род. пад.) — муж,
украшение земли (сл. сл.) — раджа, знание — украшение каждого
(род. пад.).»

Все это приводит к заключению, что сложные слова *taṭpurusa*-существительные, обозначающие общественно-бытовые представления, являются архаичным способом выражения определения предмета через отношение к другому. Это такие слова, как: *ṛapaśabda* «шум листьев», *çañkhadundubhinisvāñḥ* «звук раковин и барабанов», *yuddhakaṭalam* n. «опытность в бою», *gurubhakti* f. «преданность родителям», *bhartṛsnēha* m. «любовь к мужу» и мн. др. Мы говорим об архаизме подобных сложных слов, однако это не значит, что данные слова сами по себе очень древние. Архаичен тип основосложения, при котором слово, обозначающее общественно-бытовые представления человека, определяется через отношение к конкретному предмету или лицу. В качестве I элемента употребляются только непроизводные имена существительные с конкретным значением, которые в своей массе представляют наиболее древний лексический слой языка. Этот факт и приводит к заключению, что в *taṭpurusa*-существительных первоначально отражалась недифференцированность имени на существительное и прилагательное. «Различие между существительным и прилагательным в языке, доступном наблюдению, в историческое время, уменьшается по направлению к прошедшему... В сущности в том же направлении от нас увеличивается атрибутивность», — пишет Потебня. (Потебня III: 43).

Своеобразие развития имени в древнеиндийском состоит в том, что первоначально недифференцированное имя закрепилось в языке как имя существительное при отсутствии развития имени прилагательного. Это привело к тому, что основосложение *taṭpurusa* с последним элементом — существительным, т. е. соединение двух имен существительных, стало синтаксическим способом выражения атрибутивности. Такой способ имеет место и в сложных словах *taṭpurusa*, обозначающих научно-религиозные представления. По своей тематике они предполагают более позднее происхождение, что подтверждает и характер их II элемента, являющегося в большинстве случаев производным от глаголов. При ослаблении семантической связи с исходным глаголом и переходом в разряд имен существительных эти отглагольные существительные приобрели способность вступать в отношения с другими словами, которые свойственны именам существительным, т. е. в атрибутивные отношения. Определение через отношение к другому предмету или понятию у слов, являющихся наименованиями отвлеченных понятий, осуществляется тем же, уже сложившимся в языке, способом сложения именных основ. Образование *taṭpurusa* с отвлеченным значением можно было бы объяснить аналогией с подобными же *taṭpurusa* конкретного значения только в начальный период возникновения отвлеченных *taṭpurusa*. Для периода же эпического санскрита в случае образования *taṭpurusa* следует говорить уже

об определенной, сложившейся модели, которая действует во всех без исключения случаях выражения определенных смысловых связей между словами в предложении. Так, для выражения определения через отношение образованы, например, такие существительные *taṭpurusa*, как *puāyačikṣā* f. «наука логики», *çṛutisamksēra* m. «итог песни», *uṛgaksaya* m. «конец мира», *dharmačāstra* n. «свод законов» и мн. др.

В группе слов, обозначающих научно-религиозные представления, имеются и такие слова, как *vēdāyōga* m. «стих Веды», *nāmīsāranya* n. «лес Наймиша» и подобные, в которых выражено определение, приближающееся к определениям именами собственными в качестве I элемента в группе *taṭpurusa*, обозначающих людей и богов.

Существительные *taṭpurusa*, обозначающие людей и богов, по значению своих элементов ясно показывают на выражение в них происхождения от определенного лица, принадлежности определенному лицу, народу: *lōmaḥarṣanapuṭra* «сын Ломахаршаны», *prātmaja* «царское дитя», *madragāja* «царь Мадров» и др.

На это же указывают и такие сочетания, как па тē *vīcēsaḥ* *putrēsu svēsu pāndusutēsu vā* «нет мне различия в своих сыновьях и в сыновьях Панду» (*Mbh. I*, 142).

При отсутствии в санскрите притяжательных имен прилагательных ясно, что определение через принадлежность выражается способом основосложения *taṭpurusa*, обозначающих людей и богов. Такие сложные слова не являются синонимами с родительным падежом, функцией которого тоже является обозначение принадлежности, как указывалось выше. Анализ определяемого существительного устанавливает, что у различных по значению слов существуют различные способы выражения определения через принадлежность: у существительных с абстрактным и конкретным значением существительное-определение стоит в родительном падеже, у существительных, обозначающих лицо, существительное-определение соединено с определяемым по типу *taṭpurusa*.

Общим способом выражения притяжательности независимо от значения определяемого является лишь сочетание с притяжательным местоимением *sva*. При поверхностном рассмотрении оно по форме I элемента относится обычно к *karmadhāraya*, тогда как по значению примыкает к *taṭpurusa* лица и родительному принадлежности.

Следует вспомнить, что когда обозначается принадлежность без употребления притяжательного местоимения, то определение выступает как указание на того, кому принадлежит предмет, следовательно, является, как правило, обозначением лица. Лицо обозначается именем существительным или личными—указательными местоимениями. В эпическом санскрите наблю-

дается факт обычной нессоединяемости этих местоимений в сложное слово. Из местоименных образований в сложных словах встречаются только основы 1-го лица mad- и 2-го лица tad-.

Несоединяемость местоимений в сложное слово расширяет сферу употребления родительного падежа. Характеристика не только предмета, но и лица через его принадлежность выражается конструкцией с родительным падежом в случае, если выражается принадлежность лицу, обозначенному не именем существительным, а местоимением. При этом за родительным падежом личных местоимений, употребляемых для обозначения принадлежности, закрепляется постоянное место в зависимости от значения определяемого слова: при определении лица они стоят после, при определении неодушевленного предмета — перед именем существительным.

Итак, когда речь идет об имени собственном или географическом названии, а также о существительных, обозначающих лицо, иногда и об отвлеченных существительных, употребляемых в качестве I элемента сложного слова, II элементом которого является обозначение лица, то имеет место способ выражения принадлежности. Слова *tatpurusa*, обозначающие лицо, несомненно, являются столь же архаичными, как и рассмотренные выше *taṭpurusa*.

Если появление группы относительных прилагательных позволяет предполагать эволюцию, совершающую *taṭpurusa* как способом относительного определения, то о пути развития *tatpurusa* как способе притяжательного определения на материале эпического санскрита говорить нельзя. Там он является единственным способом выражения принадлежности при характеристике лица. Но то, что он закрепился за обозначением лиц и что лично-указательные местоимения не являются I элементом сложного слова, обозначающего принадлежность, свидетельствует о длительной истории развития сложных слов *taṭpurusa*, обозначающих принадлежность. В результате развития тип *taṭpurusa*, обозначающих принадлежность, поделил свою функцию с родительным падежом, когда обозначалась принадлежность предмета или явления, и почти выключил из своего состава сложные слова с I элементом — местоимением. Факты возникновения *taṭpurusa* притяжательных уже после сформирования категории указательных местоимений и существования соединений с местоимениями показывает хотя бы такое слово, как сам термин *taṭpurusa* — «его человек». Пережиточные явления при обозначении притяжательности встречаются и при характеристике явления через принадлежность лицу, где I элемент должен был бы уже стоять в форме родительного падежа, например: *bhīmāṛjunabālēna* (*Mbh.* I, 129) «силой Бхимы и Арджуна»; *nāradavacō* (*Mbh.* III, 298, 7) «слово Нарады».

С другой стороны, при очень общей характеристике лица

и́ногда возможно е́го определение родительным падежом, осо-
бенно если определение представляет сложное слово, напри-
мер *ragāvagānām srastāram* (Mbh. I, 23) «создателя (Аkk.)
близкого и далекого» (т. е. «всего»).

Отклонения от установленных закономерностей при выраже-
нии способом основосложения *taṭprusa*-определений, как через
отношение (у неодушевленных предметов), так и через принад-
лежность (у одушевленных предметов) объясняются во мно-
гом одними и теми же причинами и поэтому будут рассмотрены
вместе.

Отклонениями считаются: 1) образование сложного слова с
числом членов, большим, чем два; 2) необразование сложного
слова там, где оно должно было бы существовать, согласно вы-
шеуказанным правилам образования существительного *taṭprusa*. Эти отклонения наблюдаются, если есть дополнительные
определения как к определяющему, так и к определяемому
слову.

Определение к определяющему слову, т. е. к тому, которое
может быть I элементом сложного слова, не препятствует об-
разованию сложного слова, если определение к I элементу та-
кого же порядка, как и определение, выражаемое самим I эле-
ментом ко II элементу *taṭprusa*. То есть тогда возможно трех-
членное сложное слово, как бы состоящее из двух *taṭprusa*,
например: *vākyajātivīcēśāç* (Mbh. I, 69) «особенности видов ре-
чи»; *lōkagarbhagrham* (Mbh. I, 87) «храм начала мира» (см.
еще: Mbh. I, 49, 69 и др.). Усложненный характер построения
подобных слов объясняется возникновением их для обозначе-
ния научно-религиозных представлений, а также при образном,
метафорическом употреблении сложных слов в поэтических
сравнениях. Например, *riगापरुग्नाकृतिज्योत्सनाह प्रकाषिताह नृबुद्धिकैरवापांसा कृतमेताप्रकाशनम्* (Mbh. I, 96)
«(лунный) свет преданий обнаружился прежде бывшим пол-
ным месяцем — и засветился лотос человеческой мысли» (*kaiга-*
па п. «белый цветок лотоса, раскрывающийся ночью»).

Если определение к определяющему слову является иного
порядка, т. е. не характеризует предмет через отношение к
другому предмету, то сложное слово образоваться не может.
Например, *ajñānatimirāndhasya lōkasya tu vicēṣṭataḥ jñānāḥ* (Mbh. I, 84) «от знания мира, неизвестного, темного, слепого,
изменяющегося...».

Остановимся на дополнительных определениях к определя-
емому слову. При определении ко II элементу сложное слово
может сохраняться, если новое определение стоит после слож-
ного слова. Сложное слово не сохраняется, если определяемое
характеризуется причастием (простым или распространенным
орудийным или винительным падежами) или сложным словом-
прилагательным:

ītihāsapūgānām tūmēsaṁ nīrmītañcā... (Mbh. I, 63) «и воз-
вёденное здание сказаний и пурाण...»; lēkhakō bhāratasyāsyā
bhava tvam ganapāyaka/tayaiva prōcyatānasya manasā kalpi-
tasya ca (Mbh. I, 77) «будь ты писцом этой бхараты, о Ганеша,
мною впервые сказанной и умом (мыслью) созданной»; divāḥ
putrōbr̥hadbhānuç (Mbh. I, 42) «имеющий сильный блеск сын
бога».

Не случайно определительные конструкции, приводимые в качестве примеров отклонения от нормального образования, взяты в основном из «Первой песни» (*ādiparva*). Созданная позже большинства песен эпоса *Mahābhārata*, «Первая песня» обладает всеми качествами усложненной, научной поэзии на санскрите. Представляющая по содержанию вступление и краткий обзор песен эпоса, «Первая песня» снабжена множеством стилистических украшений и искусственных синтаксических конструкций (см. еще: Mbh. I, 45, 64, 82 и многие другие).

В противоположность «Первой песне» язык, например, третьей песни в массе своей не является «ученым» санскритом и почти не дает материала для иллюстрации аномальных случаев при выражении определения через отношение или принадлежность.

Итак, рассмотрение существительных типа *taṭpurusa* в системе древнеиндийского языка показало:

1. Существительные *taṭpurusa*, обозначающие конкретный предмет или абстрактное понятие, являются архаичным способом выражения относительного определения. Возникновение этого способа восходит к времени недифференцированности имени на существительное и прилагательное. Создавшийся первоначально у слов с конкретным значением, более ранним в языке, способ этот как установившееся средство выражения определения через отношение распространился и на слова с отвлеченным значением. Правильность этой точки зрения доказывают следующие факты: отсутствие относительных прилагательных, возникающих позже в незначительном количестве; отсутствие у родительного падежа в санскрите значения отношения; отсутствие каких-либо внешних признаков, указывавших бы на возникновение рассматриваемых *taṭpurusa* из синтаксических конструкций (почти полное отсутствие в исследованных текстах так называемых *uneigentliche Composita*).

2. Существительные *taṭpurusa*, обозначающие одушевленный предмет, выступают как способ посессивного определения лица, если наименование владельца выражено существительным, а не местоимением. О длительности развития таких *taṭpurusa* свидетельствует унификация характера слов, употребляемых как I и II элементы. Правильность сделанного заключения доказывают: полное отсутствие непроизводных притяжательных прилагательных в санскрите; установившееся за родительным

падежом, имеющим в санскрите значение принадлежности, употребление его только при определении абстрактных явлений или конкретных предметов; исчезновение сложных слов с местоименным I элементом и почти полный переход их в конструкцию с родительным падежом.

3. Незначительные отклонения от установленных закономерностей образования существительных *taṭpuruṣa* объясняются в большинстве случаев наличием дополнительных определений к I или II элементам сложного слова. При этом в одних условиях образуется трехчленное сложное слово, в других — сложное слово заменяется конструкцией с родительным падежом. Оба явления имеют место только в усложненных текстах классического санскрита.

Анализ эпического санскрита полностью подтверждает сделанные выше выводы.

В заключение остановимся на группе слов *taṭpuruṣa*, образованных, как и рассмотренные выше, по модели S' осн.+S" осн., но в которых II элемент сложения при употреблении в составе сложного слова изменяет свое значение и приближается по роли к суффиксальной морфеме. Подобные *taṭpuruṣa* крайне немногочисленны, неоднородны по составу и являются фактами исключительными. Они не представляют общей тенденции развития слов *taṭpuruṣa* в эпическом санскрите, но при общем исследовании сложных слов заслуживают упоминания. II элемент таких *taṭpuruṣa* выражен двумя группами существительных.

В первую группу включаются существительные, входящие в состав сложного слова как определения и изменяющиеся соответствующим образом по падежам: а) *vakyat...* *tēsam* *ca caritāçrayam* (*Mbh.* I, 8) «речь..., относящуюся к их образу жизни»; *āçraya* т. 1) «опора, поддержка» 2) «основа...» и другие значения — см. СРС. 103, в составе сложного слова — как определение со значением «относящийся к...»; б) *mrgayāçilō* (*Mbh.* I, 110) «(он) — любящий охоту, склонный к охоте...»; *çīla* п. 1) «характер, нрав» 2) «привычка, правило» и др. — см. СРС. 648, в составе сложного слова — «склонный к..., способный к...».

Во вторую — существительные, входящие в состав сложного слова в ограниченно-неизменяемых формах и приближающиеся по значению и по функции к словам предложно-наречного типа: а) *apaṭyārthaḥ* (*Mbh.* III, 294, 15) «ради потомства» (см. еще: *Mbh.* I, 18, 57, 74 и др.); *artha* п. (т.) 1) «цель» и мн. др. значения — см. СРС. 70 (следует заметить, что в ряде сложных слов *artha* выступает и как существительное); б) *manvādi* «начиная с Ману...» (*Mbh.* I, 52); *ādi* т. «начало» — СРС. 92, в составе сложных слов выступает в застывшей форме *°ādi* со значением «начиная с...» (см. еще: *Mbh.* I, 52 — 2 примера, а также грамматические термины, обозначающие классы глаголов: *bhvādi*,

divādi, *tudādi*, *curādi* и пр.); в) *janmaprabṛti* «начиная с рождения...» (*Mbh.* I, 72); *prabṛti* 2) f. «начало» — СРС. 434, в составе сложных слов — «начиная с...»⁸.

Рассмотренные *taṭpūrusa* интересны как указание на возможную эволюцию этого вида сложных слов в сторону изменения, частичной грамматикализации значений II элемента, что приводит и к изменению его функции внутри сложного слова. Однако вопрос о такой эволюции и связанный с ним анализ необходимых предпосылок, заложенных в значении слова как II элемента, а также в связи с этим и ряд других вопросов выходят за рамки исследования основосложения в синхронии.

2. Существительные *karmadhāraya* образованы по модели *Adj.* осн.+*S* осн. Отличительный признак таких *karmadhāraya* — соединение прилагательного с существительным — предполагает, что главным в сложном слове является значение II элемента. Поэтому смысловую характеристику *karmadhāraya* мы начнем с рассмотрения значений имени существительного, являющегося II элементом.

Наиболее многочисленной будет группа существительных абстрактного значения: *mahāddivyam* (*Mbh.* I, 30) «великое чудо», *anādinidhana* (*Mbh.* I, 40) «бесконечная смерть», *vistrakriya* (*Mbh.* I, 62) «подробное исполнение» и многие другие (см., например, *Mbh.* I, 25, 54, 57, 59, 65, 72, 86, 91, 100, 101, 108, 109, 113, 137, 139). Уступают по количеству словам с абстрактным значением слова *karmadhāraya* со II элементом, обозначающим человека: *maharsi* (*Mbh.* I, 2) «великий риши», *paramesti* (*Mbh.* I, 32) «высший владыка», *vedavyasa* (*Mbh.* I, 76) «мудрый Вьяса» и др. (см. *Mbh.* I, 17, 25, 28, 47, 126 и т. д.).

Существительные с конкретным значением в качестве II элемента составляют очень маленькую группу. Это такие слова, как *mahādruma* (*Mbh.* I, 108, 109) «большое дерево», *čuskavṛksa* (*Mbh.* III, 298, 79) «сухое дерево», *medhyāganya* (*Mbh.* I, 113) «священный лес» и некоторые другие.

Вопрос о смысловой характеристике I элемента рассматриваемых слов *karmadhāraya* связан с вопросом о том, какой частью речи он выражен.

Наиболее часто I элемент выражен прилагательным непроизводным или производным. Непроизводные прилагательные преобладают, однако круг их значений крайне ограничен: *mahā* «большой, великий», *ragata* «высший, лучший», *vicitra* «различный» и некоторые другие. Все это — прилагательные с отвлеченным значением, определяющие абстрактное понятие, иногда лицо. Лишь в единичных случаях эти прилагательные

⁸ Близки к подобным образованиям с застывшей формой II элемента слова с отглагольным II элементом -krte: *matkrte* (*Mbh.* III, 298, 92) «из-за меня...» krta pp. от kar, krte — местный падеж.

соединены со словом конкретного значения. Производные прилагательные связаны с существительным по конверсии (например, *deva* «бог» или «божественный») или образованы от него при помощи суффикса (*satyānta* m. (n) «действительный конец» — *sat* p. «бытие»; *medhyaranya* p. «священный лес» — *medha* m. «жертвоприношение (животного)»; *divyamapusa* «божественный человек» — *div* m. f. «небо»). Имеется очень ограниченный круг слов *karmadhāraya*, где существительное выступает как приложение: *kanyāratnā* f. «девушка-сокровище», *rājarsi* m. «царь-мудрец», *ruruśarṣabha* m. «человек-бык», *deveṣa* m. «бог-владыка» и т. п.

После слов с I элементом прилагательным наиболее многочисленными являются *karmadhāraya* с I элементом отглагольным. Он семантически может быть связан с глаголом, имеющим абстрактное значение (*vedavyāsa* «мудрый Вьяса» <*vid*, pf. *veda* «знать»; *bhūtasarga* «существующее создание» <*bhū*, pp. *bhūta* «быть»), или с глаголом, имеющим конкретное значение «снабдить объект определенным качеством или видоизменить его» (*brhadanda* n. «сильное яйцо» *barh* 2. осн. наст. вр. *br̥ha* «укреплять, усиливать»; *rūgpaśandra* m. «полный месяц» — *par* 1. pp. *rūgpa* «наполнять, насыщать»). Подобные определения, получив в языке очень широкое распространение, приближаются к прилагательному, и границы между ними расплывчаты. Бывает, что I элемент ясно выражает формальную связь с глаголом, но семантическая связь между ними утеряна, например *hitakāmyā* f. «добroe желание», *hita* — pp. от *dhā* «ставить, класть, давать» и т. п. Изредка I элемент *karmadhāraya* выражен местоимениями *sva* и *sarva*. *Sva* употребляется главным образом при словосложении и представляет полную аналогию с употреблением прилагательного в словах *karmadhāraya*: *svadharma* m. «свой долг», *svapura* m. «свой город». *Sarva* употребляется с отвлеченными существительными: *sarvātman* m. «вся душа», *sarvaçakti* f. «вся сила» и т. п.

Существительные *dvigu* (модель Num. осн. + S осн.) очень немногочисленны и близки по типу образования к *karmadhāraya*. II элемент их обычно существительное непроизводное: *triloka* «три мира», *tribhāga* «третья часть»; *saptaratra* «семь ночей (неделя)», *çatuprāh* «сто сыновей» и др. I элемент, числительное, обозначает количество (*triloka*) или часть (*tribhaga*). Производное от глагола существительное встретилось лишь в слове *dvija* m. «дваждырожденный», *dvi* <*dva*. *Dvija* выступает как существительное самостоятельно или в составе сложного слова, например *ityāhurgtām dvijātayaḥ* (Mbh. III, 294, 16) «так сказали мне дваждырожденные» или... *dvijanisēvitam* (Mbh. I: 12) «(священные места), занимаемые дваждырожденными». Немногочисленность слов *dvigu* позволяет ограничиться пока

лишь их описанием, тогда как рассмотренные ранее слова *karmadhāraya* позволяют прийти к ряду заключений.

Существительные *karmadhāraya* представлены главным образом словами с абстрактным значением, меньше встречаются при обозначении лиц и крайне немногочисленны при обозначении конкретных предметов. I элемент (определение) чаще всего выражен непроизводными прилагательными с ограниченным кругом отвлеченных значений. Производные от существительного или от глагола в качестве I элемента также имеют в большинстве случаев отвлеченное значение.

Существительные *karmadhāraya* и синтаксические конструкции имени прилагательного и существительного не являются, как показало исследование, синонимичными. При употреблении как в составе сложного слова, так и в синтаксической конструкции в основном прилагательных качественных они представляют различие.

Часть прилагательных, встретившихся как I элемент *karmadhāraya*-существительного, употребляется самостоятельно в видоизмененной форме, но значительно реже, чем в составе сложного слова. Это такие прилагательные, как *mahā-*, рагама и некоторые другие, *Mahā-* «большой, великий» — самое употребительное прилагательное в сложных словах *karmadhāraya*, и на нем следует остановиться подробнее. Несмотря на употребление с различными по значению существительными, прилагательное *mahā-* не обнаруживает колебаний в значении. В случае самостоятельного употребления встречается суффикс *-ant*. Прилагательное *mahā-* характерно для эпического санскрита, где сочетания с *mahā-* получили предельно широкое применение. В исследованных нами гимнах «Ригведы» *mahā-* не встретилось ни в самостоятельном употреблении, ни в составе сложного слова. В поздние периоды развития, в средне- и новоиндийских языках *mahā-* встречается только в словах *tatsama*. Например, в хинди-урду — *mahārāstra* m. «великое царство, государство маратов». Это не исключает нового переосмыслиния этого слова как «империя», *mahājan* m. «великий человек» переосмыслено как «банкир».

Рагама — прилагательное, в составе сложного слова близкое к значениям *mahā-*. Другие прилагательные в составе *karmadhāraya* отмечались в единичных случаях и стоят ближе к прилагательным, встречающимся лишь в самостоятельном употреблении и рассмотрение которых явилось бы излишним в нашем исследовании. Следует упомянуть лишь об их смысловом многообразии, особенно заметном при сравнении с прилагательными, входящими в состав *karmadhāraya*. Рассмотрение непроизводных прилагательных в составе существительных *karmadhāraya* свидетельствует об их эволюции. Как указывалось выше, сложным словом можно считать только такое, оба элемента которого существуют в языке в самостоятельном синтаксическом употреблении. В сложном слове *karmadhāraya*, в ко-

тором I элемент, несомненно, играет подчиненную роль по отношению ко II элементу, создается возможность перехода I элемента в префикс. Такую эволюцию проделали префикс *su-*, употреблявшийся в ведийском самостоятельно и в составе существительных *karmadhāraya*, и, видимо, префикс *dus-*. Об этом имеются свидетельства других древних индоевропейских языков (см.: Mayerhofer 1953—1976). Ограниченнность самостоятельного употребления прилагательных *tañā-* и *ragata* позволяет предполагать, что и они тяготеют к переходу в словообразовательный формант. Однако возможность перехода в префикс,ложенная в сложных словах типа *karmadhāraya*, могла бы реализоваться только при условии определенных смысловых изменений, происходящих в I элементе, о чем будет говориться несколько позже.

Прилагательные, производные от имен существительных, употребляемые самостоятельно, и прилагательные, встречающиеся в составе существительных *karmadhāraya*, представляют существенное различие.

У прилагательных, употребляемых самостоятельно, ясно обнаруживается наличие внешних признаков, свидетельствующих об их десубстантивном происхождении: суффикс *-ant* (*balavant*) и др., префиксы *sa-*, *vi-* (*saruja*, *vinidra*) и др., и только в очень редких случаях прилагательное и существительное связаны по конверсии.

Прилагательные, употребленные в составе *karmadhāraya*, в большинстве своем связаны с именем существительным по конверсии: *phala* «плод» и *phala* «плодоносный, плодородный»; *hiranya* «золото» и *hiranya* «золотой». Поэтому вне соединения в сложном слове и, главное, вне контекста слово может и не восприниматься как прилагательное. В этом отношении группа существительных *karmadhāraya* приближается к группе *tañirusa*, обозначающих неодушевленный предмет и служащих способом относительного определения.

В рассматриваемых *karmadhāraya* выступает первоначальное недифференцированное на существительное и прилагательное диффузное состояние имени. В отличие от *tañirusa*, где имя — I элемент — закрепилось в языке как имя существительное, в данных *karmadhāraya* значение I элемента функционирует в языке при самостоятельном употреблении как имя существительное и как имя прилагательное.

Таким образом, существительное *karmadhāraya* представляется столь же древним типом основосложения, как и рассмотренные ранее *tañirusa*. *Karmadhāraya* не представляют единства по характеру присоединяемых как I элемент определений: прилагательные, омонимичные с существительными, или прилагательные, функционально приближающиеся к префиксу, очень ограниченные по составу и по значению. Создается впечатление, что перед нами лишь часть существовавшего вре-

да-то типа основосложения, либо исчезающего, либо получившего применение на другом участке языковой системы. Сохранившиеся *karmadhāraya* являются способом определения абстрактного понятия, иногда конкретного предмета. Редко определяется лицо, причем при обозначении II элементом лица *karmadhāraya* в целом представляет застывшее название, титул: *mahārsi*, *brahmarsi*, *paramēsti*. Это свидетельствует о древности *karmadhāraya* и о непродуктивности этого типа основосложения. Интересно отметить, что небольшое количество слов *karmadhāraya* с обратным порядком элементов — так называемые «*anomale Composita*» (Whitney), являются в подавляющем большинстве случаев обозначением лица. Рассматривая их, мы приходим к заключению, что это самые поздние по времени образования слова. Они возникли из синтаксической конструкции существительного, обозначающего лицо, и прилагательного. Это доказывают следующие факты: обычное положение определения после определяемого лица, что и отразилось в данном типе слов: *pītāmāha* (Mbh. I, 32) «дед, прародитель»; употребление в *anomale Composita* таких прилагательных, которые встречаются и в самостоятельном употреблении. Сравним *sūtarpiya* (Mbh. I, 136) «любимый сын» и *so'bhiṇapu* *ṛgiyām bhāgūām* (Mbh. III, 298, 3) «он, подойдя к любимой жене...». Самостоятельному употреблению способствует необычное положение определения перед существительным, обозначающим человека (в данном случае в деепричастной конструкции).

К *anomale Composita* относятся все обозначения лица с прилагательным в превосходной степени и со значением «лучший»: *rājasattamāḥ* (Mbh. III, 294, 9) «лучший царь»; *nāgōttamāḥ* (Mbh. I, 4) (Аkk.) «лучшего героя» (см. еще: Mbh. I, 35, 92 и др.).

На вторичность образования таких *karmadhāraya* указывает нередко трехчленность слова, где I и II элементы — обычное слово *karmadhāraya*, например *brahmarsi* «брахманический риши», к которому затем присоединено прилагательное после II элемента: *brahmarsisattamāḥ* (Mbh. I, 35) «лучшие из брахманических риши». Так пополняется тип *karmadhāraya*, определяющих лицо.

Karmadhāraya, определяющие абстрактное понятие, пополняются употреблением в них в качестве I элемента отглагольного образования. Представленные в сложных словах формами *pp*, *prg*, *rp* или основой настоящего времени с суффиксальным образованием, они могли возникнуть в языке лишь позже. Отглагольные образования в самостоятельном употреблении в роли определений не столь разнообразны по форме (чаще всего — *prp*) и образованы, как было установлено ранее, от глаголов, обозначающих состояние, а также от глаголов абстрактного действия, говорения, восприятия, т. е. в первую очередь от не-

переходных глаголов, реже — от переходных. Отглагольные образования в составе *karmadhāraya* представляют в массе образования от переходных глаголов, обозначающих как абстрактное, так и конкретное действие. Образования от глаголов конкретного значения с приставками переосмысяются в абстрактное определение, в конкретное, с окачествлением обозначаемого глаголом действия (*barh* «укреплять, усиливать», *brhad* «сильный») или со сдвигом значения в причастии по сравнению со значением исходного глагола (*dhā* «ставить», pp. *hita* «хороший»). Значения отглагольных определений соответствуют функции *karmadhāraya* определять прежде всего абстрактные понятия.

Как известно, приближение значения причастия от переходного глагола к общекатегориальному значению прилагательных затруднено сохраняющимися в причастии грамматическими значениями залога, вида и времени. Можно предположить, что иногда употребление в составе *karmadhāraya* способствует новому, адъективному переосмыслению отглагольного образования по аналогии со старыми *karmadhāraya*. Очевидно, что *karmadhāraya* представляют неоднородный по составу и по времени образования тип сложного слова. Рассмотрение сложных слов *bahuvrīhi* поможет уяснению пути развития слов *karmadhāraya*.

РАЗДЕЛ III ОСНОВОСЛОЖЕНИЕ У ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Прилагательными могут быть слова типа *taṭpuruṣa*, *karmadhāraya* и *bahuvrīhi*. В атрибутивном словосочетании смысловое своеобразие прилагательного обусловлено семантикой определяемого. Это делает необходимым рассмотрение каждого из типов прилагательных *samāsa* в зависимости от общего значения того слова, которое они определяют, т. е. обязательным является исследование «внешнего контекста». При рассмотрении прилагательных в составе атрибутивных словосочетаний существенным моментом в их формальной характеристике является положение определения-прилагательного по отношению к определяемому.

1. Наиболее близок к рассмотренным ранее сложным словам тип сложных слов *bahuvrīhi*, в основе которых лежат *taṭpuruṣa*, *karmadhāraya* и *dvigu*.

Сложные слова *bahuvrīhi*, образованные на основе слов *taṭpuruṣa* по модели S' осн.+S" осн. → Adj., составляют приблизительно одну треть всех *bahuvrīhi*, причем являются определением человека чаще, чем определением отвлеченных понятий (отношение 3 : 1). Человек (или бог) определяется чаще со стороны внешнего облика: *kamalapatrāksa* (Mbh. I, 7) «о, имеющий глаза (в форме) листьев лотоса!»; *sūguya pāvaka varcasah... bhavanta* (Mbh. I, 15) «господа, имеющие блеск солнца и ог-

ня»; араçуат... purušam... pācahastam (Mbh. III, 298, 9) «...увидел человека, имеющего в руках веревку...»; aṅgūthamatram purušam (Mbh. III, 298, 17) «...человека величиною с дюйм» и др. Реже человек определяется со стороны личных качеств: ауам... gunasāgarah (Mbh. III, 298, 16) «этот... имеющий море (положительных) качеств»; sa dharmatmā (Mbh. III, 298, 98) «он справедливый...»; vyāsa... bhaktacintitapūrakah (Mbh. I, 75) «Вьяса, ...имеющий поток приобретенного и обдуманного»; tām... prajñācaksusam (Mbh. I. 147) «меня, имеющего оком рассудок» и др. Рассмотренные bahuvrīhi восходят к taṭpurusa-существительным, которые, как отмечалось выше, отличаются многообразием значений и неоднородным составом слов.

В bahuvrīhi, представляющих внешнее описание, II элемент taṭpurusa, лежащих в их основе, имеет значение конкретное (hasta m. «рука», aksi n. «глаз») и абстрактное (varcasa n. «свет», icamatā f. «подобие», mātra n. «мера»). I элемент конкретного существительного имеет всегда конкретное значение (pāça m. «веревка», patra n. «лист» и др.), у абстрактного — как конкретное (aṅgūtha m. «палец»), так и более отвлеченное (pāvaka m. «огонь», viḍhā f. «блеск» и др.). Более отвлеченные taṭpurusa, лежащие в основе bahuvrīhi, могут встретиться и самостоятельно. Taṭpuruṣa с конкретным значением, лежащие в основе bahuvrīhi, в самостоятельном употреблении не встретились. В bahuvrīhi как определениях со стороны личных качеств встретились taṭpurusa, отмечавшиеся в самостоятельном употреблении. II элемент у них обозначает отвлеченное понятие (ātman m. «дух», amṛaga n. «окружение», vrata n. «обет» и др.), I элемент может иметь отвлеченное значение или обозначать лицо (vidā f. «знание», dharma m. «закон», pati m. «муж, господин» и др.).

Bahuvrīhi на основе taṭpurusa, определяющие неодушевленный предмет, находят соответствие в намеченных группах taṭpurusa в словах, обозначающих предметы материальной жизни (arhanāni... manikāścanagathāni (Mbh. I, 130) «почести, представляющие собой подношения сокровищ из перлов и золота», или в группе слов с научно-философской тематикой (taṭsadasa-dātmaka (Mbh. I, 31) «это, имеющее природу (сущность) бытия и небытия»).

Сложные слова bahuvrīhi, образованные на основе слов karmadhāraya (т. е. по модели Adj. осн. + S осн. → Adj.), представляют самую многочисленную группу. Определяемым у этой группы bahuvrīhi является главным образом человек (70%), реже — неодушевленный предмет (абстрактный, иногда конкретный). Человеку может быть дана конкретная внешняя характеристика (внешность, одежда, украшения). Приведем не-

сколько примеров: *sa mahātejā* (Mbh. I, 61) «имеющий великий блеск»; *sā... kṛtañjalir varātōha* (Mbh. III, 294, 31) «она с пристально сложенными руками, прекраснобедрая»; *purusam rakta-vāsasam baddhamaulim...* ādityasamejasam... *raktāksam* (Mbh. III, 298, 8—9) «(увидела) человека в красной одежде, со сплетенным венцом, ...имеющего блеск, подобный солнцу, красноглазого...». По употребительности подобным словам приблизительно равна группа слов, представляющих характеристику со стороны личных качеств: *brahmaṇa...* *prīyatānaḥ* (Mbh. I, 60) «брахманы, имеющие приятные мысли»; *mahaujasah* (Mbh. I, 144) «о, имеющий великую силу!»; *rsinānca mahātmanām* (Mbh. I, 16) «и велиcodушных риши»; *sāvitrī... mahābhāgā* (Mbh. III, 298, 19) «Савитри, имеющая великую участь»; *ātmajo... samcītavrataḥ* (Mbh. I, 55), «он, имеющий тяжелый обет».

В первой из рассмотренных групп *bahuvgīhi*, представляющих конкретную внешнюю характеристику лица, прилагательные довольно разнообразны (*rājīva* «голубой», *pr̥thu* «широкий», *rakta* «красный» и др.) и употреблены с существительными конкретного значения (*īcana p.* «глаз», *çrōni f.* «бедро», *vā-sas* п. «одежда», *mauli m. f.* «венец» и др.).

Если I элементом является отлагольная форма (более редкий случай), то она образована от глагола с конкретным значением и сохраняет семантическую связь с ним, например *kar* «делать», *pp. kṛta* в слове *kṛtañjali m.*; *bandh* «связывать», *pp. baddha* в слове *baddhamauli m. f.*.

Связь этой группы *bahuvgīhi* с *karmadhāraya* состоит лишь в одинаковом принципе построения слова. По общему значению и по характеру I и II элементов слова *karmadhāraya*, лежащие в основе *bahuvgīhi*, далеки от существительных *karmadhāraya*, рассмотренных нами ранее.

Karmadhāraya, лежащие в основе второй группы *bahuvgīhi*, т. е. слов, представляющих внутреннюю характеристику лица, наоборот, очень близки к рассмотренным выше *karmadhāraya*, так как II элемент слова обозначает здесь только абстрактные понятия (*bhāga m.* «участь»; *manas* п. «мысль, ум»; *ātman* м. «дух, душа»; *ōjas* п. «сила» и др.). Эта близость подтверждается и I элементом, повторяющим возможные значения I элемента *karmadhāraya*-существительного (т. е. I элемент — прилагательные *mahā-*, *ragama* и подобные) или I элемент — абстрактное отлагольное образование, например *sidh* 2. «удаваться, преуспевать», *pp. siddha* в слове *siddhārtha m. n.* «достигнутое, удавшееся дело» (Mbh. III, 298, 58).

Таким образом, одни и те же слова *karmadhāraya* употребляются и самостоятельно и в сложном слове *bahuvgīhi* (но в составе сложного слова *bahuvgīhi* реже).

Bahuvgīhi, определяющие неодушевленный предмет, пред-

ставляют маленькую группу слов по сравнению с *bahuvrīhi*, определяющим лицо, и являются главным образом определением абстрактных понятий. Они образуются на основе *karmadhāraya*, II элемент которых — абстрактное существительное, а I элемент — прилагательное с отвлеченным значением или отглагольное образование: *sā vicitrārtha* (Mbh. I, 11) «она (песня.— В. К.), содержащая разнообразные дела»; *rtuliṅgāni pāṇḍāyāpāni* (Mbh. I, 39) «приметы времен года, имеющие различные формы» и т. п. Подобные *karmadhāraya* встречались в самостоятельном употреблении. Очень незначительную часть *bahuvrīhi* представляют слова, образованные на основе существительных *dvigu*.

Из наблюдавшихся слов часть является определением лица, а часть — определением к существительному с отвлеченным значением. Например: *daçaguṇāç... ātmajāḥ* (Mbh. I, 45) «в десять (раз более) многочисленные сыновья»; *ṛtam īkāksaram* (Mbh. I, 22) «односложное священное произведение»; *trividhañcayat* (Mbh. I, 48) «и которое трех видов»; *sāptapadam maitram* (Mbh. III, 298, 34) «говорят об основанной на семи шагах (т. е. нерушимой) дружбе» и др.

Bahuvrīhi стоит обычно в предложении после определяемого слова. Положение перед определяемым словом встречается в предложениях со сложной архитектоникой, которая обусловлена актуализацией в предложении определения-прилагательного (см., например, Mbh. I, 45, 46, 121 и др.), употреблением конструкции с родительным падежом, деепричастного оборота с последующим определяемым существительным (Mbh. III, 298, 109) или наличием перечисления, при котором часть определений стоит перед, а часть — после определяемого слова (Mbh. III, 298, 18).

Так как слово *bahuvrīhi* редко бывает единственным определением, то в большинстве случаев наблюдается дистантное положение его к определяемому, причем *bahuvrīhi* часто замыкает группу подлежащего или дополнения (см., например, Mbh. I, 25 и 107). Если слово *bahuvrīhi* — единственное определение, оно обычно стоит в контактном положении (см., например, Mbh. III, 298, 13).

Рассмотрение *bahuvrīhi* показало, что независимо от типа сложных слов, лежащих в их основе, *bahuvrīhi* являются главным образом определением лица и, значительно реже, существительного с абстрактным значением. Определение лица представлено двумя основными аспектами: внешним описанием и внутренней характеристикой. *Bahuvrīhi* стоит в предложении обычно после определяемого и, в случае если не является единственным определением, в дистантном положении.

Какая связь, какие общие и различные черты наблюдаются между *taṭpurusa* и *karmadhāraya* и сложными словами *bahuvrīhi*, образованными на их основе? *Bahuvrīhi*, служащие в боль-

шийствё слу́чаев определением лица, характеризуют его со стороны внешней и внутренней.

Начнем с *bahuṛīhi*, определяющих лицо с внешней стороны. В группе определений, образованных на основе *taṭpurusa*, мы находим такие слова, как *pācaḥasta* «имеющий в руках веревку», *ānguṣṭhamātra* «величиной с (большой) палец», *kamalapatrāksa* «с глазами (в форме) листьев лотоса», *vibhāvasu* «обладающий обилием блеска» и др.

В самостоятельном употреблении как *taṭpurusa* подобные слова не были найдены.

Среди определений внешности словами *bahuṛīhi* на основе *karmadhāraya* такие, как: *raktavāsas* «в красной одежде», *pr̥thuṣcrōpi* «широкобедрая», *baddhamauli* «со сплетенным венцом» и др.

Karmadhāraya в самостоятельном употреблении определяет главным образом отвлечённое понятие. *Karmadhāraya* в составе *bahuṛīhi*, как видим, является конкретным определением лица. Связь их состоит лишь в одинаковом принципе построения слова. По общему значению и по характеру I и II элементов слова *karmadhāraya*, лежащие в основе этих *bahuṛīhi*, далеки от *karmadhāraya*-существительных. Очевидно, если самостоятельное их употребление и возможно, то является крайне редким, и *karmadhāraya* с конкретным значением находят свое основное применение в составе *bahuṛīhi*.

Bahuṛīhi, определяющие внешность, образованные как на основе *taṭpurusa*, так и на основе *karmadhāraya*, имеют большое сходство. Они являются, собственно, определением целого через часть его. В ряде исследований отмечается архаичность партитивного определения (Потебня III: 129—202; Каценельсон 194: 120—134). Партитивное значение определения *bahuṛīhi* свидетельствует об архаизме данного типа сложных слов. *Bahuṛīhi* определяют лицо через принадлежность. В санскрите, в языке с богато развитой падежной системой и с наблюдающейся многозначностью падежей, можно было бы ожидать синонимии конструкций с *instrumentalis sociativus* и со словами *bahuṛīhi*. Однако рассмотрение конструкций с *instrumentalis sociativus* показало, что в санскрите в этой форме употребляются существительные, обозначающие абстрактное понятие или лицо. Если употреблено существительное, обозначающее лицо, что очень редко, то *instrumentalis* сопровождается служебным словом *saha*⁹, так как вообще за орудийным падежом лица закрепилось обозначение агента. *Instrumentalis sociativus* существительных с абстрактным значением развивается в сторону перехода в наречие (*kāmayā* «охотно», *çanaiḥ* «нежно», *sahasā*

⁹ Например, *ajagāma pīturveṣṭa savītri saha mantrībhīḥ Mbh.* (III, 295, 2)
«...Савитри вместе с советниками вернулась в дом отца».

«быстро, сильно» и др.). Все это вскрывается в конструкциях орудийного падежа с глаголом. Слова *bahuvrīhi* относятся к существительному, причем отношение их «есть отношение определительное с той особенностью, что бахуврихи не отождествляются со своим определяемым, означая лишь его часть или принадлежность. Поэтому они допускают толкование с ясновыраженою социативностью отношения» (Потебня III: 202). Определение лица через принадлежность ему какого-либо конкретного предмета, как это имеет место в развившемся из партитивного определения типе *bahuvrīhi*, является усложненным определением лица через отношение. Свообразие относительного определения лица в санскрите состоит в том, что оно построено на отношении к предмету, тоже конкретно определяемому. Появление *bahuvrīhi* во многом обусловлено бедностью формальных средств образования относительных прилагательных. *Bahuvrīhi*, считающиеся образованными на основе *tatpurusa*, показывают в самых архаичных своих типах сочетаний, что возникновение их не связано с *tatpurusa* как со способом относительного определения предмета, что они являются самостоятельно развивающимся в языке способом партитивного определения. Словам *bahuvrīhi* на основе *karmadhāraya*, несомненно, предшествовало наличие в языке качественно-определительных сочетаний *karmadhāraya* с конкретным значением. Прилагательные конкретных *karmadhāraya*, о которых мы можем говорить только по сохранившимся сочетаниям в составе *bahuvrīhi*, видимо, употреблялись самостоятельно, о чем свидетельствуют сохранившиеся сочетания их в *dvandva* старого типа (о чем будет сказано ниже). Прилагательные же самостоятельно существующих в языке *karmadhāraya* никогда не соединяются как однородные прилагательные, так как вообще вне сложного слова мало употребительны. Существительные *karmadhāraya* представлены значительной группой слов, однородной по составу и единой по функции определения отвлеченных понятий. Большинство же *bahuvrīhi* образовано на основе конкретных *karmadhāraya*, которые самостоятельно в языке не встречаются. *Bahuvrīhi*, образованные на их основе, служат определением лица. Это говорит о том, что слова *karmadhāraya* частично перешли в группу *bahuvrīhi*, сузив самостоятельное свое употребление до определения абстрактных понятий.

Утвердившийся в языке способ притяжательно- относительного определения внешности способом *bahuvrīhi* распространяется и как способ внутренней характеристики человека. Встретившиеся при исследовании в *tatpurusa* как обозначения личных качеств человека, а в *karmadhāraya* — как обозначения отвлеченных понятий, такие слова стали целиком употребляться и в словах *bahuvrīhi* для притяжательно- относительной внутренней характеристики человека: *māhātmā* «великодушный», *dharātmā* «справедливый», *gunasāgarah* «имеющий море» (поло-

жительных) качеств» и др. Прилагательные *baḥuvrīhi* выступают прежде всего как определения человека. Определение неодушевленных предметов способом *baḥivṛīhi* — явление очень позднее и обязанное своим возникновением языку ученой поэзии и поэтическому стилю классического санскрита. То, что они образованы по аналогии с определениями одушевленных предметов, доказывает положение их по отношению к определяемому. Ранее нами было установлено, что определение лица стоит всегда после существительного, определение отвлеченного понятия — перед ним, для определения конкретного предмета место безразлично. Определения *baḥuvrīhi* всегда стоят после определяемого, независимо от его значения, что обычно имеет место лишь при определении лица. *Baḥuvrīhi* в качестве определений неодушевленных предметов встречаются при усложненных описаниях и почти всегда многочленны, *baḥuvrīhi* же как определения лица всегда двучленны. Таким представляется тип основосложения *baḥuvrīhi*.

Чтобы получить исчерпывающую картину способов определения человека при помощи основосложения, следует сказать еще о сложных словах-приложениях, таких, как, например, *ṛājarsi* m. «царь-мудрец». По традиции они относятся к словам *karmādhāraya*, но больше связываются с *baḥuvrīhi*, так как являются разновидностью партитивного определения. Если *baḥuvrīhi* представляли первоначально определение целого через часть, то сложные слова-приложения представляют определение целого через целое же, с которым обычно сравнивается определение *kanyāratnā* f. (MW. 249) «девушка-сокровище», *ṛigusargasabba* m. (MW. 637; Mbh.; Rām.) «человек-бык» (т. е. «лучший из людей, сильнейший»).

Сложные слова-приложения встретились в исследованных текстах в очень ограниченном количестве. Очевидно, они не являются в период эпического санскрита живым способом определения лица. Рассмотренная группа представляет остаток архаичного типа определения человека через образное сравнение. «Эмфатичность (наглядность, выразительность) и вместе поэтичность (образность) выражений... есть вместе архаичность их значения, как вообще образность выражения *ceteris paribus* древнее его безобразности» (Потебня III: 130).

2. Отличительной особенностью прилагательных *taṭpurusa* (модель S. осн.+Adj.) является стабильное построение слова: I элемент — имя существительное, II элемент — отглагольное образование. *Taṭpurusa*-прилагательное — явление, достаточно распространенное в языке. Количество прилагательные *taṭpurusa* лишь немного уступают существительным *taṭpurusa*.

Taṭpurusa-прилагательное может определять существительное конкретного, абстрактного значения, но главным образом существительное, обозначающее лицо. Поэтому начнем с рас-

смотрения определения лица при помощи прилагательных *tat-purusa*.

Образцы:

putrā... kulabhāvanāḥ (*Mbh.* III, 294, 15) «сыновья, переходящие из рода в род»; *so... ḡatapādītāḥ* «он, мучимый усталостью» (*Mbh.* III, 298, 3); *ayam... dharmasamyuktāḥ* (*Mbh.* III, 298, 16) «этот, снабженный добродетелью»; *sāvitrī... duḥkhārtā* (*Mbh.* III, 298, 19) «Савитри, впавшая в горе»; *laumaharsanīḥ vacanasampannah* (*Mbh.* I, 8) «сын Ломахаршаны, одаренный даром слова»; *sarvajño... gaṇeṣo* (*Mbh.* I, 83) «все знающий Ганеша»; *nāmīśāranyavāsinām tapasvināḥ* «отшельники из живущих в лесу Наймиша» (*Āp.* 3) и многие другие. Приведенные *taṭpurusa* являются определением лица со стороны деятельности и объекта ее, определением лица по его местопребыванию или со стороны его состояния.

Определение лица со стороны деятельности и объекта ее имеет II элементом отглагольные формы на *-in* (-im), глагольную основу, образование с *kara* (<*kag*). При этом встретились глаголы *kāg* «делать», *cāg* «идти, жить», *jñā* «знать», *dārç* «видеть», *nand* «радовать», *bhās* «говорить», *yat* «держать», *vah* «везти, нести»; *sidh* «достигать, удаваться», *hāg* «брать, схватывать» и другие, и производные от них. Круг значений этих глаголов очень обширен: обозначение конкретного и абстрактного действия, восприятия и речи. Но все они образуют слова с однотипным значением, если однородными являются значения I элемента слова.

По I элементу намечаются, во-первых, определения с отвлеченным объектом: *dharmacārinī* «исполняющая долг», *taṭvārtha-darçīn* «знающий истину и пользу», *sarvajña* «все знающий», *krūgābhībhāsin* «предвещающий ужасное», *bhayāvāḥ* «наводящий страх» и др. Во-вторых, определения с объектом, выражающим лицо (собирательные имена): *kulanandī* «радующая семейство», *prajāsamuṭapas* «обуздывающий людей». В-третьих, определения с объектом, обозначающим конкретный предмет: *phalāhāras* «собирающий плоды».

Определение лица со стороны местонахождения имеет II элементом те же отглагольные формы, т. е. форму на *-in*, глагольную основу, причастие настоящего времени. Глаголы, встречающиеся в этих формах, представляют однородную группу глаголов состояния: *bhū* «быть, происходить», *vas* «жить, пребывать, оставаться», *sthā* «стоять, находиться, пребывать».

В зависимости от значения I элемента определение приобретает значение конкретное (*ācramavāsin* «живущий в обители», *nāmīśāranyavāsin* «живущий в лесу Наймиша») или отвлеченное (*kulabhāvant* «существующий в поколениях» (переходящий

из рода в род), *yüvānāsthā* («находящаяся в юном возрасте»). Подобных определений очень мало.

Многочисленными являются определения со стороны состояния. Глагольная форма, употреблявшаяся здесь, одна — причастие страдательного залога прошедшего времени. В исследованных нами текстах оно образовано от глаголов *tap* «печь, мучить», *pam* «преклоняться, чтить», *pad* «сидти, попадать», *rīd* «давить, мучить», *bandh* «связывать», *tap* «думать», *umat* «держать», *uci* «соединять», *cis* «оставлять», *hā* «покидать» и от их производных.

Они обозначают в большинстве случаев отношение к лицу, иногда конкретное действие, которое возможно применить к лицу.

I элементом могут быть, во-первых, существительные с отвлеченным значением, обозначающие внутреннее качество или состояние человека: *vinaya* m. «скромность» (*vinayāvanatas* «почтенный скромностью»), *dharma* n. «добродетель» (*dharma-samyuktas* «снабженный добродетелью»), *çrama* m. «усталость» (*çramapīditas* «мучимый усталостью»), *abhitāpa* m. «боль» (*abhitāpasamtaptas* «мучимый болью») и т. д. Во-вторых, существительные, обозначающие лицо: *bhartar* m. «супруг» (*bhartrī-pā* «покинутая супругом»), *prājña* m. «умный человек, мудрец» (*prājñāsammatas* «уважаемый мудрецами»). В-третьих, существительное с конкретным значением: *raça* m. «веревка» (*raça-baddhas* «связанный веревкой»).

В нескольких случаях описательного употребления отглагольных образований встретились формы пассивного причастия прошедшего времени и *participium necessitatis*.

К описательным сложным словам нами отнесены лишь те, буквальный перевод которых меняет, искажает значение слова в целом. Значение же это не вызывает сомнений, если взять слово в контексте.

В сложных словах *taṭpurusa* как определениях к описательным отнесены такие, как *tvannāmadhēyās* «должны быть названы как ты», *gandhāragaṛjasahitas* «вместе с князем и царем».

Обращает на себя внимание многочисленность подобных слов. Значение отдельных его элементов не отражено в значении слова в целом. Нет единого принципа построения слова.

В рассмотренных группах заметна закономерность в употреблении активной или пассивной отглагольной формы для той или иной группы. Исключения составляют следующие слова, где форма II элемента на -ta и -pa имеет в данном сложном слове активное значение: *çirahṣnatā* «вымывшая голову» (*sna-ta* pp. от *sna* «совершать омовение для очищения от грехов»), *niyamavratasamsiddhā* «достигшая обета смирения» (*siddha* pp. от *sidh* «достигать, иметь успех»), *gurubhaktas* «любящий (почитающий) родителей» (*bhakta* pp. от *bhaj* «любить, почитать»).

Понять подобные отклонения в форме II элемента представляется возможным из своеобразия значений производящих глаголов — все это аутореферентные глаголы.

Прилагательные *taṭpurusa* как определения неодушевленного предмета представлены, например, такими образцами: *kathitāc... mahābhārata samçritāḥ* (*Mbh.* I, 11), «рассказы, собранные в Махабхарате»; *rūgānasamçritāḥ kathā* (*Mbh.* I, 16) «рассказы, собранные в Пуранах»; *granthārthaśamyutām samhitām* (*Mbh.* I, 19—21) «песня, охватывающая текст и смысл», *dharmaṅkā-mārthayuktāni castrāni* (*Mbh.* I, 49) «предписания, соединяющие закон, любовь и пользу» (см. еще *Mbh.* I, 12, 16, 18, 19—20, 21, 51, 63, 67, 71, 84, 87, 91, 91, 93, 132, 133, 147 и др.). Второй элемент этих слов выражен формой причастия страдательного залога прошедшего времени и лишь в единичных случаях формой на -in, корнем или основой настоящего времени. Однако слова со II элементом — причастием — не представляют единой семантической группы.

1) Причастие может иметь страдательное значение, это, например, причастия от глаголов *tiñ* «ঁшибаться, запутываться», *uyj* «соединять»; *çri* «прислонять», *sev* «пребывать, жить». I элементом здесь является лицо (*dvijan* т. «дваждырожденный», *çista* т. «ученый»).

2) Причастие может выражать принадлежность, если оно образовано от глаголов *i* «идти, приходить», *ipra^o* «отправляться, подходить»; *gam* «идти, приходить» и т. п., *ipra^o* «подходить, достигать...»; *dhā* «ставить, класть, направлять, делать, снабжать, давать» и мн. др.; *çri* «прислонять...», *sam^o* «соединять, снабжать, смешивать, содержать» и некоторых других.

Это глаголы движения и глаголы, обозначающие конкретное действие. Глаголы употреблены в составе сложного слова со значительным изменением значения, общим их значением становится «снаженный».

I элемент представлен существительным как отвлеченного, так и конкретного значения, в зависимости от отвлеченного или конкретного значения определяемого слова: *kathā dharmārtha-samçritāḥ*, ... *rūgānasamçritāḥ* «рассказы, снаженные благочестием и пользой...», содержащиеся в сказаниях о прошлом»; *samhitā samskārōpagatā*, ... *pānācāstrōpravṝmhitā* «сказание, снаженное украшениями...» содержащие места из различных книг»; *pus-paphalau svādumēdhya rasōpetau* «цветок и плод, снаженные соком вкусным и чистым».

3) Причастие имеет активное значение, в них глагол *lōk* «глядеть, узнавать» встретился только в одном слове, в остальных — глагол *uyj* «соединять, связывать», который вообще стоит на первом месте по употребительности его среди *taṭpurusa* как определения ср стороны состава. I элемент представлен

всюду существительным отвлеченного значения: ar̥̄ha п. т. «дело, цель», puāua т. «правило», kāma т. «любовь», d̥harma т. «правило, закон», svara т. «звук», hetu т. «причина» и др.

Обращает на себя внимание многочленность сложного слова *taṭpurusa* с глаголом *uij*, что, несомненно, связано с семантикой этого глагола.

Два последних из возможных значений формы страдательного причастия охватывают, каждое в отдельности, приблизительно одинаковое количество слов, первое — собственно страдательное значение — встречается редко.

Некоторые глаголы как II элемент сложного слова *taṭpurusa*, определяющего неодушевленный предмет, встретились в форме на -in или в виде глагольной основы. Эти формы имеют всегда активное значение и употребляются обычно для определения действующего лица. Употребление их при определении неодушевленных предметов предполагает наличие метафорического смысла при определении предмета. Например, *samhitām... pāpabhayāraham* (*Mbh.* I, 21) «сказание, убивающее плохой страх» или *itihāsapradīpena mohāvaraṇāghatinā* (*Mbh.* I, 87) «светом сказаний, убивающим и скрывающим безумие».

Особо следует упомянуть глагольные образования, встречающиеся только как II элемент сложного слова *taṭpurusa*: *samjñīta* «называемый по имени» (из *jñā* с приставкой *sam-*). Это образование встретилось, например, в *Mbh.* I, 63, 67.

Положение *taṭpurusa* в качестве определения перед определяемым или после него является, как показывает материал, в равной мере возможным. При определении одушевленных предметов сложное слово стоит после определяемого в 70% всех случаев, перед — в 30%. При определении неодушевленных предметов сложное слово стоит после определяемого в 60% всех случаев, перед — в 40%. Хотя преобладающим, как видим, является положение после определяемого, однако нельзя заключить, что это обычный случай употребления, а положение перед — отклонение от нормы. Этого нельзя заключить потому, что при положении перед определяемым не устанавливается никаких общих закономерностей, обусловливающих такое положение. Следует отметить большую стабильность в положении определения после определяемого, если оно обозначает лицо. Преобладает дистантное положение определения и определяемого (около 70% всех случаев). Дистантное положение в ряде случаев обусловлено наличием нескольких определений, но если *taṭpurusa* — единственное определение, то самым вероятным является контактное положение.

К *taṭpurusa* с отглагольным II элементом должно быть отнесено и чрезвычайно редко встречающееся сложное деепричастие: *namaskṛtya* «поклонившись» (дословно: «сделав поклон»); *namas* п. «поклон», *kṛtya* <*kar*.

Может возникнуть сомнение, является ли сочетание *nāmas-kṛtya* «сложным словом». Что перед нами сложное слово, доказывает, во-первых, форма причастия от простого (без приставок) глагола на *-tvā* (*kṛtvā*), а здесь имеется форма *-kṛtya*; во-вторых, если бы перед нами были два слова, то по закону внешних *samdhī nāmas* → *nāmāḥ*.

Итак, сложные слова *tātpurusa* являются определением имени существительного, обозначающего одушевленный предмет и, реже, обозначающего отвлеченное понятие.

Как определения имени существительного, обозначающего лицо, *tātpurusa* состоят из трех групп. Каждая из них представляет единство как по кругу выражаемых значений, так и по отглагольной форме II элемента. В группе определений лица со стороны деятельности и объекта ее глаголы употреблены в форме причастия настоящего времени, в форме на *-iP* и как глагольная основа. По значению глаголы неоднородны и употребляются с I элементом — существительным, имеющим тоже очень разнообразные значения. Определения лица по его местопребыванию немногочисленны, в них глаголы состояния употреблены как II элемент в тех же формах, что и в группе первой. Конкретное или абстрактное значение I элемента обуславливает общее значение сложного прилагательного. В определениях лица со стороны его состояния глагол употреблен в форме причастия страдательного залога прошедшего времени. I элементом могут быть разнообразные по значению существительные. Преобладают существительные с отвлеченным значением, отмечающие внутреннее качество или состояние человека. *Tātpurusa* как определения неодушевленных предметов (реже — отвлеченных понятий) имеют II элементом форму причастия страдательного залога прошедшего времени, различающую три оттенка в значении: 1) собственно страдательное, 2) социативное и 3) активное. Эти значения тесным образом связаны и обусловлены значением глаголов, лежащих в основе II элемента, и I элементом сложного слова. В небольшой части слов *tātpurusa* как определений неодушевленного предмета II элемент встречается в форме на *-iP* или как глагольная основа. Обычное активное значение глаголов в этих формах придает определению понятия метафорическое значение. Прилагательное *tātpurusa* стоит по отношению к определяемому чаще после, чем перед, особенно при определении лица. Преобладает дистантное положение.

Прилагательные *tātpurusa* представляют существенное расширение круга определительных слов в санскрите. II элемент их является отглагольным образованием. Нами было замечено, что в отглагольные прилагательные превращаются причастия от непереходных глаголов состояния, реже — от некоторых переходных. Забегая вперед, отметим, что они встречаются как II элемент *karmadhāgaya* так же, как и непроизводные прилага-

тельные и отглагольные образования, встречающиеся в самостоятельном употреблении. Отглагольные образования, соответствующие II элементу *taṭpurusa*, самостоятельно как определения не встречаются. В прилагательных *taṭpurusa* II элемент представлен в основном образованиями от переходных глаголов, что сближает эти сложные слова с причастными конструкциями орудийного и винительного падежей.

Рассмотренные причастные конструкции с орудийным падежом по значению сопоставимы лишь с некоторыми *taṭpurusa*-прилагательными. Большинство *taṭpurusa* как определений характеризует лицо. Из них синонимичны причастной конструкции с орудийным падежом определения лица через состояние: *çatapāḍīta* «мучимый усталостью», *bhartrhīpā* «спокинутая супругом», *pācabaddha* «связанный веревкой» и подобные.

Причастия в этих *taṭpuruṣa* образованы от тех же семантических групп глаголов, что и причастия в конструкциях с орудийным падежом. Однако исследование причастных конструкций с орудийным падежом показало, что такие конструкции характеризуют лицо в очень редких случаях, представляя в основном определения неодушевленных предметов. В тех же немногочисленных случаях, где конструкция причастия с орудийным падежом определяет лицо, общим у них является один признак — в орудийном падеже стоит личное местоимение: *tuā tukto bharītā* (Mbh. III, 298, 57) «мною развязанный супруг».

Имя существительное может стоять в орудийном падеже в том случае, если оно само определяется местоимением: *rgajās tuayaitā piyamēna samyatā* (Mbh. III, 35) «эти люди обузданы твоей властью».

Отмечавшееся выше свойство местоимений в санскрите — не вступать в состав сложного слова — имеет место и при образовании прилагательных *taṭpuruṣa*. Конструкция с орудийным падежом может также употребляться, если в орудийном падеже стоит сложное слово: *maharsēḥ pujītasyēḥa sarvvalōkair* (Mbh. I, 25) «(учение) великих риши, почитаемых всеми людьми...».

Итак, при определении лица с помощью конструкции стратального причастия с орудийным падежом, в целом характеризующих состояние человека, образуется сложное слово типа *taṭpuruṣa*. Этому способствует место существительного в форме орудийного падежа обычно перед причастием в контактном положении и его стабильное грамматическое значение при сочетании с причастием, определяющим лицо.

Причастные конструкции с орудийным падежом при обозначении лица встречаются в случае употребления в орудийном падеже местоимений или реже — сложных слов.

Прилагательные *taṭpuruṣa* как определения неодушевленно-

го предмета, сопоставимые с конструкцией причастия и орудийного падежа, очень редки. Они наблюдаются в сложных словах со II элементом — причастием, которое в самостоятельном употреблении не может быть соединено с существительным в орудийном падеже, так как причастие образовано от глагола состояния, например, от *sev* «пребывать, жить»; *pīsev* «проживать, обитать»; ...*dvijanisēvitam* (*Mbh.* I, 12) «(места), где живут дваждырожденные» (букв. «обитаемые дваждырожденными»). То есть в данном случае нет синонимики прилагательных *taṭpurusa* как определений неодушевленного предмета и причастных конструкций с орудийным падежом в той же синтаксической функции. Где не может быть употреблена конструкция, употребляется сложное слово. Смыловые отношения I и II элементов в сложном слове обладают, очевидно, большей гибкостью, чем значения, установившиеся в конструкции причастий на -ta, -па с орудийным падежом.

Некоторые *taṭpurusa* — определения лица должны находить соответствие в причастной конструкции с винительным падежом. Такие конструкции, как и большинство прилагательных *taṭpurusa*, характеризуют только лицо (в отличие от рассмотренных конструкций с орудийным падежом). Ранее были установлены возможные значения винительного падежа в сочетании с личной формой глагола (см.: Кочергина 1973). Теперь можно сопоставить их со значениями причастной конструкции с винительным падежом и со значениями сложных слов, определяющих со стороны объекта. Причастные конструкции обозначают направление, время, состояние, иногда конкретное и абстрактное действие. Во всем ходе развития значений конструкции с винительным падежом значение направления при глаголах движения относится к группе первоначальных значений. В конструкциях направления винительный падеж лица обозначает адресат речи.

Винительный лица при глаголах речи довольно редок. Более частое употребление в санскрите с глаголами речи дательного падежа, синонимичного с винительным лица, позволяет предположить, что последний в этом значении из языка вытесняется.

История развития винительного падежа показывает также, что винительный времени, как и винительный направления, представляет одно из древнейших значений винительного падежа. В санскрите он сохранился в незначительном количестве, приближаясь к категории наречий. Конструкции, обозначающие состояние, возникают при употреблении глаголов движения или состояния в метафорическом смысле. Значение такой конструкции контекстуально обусловлено. Генетически конструкции, обозначающие состояние, — явление позднее, возникшее как один из путей развития значений винительного падежа

при использовании глаголов старых значений. Не будем затрагивать редких причастных конструкций, обозначающих конкретное и абстрактное действие, и перейдем к сложным словам. Сложные слова характеризуют лицо со стороны объекта действия и местонахождения. Подобные *taṭpuruṣa* не являются однородными по выражению II элемента сложного слова.

Намечаются старые и более новые образования. Старые образования связаны с употреблением в качестве II элемента глагольной основы. Они представляют старый атематический тип образований. Такое «первоначальное причастие, т. е. то, из которого выделялось позднейшее причастие-прилагательное, было причастие-существительное, слово с определенною субстанцией и признаком, производимым ею, *poten agentis*» (Потебня III: 102). Подобные атематические основы — имена сохранились в санскрите в *taṭpuruṣa*, характеризующих лицо как со стороны объекта, так и со стороны местонахождения: *bhayāvah* «наводящий страх», *vṛṭrahan* «убивающий Вритру (убийца Вритры)», *rathastha* «стоящий на колеснице».

Часть таких слов в ходе развития полностью перешла в имена существительные, обозначая предмет или явление по его функции: *khēcara* f. «птица», букв. «идущий по воздуху»; *divākara* m. «солнце», букв. «делающий день»; *madhukara* m. «пчела», т. е. «делающий мед», и др.

Об их архаизме свидетельствует ударение на II элементе слова в противоположность более новым образованиям с ударением на I элементе. Возникшие по аналогии с первыми, они представляют поздние образования со II элементом — производным от глагола (формы *prg.*, *pr.* и др.). Они охватывают область слов, связанных с религиозно-этическими представлениями людей: *dharmacārin* «исполняющий долг», *rajāśamana* «обуздывающий людей», *tattvārthaḍarçin* «знающий истину и пользу» и др.

Так исторически намечается два слоя сложных слов *taṭpuruṣa* в качестве определения. Первый из них отражает архаичный способ соединения имени деятеля со включененным объектом по инкорпорирующему типу.

Второй слой, более поздний, дает представление о развитии *taṭpuruṣa*-прилагательных, так называемых *verbale Rektionskomposita* (Delbrück), характерных для системы преимущественно флексивного языка, какую представляет исследуемый нами эпический санскрит. Возникновение *taṭpuruṣa*-определений со стороны места со II элементом в форме на *-iḥ* или *-ant* полностью объясняется аналогией с такими словами, как *rathastha*. Они синонимичны с имеющимися в языке конструкциями местного падежа и не превосходят их по количеству. На происхождение некоторых сложных слов из конструкции с местным падежом указывает сохранение в I элементе флексии (например, *agre-*

га — БПС I, 42). Глагольная конструкция употребляется с местным падежом, а причастная — в виде сложного слова, сохраняющего или чаще не сохраняющего флексию местного падежа, что связано, видимо, с однозначностью местного падежа в санскрите. Сложнее представляются образования слов *taṭpurusa*, определяющих со стороны объекта. При образовании их тоже играла роль аналогия со словами типа *ugṛṭaḥan*, особенно в начальный период их возникновения. Но на образование их, видимо, наложило отпечаток своеобразие конструкции с винительным падежом в санскрите. *Taṭpurusa* образовались из конструкций, обозначающих абстрактное действие, восприятие, речь, отношение. Возникновение этих сложных слов находится в связи с многозначностью винительного падежа.

Из рассмотренных нами восьми значений конструкции с винительным падежом (Кочергина 1973) более старые и с метафорическим значением закреплены за причастной конструкцией. Более новые (отвлеченные значения) нашли свое выражение в новых образованиях *taṭpuruṣa*-прилагательных, которые стали представлять сочетание винительного объекта (абстрактного, иногда конкретного значения) с причастием. Если причастная конструкция встречается там, где можно ожидать сложное слово, то это объясняется наличием определений к объекту или употреблением аналогичного¹⁰ сложного слова в качестве объекта: *vanavāsamāçritō* (Mbh. III, 294, 28) «выбравший житье в лесу».

Если отношения между I и II элементами не глагольно-объектные, а атрибутивные, то сложное слово образуется, например *paimiśāganyavasin* (ср.: Mbh. I, 102) «живущий в лесу Наймиша».

С *taṭpurusa*-определениями связаны образованные от них *nomina actionis* в описательных конструкциях, употребление которых помогает избежать повторов. Например: *kṛtvā kathinabhāram sā vrksaçākhāvalambinām* (Mbh. III, 298, 108) «свершив взятие сосуда и вешание на ветку дерева, она...».

Наблюдается обычное отсутствие флексии в I элементе сложных слов эпического санскрита, в то время как в ведийском языке флексия I элемента встречается довольно часто. *Tatpurusa* на основе конструкций с винительным падежом являются самыми многочисленными среди *taṭpurusa*-определений, вследствие чего они обусловливают в целом отсутствие *uneigentliche Composita* в эпическом санскрите. Фактором, способствующим образованию сложного слова, может являться препозитивное контактное положение винительного падежа как в конструкциях с личными формами глагола, так и в причастных конструкциях (Кочергина 1973: 111—112).

¹⁰ То есть сложного слова, в котором отношения между I и II элементами глагольно-объектные.

Рассмотренные сложные слова *taṭpurusa*-прилагательные, связанные с конструкцией винительного падежа, употребляются только для характеристики человека. Однако ранее были отмечены и такие *taṭpurusa*, которые характеризуют неодушевленный предмет. Это группы, обозначающие принадлежность и состав. Общим для них является однообразие значений II элемента. При обозначении принадлежности однообразие достигается благодаря унификации значения разных глаголов. При обозначении состава однообразие связано с употреблением одного глагола (уц). II элемент всюду представляет формы причастий на -та и -па. Значение слов, определяемых такими *taṭpurusa*, указывает на слова научно-религиозного характера, а также на слова поэтического языка. Основная причина образования сложных прилагательных *taṭpurusa* в данном случае заключается в трудности выражения определения несколькими существительными, так как в отличие от прочих *taṭpurusa*-определений, в массе двучленных, рассматриваемые определения многочленны. Как способ соединения их явилось употребление причастия, семантика которого ограничена его функцией — соединением однородных существительных.

3. Прилагательных *karmadhāraya* (модель Adj.'+Adj.") вдвое меньше, чем рассмотренных прилагательных *taṭpurusa*. Но, как и *taṭpurusa*, сложные слова *karmadhāraya* служат главным образом определением одушевленного предмета (две трети всех прилагательных *karmadhāraya*) и, реже, относятся как определения к отвлеченным понятиям или к существительным, обозначающим конкретный предмет.

Прилагательные *karmadhāraya* как определения лица представлены, например, такими случаями: *bhūtasargāḥ suvistarāḥ* (Mbh. I, 47) «создания, очень различные»; *çūcīśītāḥ ... sa* (Mbh. I, 60) «он, ясно улыбающийся»; *çīcavāçca brahmaśārināḥ* (Mbh. I, 114) «... дети, благочестиво живущие»; *pūjāḥ duḥpreksyāḥ* (Mbh. I, 126) «человек, трудновидимый»; *mitabhasinī* (Mbh. III, 298, 4) «о, умеренно говорящая» (см. еще: Mbh. I, 6, 22, 22, 47, 61, 72, 75; Bhag. 1, 10, 27).

Ранее мы видели, что II элемент прилагательного *taṭpurusa* является всегда отглагольным образованием, что давало основание толковать отношения между элементами прилагательного *taṭpurusa* как глагольно-объектные, поскольку I элемент *taṭpurusa* является именем существительным. Однако при рассмотрении прилагательных *karmadhāraya* мы имеем, оказывается, ту же картину, т. е. II элементом является в подавляющем большинстве случаев отглагольное образование. В зависимости от значения и формы II элемента намечаются следующие группы прилагательных *karmadhāraya*, определяющих лицо.

1) II элемент — причастие страдательного залога прошедшего или будущего времени от переходных глаголов, т. е. определяемое является объектом действия: *hvā* «звать», *rigihūta* «много призывающий», *stu* «хвалить», *ṛigusūta* «много восхваляемый».

2) II элемент — причастие страдательного залога прошедшего времени от непереводных глаголов, т. е. определяемое является субъектом действия: *sī* «улыбаться», *çucismīta* «ясно улыбающийся», *svap* «спать», *sukhasūpta* «хорошо выспавшийся».

3) II элемент — форма на *-īn* (f.-īnī) от глаголов состояния и речи: *as* II: 1) «сидеть» 2) «живь» — СРС. 104 — *sukhāśin* «хорошо, удобно сидящий»; *cāg*: 4) «живь» — СРС. 207 — *brahmaśātīn* «благочестиво живущий»; *bhās*: 1) «говорить» — СРС. 480 — *mītabhāśin* «умеренно говорящий» (см. еще: Mbh. I, 61, 72, 114 и др.).

II элемент как десубстантивное образование имеют немногие слова *karmadhāraya*, например *paramadhdārmika* «очень справедливый». II элементом этого слова является прилагательное, образованное от существительного *dharma* m. 6) «справедливость» — СРС. 300. Употребление I элемента не зависит от формы слова, выражающего II элемент. Как I элемент мы встречаем уже известные по существительным *karmadhāraya* прилагательные с отвлеченным значением (*sukha*, *māhā-*, *parama*, *ṛigi*, *brahma*, *çuci*), отглагольные образования с отвлеченным значением (*mīta*, *smṛta*).

Если у прилагательного *taṭpurusa* детализация действия, определяющего существительное, произведена со стороны деятеля или объекта действия, то у прилагательного *karmadhāraya* — со стороны интенсивности, качества действия, что выражается обычно в языках наречием.

Обратимся к рассмотрению прилагательных *karmadhāraya* как определений неодушевленного предмета.

Образцы:

pāpāgṛīrāpi (Mbh. I, 39) «(приметы времен года), многообразно различные»; *dharmaśamhitam...* *māhārthavat* (Mbh. III, 298, 52) «мысль закона, очень значительная»; *uktarūgvām...* *gitām* (Mbh. III, 298, 101) «прежде сказанная речь» (а также Mbh. I, 16, 90, 132, 133 и некоторые др.).

Несмотря на немногочисленность, *karmadhāraya* как определения неодушевленных предметов представляют группу, неоднородную как по значениям, так и по способам выражения II элемента. Как II элемент выступают прилагательные и глагольные образования. Прилагательные могут быть непроизводными и производными от существительных, например *arthavant* «значительный» (*artha* m. n. 1) «цель...» 7) «дело» — СРС. 70 — *māhārthavant* «очень значительный».

Глагольные образования представлены причастием страдательного залога прошедшего времени и глагольной основой: приу «хвалить» — *ragatarijita* «очень восхваленный».

I элемент этих групп *karmadhāraya* — те же характерные для *karmadhāraya* отвлеченные прилагательные (*ragata*, *mahā*) с усилительным значением.

Особую группу образуют слова с необычным для нашего восприятия сложного слова расположением элементов: I элемент — причастие страдательного залога, II элемент — прилагательное: *uktarūgva* «прежде сказанный»; *gatarūgva* «прежде посещенный».

Очень редко может встретиться определение, выраженное сложным словом *dvigu*, например *ugraçravah dvādaçavārsikē satre... abhyagachat* (Mbh. I, 2) «Уграшрава пошел (на) двенадцатилетний праздник», II элементом здесь является десубстантивное прилагательное *yarsika* (ср.: *dharṇika*) от *varga* m. n. 1) «дождь...» 3) «год» — СРС. 568. По формальным особенностям прилагательные *dvigu* близки к *karmadhāraya*. *Karmadhāraya* как определение лица стоят по отношению к определяемому в большинстве случаев после (70%). Положение перед определяемым имеет место при конструкциях с деепричастием (например, Mbh. I, 6) или там, где необходимо актуализировать определение, на что указывает и употребление частицы (например, *iva* — Mbh. III, 298, 4) или наречия (например, *bhr̥cam* — Mbh. III, 298, 88).

Итак, прилагательные *karmadhāraya* не имеют широкого распространения в языке. Среди них преобладают *karmadhāraya* как определения лица, иногда как определения неодушевленных предметов. Первые обнаруживают значительное сходство с прилагательными *taṭpurusa* по выражению II элемента «основосложения». II элементом является отглагольное образование и лишь в редких случаях — прилагательное. В зависимости от формы отглагольного II элемента *karmadhāraya* как определения лица распадаются на четыре группы. I элемент всюду представлен характерными для *karmadhāraya* отвлечеными прилагательными, отглагольными образованиями с отвлеченным значением и притяжательным местоимением. Как определения имени существительного, обозначающего неодушевленный предмет, *karmadhāraya* представляют небольшую группу слов, у которых II элементом может быть как отглагольное образование, так и прилагательное. I элемент представлен обычным для *karmadhāraya* кругом отвлеченных прилагательных. Могут встретиться *karmadhāraya* с необычным расположением элементов основосложения. Положение *karmadhāraya* по отношению к определяемому слову в некоторой степени обусловлено значением определяемого. Определения лица стоят обычно в дистантном положении после, определения неодушевленных пред-

методов перед определяемым с преобладанием контактного положения.

Как было установлено, прилагательные *karmadhāraya* имеют, как и большинство определений *taṭpūrīsa*, II элементом отглагольные образования и прилагательные. Круг глаголов, лежащих в основе II элемента *karmadhāraya*, обширнее. Это глаголы непереходные — движения или состояния, и все многообразие глаголов переходных.

Характер II элемента обуславливает наличие двух групп в *karmadhāraya*-прилагательных.

Первая группа со II элементом — причастием — от глаголов непереходных или переходных. Эти *karmadhāraya* служат определением только лицу. I элемент у них представлен всеми характерными для *karmadhāraya* определениями: непроизводные (*ragata-*), омонимичные с существительным (*brahma-*), отглагольные (*mīta* и др.). I элемент играет роль качественного наречия, употребляясь с отглагольными образованиями: *brahmaśārin* «благочестиво живущий», *mitabhaśin* «умеренно говорящий» и др.

В целом такое слово *karmadhāraya* можно рассматривать как усложненное качественное определение лица.

Вторая группа со II элементом — прилагательным непроизводным или отглагольным. Независимо от значений II элемента и независимо от характера значения определяемого слова (им здесь может быть как лицо, так и неодушевленный предмет) I элемент обозначает интенсивность: *paramadhārmika* «очень справедливый», *māhārthavant* «очень значительный».

При рассмотрении наречий (см. гл. II, 4) устанавливались их семантические группы в санскрите, причем наречий усилий, обозначающих интенсивность, в самостоятельном употреблении не было найдено. Значение интенсивности выражается в префиксальных прилагательных (см. гл. II, 3) и в части слов *karmadhāraya*-прилагательных. При отмечавшейся во II главе в древнем индоевропейском бедности морфологического оформления наречий и при их тесных словообразовательных связях с другими частями речи является понятным и использование соединений с *māhā-* и *ragata* для выражения интенсивности качества и действия. Употребление *māhā-* и *ragata* в составе слов *karmadhāraya* демонстрирует новую функцию этих древних прилагательных.

Итак, сложные слова *karmadhāraya*-прилагательные являются видом существования наречий при определениях, выраженных причастиями и прилагательными.

В *karmadhāraya* со II элементом — причастием — I элемент представлен теми же группами определений, что и у *karmadhāraya*-существительных и по значению является качественным наречием.

В *karmadhāraya* со II элементом — прилагательным (непро-

изводным или отлагательным) 1 элемент представлен словами *tañā-*, *ragata* и подобными им, которые выступают как наре-чия со значением интенсивности.

РАЗДЕЛ IV ОСНОВОСЛОЖЕНИЕ DVANDVA

Напомним, что исследование основосложения *dvandva* про-водится в тесной связи с контекстом предложения. Только в контексте выявляются возможности слова выступать в связи с другими словами (членами предложения). Исходным в отноше-нии основосложения *dvandva*, как и ранее, представляется во-прос о том, какими частями речи выражается сложное слово. В настоящем разделе будут рассмотрены сочетания по типу *dvandva* как основ имен существительных, так и основ имен прилагательных.

При формальной характеристике этого типа основосложения встает вопрос о многочленности и двучленности *dvandva*. Осве-щение этих вопросов необходимо для достаточно полного пред-ставления об основосложении *dvandva*.

Далее необходимо будет рассмотреть способы соединения однородных членов предложения союзом са «и», параллельных основосложению *dvandva*.

Сопоставление всего многообразия *dvandva* с синонимичны-ми синтаксическими конструкциями позволит уловить пути раз-вития слов типа *dvandva* и определить их функцию в системе древнеиндийских языков.

Согласно этим соображениям и будет строиться IV раздел.

1. Основосложение *dvandva* встречается в самостоятельном синтаксическом употреблении как член предложения или слово-сочетания и в связанном виде как составной элемент сложного слова другого типа.

Поэтому рассмотрение основосложения *dvandva* распадается на две части: 1) *dvandva* в самостоятельном употреблении; 2) *dvandva* внутри сложных слов.

1.1. В самостоятельном употреблении *dvandva* выступают как соединения существительных и как соединения прилага-тельных.

Остановимся сначала на *dvandva* как способе соединения существительных. *Dvandva* могут встретиться во всех лексиче-ских группах слов, соединяя слова, являющиеся наименованиями: существ (людей и богов), конкретных предметов и абст-рактных понятий.

Образцы:

1. *putrapautrinah* (Mbh. III, 298, 60; 61) «сыновья и внуки...»; *mātāpitrbhyam vinā nāham jīvitumutsahē* (Mbh. III, 298, 93)

«я не могу жить без матери и отца»; çvaçrūçvaçurabhartrnam tāma rupyāstu çarvarā (Mbh. III, 298, 100) «моим свекрови, свекру и мужу пусть будет ночь спокойна»; gandharvvayakṣa-raksānsi çrāvayām āsa vai çukaḥ «а Щука рассказал небесным певцам, полубогам и демонам»; vṛsnivīrau (Mbh. I, 149) «Шива и Индра».

2. phalapuspē samyuddhē (Mbh. I, 108, 109) «прекрасные плод и цветок» (употр. в метафорическом значении); prāvārāvāraṇāni (Mbh. I, 131) «верхние одежды и одеяния»; rāñkavāsta-raṇāni (Mbh. I, 131) «шерстяные покрывала и ковры».

3. sadasaccaiva (Mbh. I, 23) «и бытие и небытие...»; parā-varānām srastāram (Mbh. I, 23) «о создателе близкого и далекого...»; gatir bhūtabhavyasya (Mbh. III, 298, 49) «причины бывшего и будущего»; paksāhōrātrayah (Mbh. I, 37) «множество дней и ночей»; ...yidhāvāica ...candraśūguyayōḥ (Mbh. I, 65) «...упорядочение ...месяца и солнца»; grahanaksatrātānām ṛgamāna (Mbh. I, 66) «и размер (или закономерность?) планет, звезд и комет...»; sāmgōpanisadāḥ vēdām vistarakriyāḥ (Mbh. I, 62) «подробное исполнение вед и упанишад с дополнительными текстами...»; itihāsapurānānām unniēsam (Mbh. I, 63) «укрепление сказаний и пуран...»; dharmmōpanisadam prati (Mbh. I, 112) «в отношении законов и упанишад...».

Принципы соединения основ во всех приведенных выше словах dvandva сводятся к двум. Резких границ между ними нет, количество слов в той и другой группах примерно одинаковое.

Признаки первой группы: dvandva употребляются при простом повествовании и соединяют слова, принадлежащие к одному и тому же семантическому гнезду слов. Сходство основано на аналогии, возникающей при упоминании одного из слов. Может быть аналогия по сходству и по различию. Например, аналогия по сходству: mātāpitārau «мать и отец», phalapuspē «плод и цветок»; по различию: sadasat п. «бытие и небытие», ragāvāgām п. «близкое и далекое» и т. д.

Формальным признаком первой группы dvandva является двучленность (см. выше приведенные примеры). II элемент стоит в форме двойственного числа: vṛsnivīrau «Шива и Индра». Однако возможно употребление формы единственного числа, если сложное слово имеет собирательное значение, особенно абстрактное: ahōrātram п. «день и ночь», т. е. «сутки»; bhūtabhavuam п. «бывшее и будущее», т. е. «все».

Употребление множественного числа возможно, если в сложном слове есть соответствующее определение: paksāhōrātrayah «множество дней и ночей».

Итак, модель слов первой группы имеет вид (S' осн.+S" осн.) du. или (S' осн.+S" осн.) п. sg.

Признаки второй группы dvandva. Эти dvandva употребляются главным образом при перечислении и соединяют все, что можно перечислить, т. е. слова, не связанные близко по значению, а лишь выступающие в одной и той же синтаксической роли, например: *gandharvvayaksaraksānsi ḡravayām āsa vai ṣukah* (Mbh. I, 106) «Щука рассказал небесным певцам, полубогам, демонам».

Формальным признаком второй группы dvandva является соединение неограниченного количества слов. Их может быть два и больше, например: *sāmgōpanisadās* «дополнительные тексты и упанишады»; *dēvagandharvamanuṣyōragarāksāḥ* «боги, гении, люди, змеи, демоны» (N. I, 29).

Последний элемент сложного слова стоит во множественном числе, независимо от того, двучленным или многочленным является слово. Модель второй группы dvandva-существительных имеет следующий вид: (*S' осн.+S'' осн. ...+Sⁿ осн.*) pl.

Следует заметить, что обычно dvandva бывают среднего рода, независимо от рода последнего элемента словосложения, в *taṭpurusa* род сложного слова зависит от рода II элемента. Поэтому, например, *rathācva* m.—*taṭpurusa* «лошадь колесницы» (запряженная в колесницу); *rathācva* n.—*dvandva* «лошадь и колесница».

Dvandva как способ соединения однородных прилагательных употребляются редко.

Прилагательное dvandva может определять как лицо (человека, бога), так и отвлеченное понятие.

Образцы:

1. *sraṣṭāram... paramavyayam* (Mbh. I, 23) «о создателе ... высшем и вечном»; *caidyāīca balagarvitam* (Mbh. I, 129) «и князя Кеди, сильного и гордого»; *puruṣam... çyāmāvadātām* (Mbh. III, 298, 9) «(она увидела) человека... черно-белого (т. е. серого, бледного)...».

2. *ṛtam... vyaktāvyaktam* (Mbh. I, 22) «произведение... ясное и неясное...»; *idam... sthāvaraṇaīgamātām* (Mbh. I, 38) «это... недвижимое и движущееся (т. е. мертвое и живое)...»; *āguajuṣṭam idam vṛttam* (Mbh. III, 298, 50) «этот благородный и приятный образ жизни...»; *deçam daksiṇapaçaçcimātām* (Mbh. III, 298, 77) «в юго-западную сторону...».

Как видим, всюду соединены только два слова. По значению они могут быть:

1) противоположными (*sthāvaraṇaīgama* «неподвижный и движущийся»);

2) дополняющими друг друга (*çyāmāvadāta* «черно-белый», *daksiṇapaçaçcima* «юго-западный»);

3) подобный (rāgātāvāyā «высший и вечный», āgyajusṭā «благородный и приятный»).

В рассмотренных dvandva соединяются прилагательные (Mbh. III, 298, 9), производные от существительных (Mbh. III, 298, 77), от глаголов (Mbh. I, 22, 38), смешиваясь друг с другом (Mbh. I, 23).

1.2. Перейдем к рассмотрению dvandva в связанном виде как соединения однородных элементов внутри других типов сложных слов.

В исследованных текстах dvandva встретились внутри сложных слов tātpurusa с последним элементом, выраженным как именем существительным, так и именем прилагательным¹¹, а также в сложных словах bāhuvrīhi, образованных на основе tātpurusa. В tātpurusa с последним элементом — существительным dvandva употреблены в следующих семантических группах слов.

1. Слова, обозначающие человека или бога.

Образцы:

yayātīksvākuvañcaç (Mbh. I, 47) «племя яяти и икшваку...»; carācaragurum (Mbh. I, 24) «родители (всего, что) ходят и стоит (т. е. зверей и растений)».

2. Слова, обозначающие конкретные предметы или явления.

Образцы:

puspaphalodayam (Mbh. I, 93) «...о росте цветов и плодов»; çāñkhadundubhinisvanāḥ (Mbh. I, 120) «звуки раковин и барабанов».

На основе этих dvandva могут образоваться bāhuvrīhi, например arhanāni ... gohastyacvadhanāni (Mbh. I, 130) «почести... с раздаванием коров, слонов и лошадей...».

3. Слова, обозначающие религиозно-философские представления.

Образцы:

dharmaṛthakāmamoksārthaīh (Mbh. I, 85) «...ради закона, дела, любви и спасения души...»; jāgarātītyubhayavyādhībhāvābhavaviniçcayaḥ (Mbh. I, 64) «твердое мнение (относительно) возраста, смерти, страха, болезни, бытия, небытия...».

На основе dvandva этой группы образуются bāhuvrīhi.

¹¹ Лучше было бы вместо термина «прилагательное» употребить термин «определение», так как в данном случае имеются в виду tātpurusa с последним элементом, выраженным не только именем прилагательным, но и причастием и рядом других отглагольных образований.

Образцы!

tatsadasadātmakam (Mbh. I, 31) «этот, имеющий природу бытия и небытия»; *bahuvrīhi*, обозначающее лицо: *vūṣāḥ ... bhaktacintitapūrakāḥ* (Mbh. I, 75) «Въяса..., имеющий поток приобретенного и обдуманного...».

Dvandva в составе сложных слов *taṭpurusa*, обозначающих неодушевленный предмет, а также в составе сложных слов *bahuvrīhi*, образованных на основе таких *taṭpurusa*, ближе ко второй из установленных выше групп dvandva, чем к первой. На это указывают значения элементов dvandva внутри сложных слов и характер построения всего предложения, в котором встретилось данное сложное слово (см. цитированные выше шлоки целиком). Перед нами в большинстве случаев предложения, изобилующие описаниями, перечислениями. *Tatpurusa* с несколькими начальными элементами подчинены этой же задаче.

В *taṭpurusa*-прилагательных слова dvandva употреблены в следующих случаях:

1) У *taṭpurusa*, имеющих вторым элементом образования от глаголов с общим значением «соединять, связывать, снабжать». Например: *girā svarāksaravuabjāpanahestuuktayā* (Mbh. III, 298, 27) «(речью), связывающей звуки, слова, выражения и образы» (см. еще: Mbh. I, 16; 18; 19; 49; 91).

2) У *taṭpurusa*, имеющих несколько отглагольных элементов при одном первом элементе, например: *itiḥasapradīprena moḥā-varanaghātinā* (Mbh. I, 87) «...светом сказаний, убивающим и скрывающим безумие».

3) У *taṭpurusa*, имеющих вторым элементом десубстантивное прилагательное, например *sutānām balavīguyačānliām* (Mbh. III, 298, 46) «(сотня) сыновей, обладающих силой и мужеством».

Dvandva внутри подобных *taṭpurusa* представляют явление, указывающее на искусственное построение определения. Они встречаются в случаях определения отвлеченных понятий, часто заключающего в себе элемент метафоры (см. целиком Mbh. I, 88).

Очень редки *bahuvrīhi* на основе самих dvandva: *etadanā-dyantam* (Mbh. I, 40) «эта, не имеющая конца и начала (смерть)».

В исследованных текстах встретилось лишь одно сложное слово *karmadhāraya*, имеющее dvandva как способ соединения двух первых определяющих элементов: *pūrṇaparīgṛṇasandrena* (Mbh. I, 86) «(с помощью) прежде (бывшего) полного месяца...».

Рассмотрение dvandva приводит к следующим заключениям. Отношения между частью элементов внутри одного сложно-

то слова могут быть тёждественны сложению dvandva как отдельному слову. Количество dvandva внутри сложных слов не уступает количеству dvandva в самостоятельном их употреблении. Внутри сложных слов dvandva встречаются в типе *taṭpura*-*usa* и в *bahuṛīhi*, образованных на основе *taṭpura*-*usa*.

Dvandva в самостоятельном употреблении, представляющие собой результат соединения существительных, употребляемых как однородные члены, распадаются на две группы, каждая из которых имеет свои отличительные признаки, несмотря на отсутствие резких границ между группами.

Слова первой группы dvandva отличаются смысловой взаимообусловленностью элементов основосложения, наличием в составе их лишь двух элементов и в большинстве случаев формой двойственного числа.

Особенности второй группы слов dvandva обусловлены тем, что их основная функция — перечисление. То есть эту группу отличают смысловая независимость элементов основосложения, многочленность наряду с двучленностью, форма множественного числа у последнего элемента.

Dvandva как соединения однородных прилагательных в самостоятельном синтаксическом употреблении встречаются редко и являются определениями лиц и отвлеченных понятий. При этом соединены всегда два элемента, находящиеся в определенных смысловых связях друг с другом. Элементы слов dvandva представлены качественными прилагательными, иногда девербальными и десубстантивными.

Dvandva внутри существительных *taṭpura*-*usa* встречаются во всех основных лексических группах *taṭpura*-*usa*: обозначение лица, конкретного предмета, абстрактного понятия. Последние две группы *taṭpura*-*usa* с dvandva встречаются также в *bahuṛīhi*, образованных на основе таких слов.

Dvandva внутри прилагательных *taṭpura*-*usa* встречаются в словах со вторым элементом десубстантивным или девербальным (от глаголов с ограниченным, строго определенным кругом значений).

2. При рассмотрении сложных слов dvandva возникает вопрос о соединении однородных членов предложения. В санскрите однородные члены предложения либо образуют сложные слова dvandva, либо соединяются без способа словосложения и с употреблением союза са «и». Наша задача — исследовать однородные члены предложения, не соединяющиеся в dvandva, и в некоторых случаях установить причины, по которым это соединение невозможно.

Останавливаясь на однородных членах предложения, мы рассматриваем те из них, которые по роли в предложении могли бы быть замещены сложением dvandva. Следуя намеченной ранее последовательности при рассмотрении интересующего нас явления, начнем с рассмотрения существительных, выступаю-

щих как однородные члены предложения. Как показал исследуемый материал, существительных, являющихся однородными членами, не соединенных в dvandva, очень ограниченное количество. Это, во-первых, слова, которые необходимо по смыслу особо выделить. Например: mātrā pitrā ca subhr̥çam duḥkhitābhūtāham rūgā upālabdhah (Mbh. III, 298, 86) «(и) матерью, и отцом, сильно опечаленными, я прежде был порицаем...».

Во-вторых, это существительные, не соединенные в dvandva, так как к ним есть определения. Определения могут быть:

1) только к одному из однородных членов (Mbh. III, 298, 95);

2) разными к каждому из однородных членов (Mbh. III, 298, 72) или

3) одними и теми же к каждому из однородных членов, в случае, если на них делается смысловой акцент (Mbh. III, 298, 91).

Прилагательные как однородные члены предложения очень распространены в самостоятельном употреблении, а не в соединении dvandva. Однородные прилагательные могут быть выражены: 1) непроизводными прилагательными с отвлеченным, оценочным значением (Mbh. III, 298, 42) или непроизводным и отлагольным прилагательным (Mbh. III, 298, 77); 2) этими же определениями с отлагольным определением, которое может быть расширено употреблением орудийного или винительного падежей (там же); 3) непроизводным или отлагольным прилагательным и определением, выраженным сложным словом (Mbh. III, 298, 71, 76); 4) только сложными словами (Mbh. III, 298, 40).

Наиболее часто встречаются однородные прилагательные, выраженные непроизводным прилагательным и расширенным девербальным прилагательным (причастием) с зависящими от него членами, или прилагательные, представляющие сочетания простого и сложного слов (см. выше примеры 2 и 3). Наиболее редки сочетания непроизводных и нераспространенных отлагольных прилагательных. Употребление сложных слов как однородных определений связано с усложненным, иногда искусственным характером повествования в эпическом произведении.

Как однородные существительные в функции определения должны рассматриваться и многочисленные приложения. В языке эпического произведения они очень распространены в сочетаниях с другими видами определения. В таких сочетаниях они могут состоять из большого числа имен существительных (см. начальные части любого эпического повествования). С другими способами определения приложения редко бывают двучленными, еще реже трехчленными. Вообще же количество однородных определений неограниченно, но особенно часто встречаются двух- и трехчленные определения, независимо от способов их выражения. Одно обычно стоит в контактном положении по отноше-

нию к определяемому, другие могут быть рассеяны по всему предложению, что придает ему своеобразное строение, облегчавшее, очевидно, восприятие усложненного предложения на слух, например

*mātātmajam satyavatastathaurasam bhaved ubhābhyaṁ
iha yaikulodvaham*

çatām sutānām balavīgaçālinām (Mbh. III, 298, 46)

«Пусть будет у меня и Сатьявана, у нас обоих, родная, собственная, которая продолжит род сотня сыновей, обладающих силой и мужеством». (Русский перевод не дает почти никакого представления о своеобразном строении такого предложения.)

Краткий обзор интересующих нас однородных членов предложений показывает:

1. Существительные, являющиеся однородными членами, не подвергаются соединению их в dvandva в случае их особой значимости в предложении и при наличии определений к одному или ко всем однородным членам, что составляет небольшое количество случаев.

2. Наиболее часто встречаются однородные прилагательные. Они представлены непроизводными прилагательными с отвлеченным значением или девербальными прилагательными. Чаще же они встречаются как сочетания с распространенными причастиями и сложными словами в качестве определения. В сочетаниях с этими видами определений нередки однородные приложения.

3. Как очень древнее и вместе с тем живое и для эпического санскрита, и для современных индийских языков явление, слова dvandva тесно связаны с другими видами сложных слов, располагая одинаковым лексическим материалом с одними и входя в состав других.

В словах dvandva установлено наличие двух групп, отличающихся как по содержанию, так и по внешнему оформлению. Более древняя — первая из этих групп. Собственно она и представляет настоящее сложное слово, состав которого не может быть случайным, а обусловлен значением каждого из составляющих его элементов¹². Отношения между элементами основаны на сходстве или на различии, но в результате соединения их получается одно понятие, одно слово с собирательным, обобщающим значением, будь то соединение имен существительных или прилагательных:

mātāpitāga «мать и отец», т. е. «родители»,

naktadivyam «ночь и день», т. е. «сутки»,

çuamatavadata «черно-белый», т. е. «серый» и др.

В языке такие слова воспринимались как цельные лексические единицы. Это доказывает то, что при перечислении они

¹² Еще Speyer отмечал: «In the archaic dialect the freedom of making dvandas was very little» (Speyer 1886: 147).

употребляются наряду с простыми словами, причем все они как однородные члены предложения не соединяются и в то же время dvandva не разлагается на два слова при таком перечислении: sarve rājānāḥ ksatriyāḥ putrapautrināḥ (Mbh. III, 298, 60) «все цари, воины, дети и внуки...».

Итак, в первой группе dvandva могут быть лишь близко связанные по значению слова, образующие при их соединении слово с обобщающим значением. Все древние dvandva двучленны. Архаизм первой группы dvandva подтверждается исследованием ведийских гимнов. В гимнах «Ригведы» встретились только dvandva первой группы, такие, как dyavapṛthivi «небо и земля» — 1.115 1/, 3/ и др.

В классическом санскрите с его изысканной или научной тематикой и лексикой, далекой от лексики разговорного языка, dvandva первой группы не употребляются. Но устойчивые значения, какие мы находим в санскрите в тексте с бытовой лексикой и какие употреблялись, конечно, в разговорном языке, сохранили модель dvandva первой группы до настоящего времени. В новоиндийских языках по этой модели образованы слова mā-bāp «мать и отец», т. е. «родители»; din-rāt «день и ночь», т. е. «сутки», и, очевидно, позже возникшие по этой же модели слова kaha-sunā «говорение и слушание», т. е. «разговор»; iduog-vyavasay «промышленность и торговля» и др.

Вторая группа dvandva в санскрите выступает как синтаксический способ соединения существительных или прилагательных как однородных членов предложения. Никакой смысловой обусловленности между элементами сложного слова нет, число их неограниченно. Такие dvandva синонимичны с конструкциями союза «са». Обычно они и употребляются, чередуясь с «са»:

vicitrāni ca vasansi pravaravaranāni ca

kambalajinaratnāni rākavastarapāni ca (Mbh. I, 131)

«И различные одежды, и (верхняя) одежда и одеяния, и сокровища из шерстяных тканей и кожи, и (шерстяные) покрывала и ковры».

Dvandva употребляется там, где нет определения к однородным членам предложения. Подобный синтаксический способ соединения однородных элементов получил внутри сложных слов широкое распространение.

Употребление внутри уже сложившегося типа слов указывает на более позднее употребление в языке dvandva второй группы. Однако следует указать на неупотребительность dvandva с теми немногочисленными tātpurusa-существительными, которые образовались от глагола, сохранили смысловую связь с ним, и, следовательно, отношения II и I элементов — глагольно-объектные (см., например, Mbh. I, 65). Способом dvandva не соединяются внутри tātpurusa-существительных имена собственные (см., например, Mbh. I, 46).

Наиболее широкое распространение получили в эпическом санскрите dvandva второй группы. Их породили живописные описания, перечисления, повторы, характерные для стиля эпохи, и поэтому вместе с эпическим санскритом такие dvandva уходят из языка.

В типе основосложения dvandva особый интерес представляют соединения прилагательных. Dvandva, состоящие из прилагательных, относятся только к первой группе, т. е. к более архаичной группе dvandva. Любые прилагательные не могут соединяться в dvandva. Как было установлено, они находятся в смысловой связи друг с другом по принципу ясно выраженного сходства, противоположности или дополнения друг друга.

Исследование однородных членов предложения, не соединенных в dvandva, показало, что в массе это однородные прилагательные. Если при соединении имен существительных архаичный вид основосложения dvandva стал употребляться как синтаксический способ соединения однородных существительных и тем самым явился продуктивным способом основосложения в период эпического санскрита, то соединение в dvandva имен прилагательных осталось возможным только как архаичный способ соединения семантически связанных однородных определений. Способствовала этому ограниченность категории прилагательных в санскрите как определений только качественных, тогда как определения через отношение или принадлежность выражались иным образом. Появление распространенных причастных конструкций или сложных слов (*taṭpurusa*, *karmadhāgaya*) в качестве определения исключает возможность соединения их в dvandva. Практически если к слову имеется больше чем два определения, то среди них обязательно встретится причастная конструкция с падежом или сложное слово.

Несоединяемость определений в dvandva стала обычной для эпического санскрита. Поэтому при наличии двух простых прилагательных они тоже часто не соединяются в dvandva. Они бывают обычно определениями со стороны постоянного признака (прилагательное) и временного (причастие).

Соединение двух или нескольких прилагательных в dvandva может встретиться в классическом санскрите. Например, у Каlidасы (Çāk. I, 17): *idam... avyājatamanoharam vapus* «это... естественное и очаровательное создание...» Но такие соединения прилагательных представляют уже отличительную особенность классического санскрита, искусственно перегруженного основосложением и не отражающего естественный ход развития индийских языков.

Итак, в эпическом санскрите прилагательные в dvandva не соединяются, сохранились лишь старые сочетания прилагательных dvandva, в которых, очевидно, сохранился и наиболее древний слой качественных прилагательных. Оказывается, что в составе dvandva встречаются те прилагательные, которые упот-

ребляются в составе слов *bahuvrīhi*, образованных на основе *karmadhāraya*. В таких словах *bahuvrīhi* сохранился старый тип сложения существительного и прилагательного, что подтверждается и сохранением тех же прилагательных в составе архаичных *dvandva*, т. е. можно уловить среди прилагательных санскрита группу наиболее древних. Это качественные прилагательные, о которых мы знаем по сохранению их в *bahuvrīhi* на основе *karmadhāraya* и в *dvandva* и которые употребляются иногда самостоятельно. Прилагательные более позднего происхождения — производные прилагательные — в большинстве случаев в сложные слова не соединяются.

РАЗДЕЛ V НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Приступая к исследованию сложения основ, мы высказывали предположение, что функции основосложения связаны со своеобразием языка в целом и служат важным показателем при его типологической характеристике.

Ведущим при исследовании основосложения был семантический подход. Основосложение впервые было рассмотрено на фоне функционально подобных ему явлений. Были исследованы прилагательные, атрибутивные словосочетания, в частности конструкции с родительным падежом, копулятивные словосочетания.

Впервые сложные слова исследовались в контексте с применением метода внутрисистемного сравнения. В результате полученные данные позволяют, как нам кажется, по-новому взглянуть насложившуюся типологическую характеристику санскрита и высказаться по этому вопросу достаточно нетрадиционно.

Разумеется, сама по себе задача уточнения типологического статуса санскрита должна являться предметом особого исследования. В исследовании же по словообразованию мы ограничимся лишь формой выводов из рассмотренного материала.

1. Наблюдения над основосложением в эпическом санскрите показали, что сложные слова выполняют синтаксические функции.

Слова *tatpurusa*-существительные, являющиеся наименованиями неодушевлённых предметов, представляют собой определения через отношение и образованы по архаичной словообразовательной модели. Слова *tatpurusa*-существительные, представляющие собой наименования одушевлённых предметов, являются архаичным способом посессивного определения. Было также установлено, что тот же тип определения у существительных — наименований неодушевлённых предметов — выражается конструкцией с родительным падежом в случае, если обозначается принадлежность лицу.

Существительные *karmadhāraya* представляют собой определения абстрактных понятий, иногда конкретного предмета, с ограниченным набором прилагательных в качестве первого элемента сложного слова. Сложные прилагательные *bahuvgīhi*, образованные на основе слов *karmadhāraya*, выступают в массе своей как притяжательно-относительные определения одушевленных предметов: определения внешности или определения черт характера, внутренних качеств лица. Как определения неодушевленных предметов *bahuvgīhi* выступают очень редко и только в роли определений отвлеченных понятий. Большинство *bahuvgīhi* образовано на основе *karmadhāraya*-существительных конкретного значения, которые самостоятельно в языке не употребляются.

Прилагательные *taṭpurusa* вдвое превосходят группу прилагательных *karmadhāraya*: Эти типы сложных прилагательных служат главным образом определениями одушевленных предметов, реже — отвлеченных понятий и только в единичных случаях — конкретных предметов. Они имеют вторым элементом в подавляющем большинстве случаев производное отглагольное образование. Первый элемент прилагательных *karmadhāraya* выражает «признак признака», т. е. является формой существования наречий качественных и интенсивности.

Dvandva функционально аналогичны синтаксическим конструкциям с союзом «са». В двучленные *dvandva* соединяются основы существительных и реже непроизводных качественных прилагательных. Соединяющиеся основы семантически взаимообусловлены. Последний элемент стоит в форме *Sg. p.* или *du*. *Dvandva* в эпическом санскрите не синонимичны конструкциям с союзом «са». Многочленные *dvandva* семантически менее связанны, встречаются сочетания из трех и более основ, и последний элемент стоит в форме *pl*.

Тип *dvandva* встречается внутри сложных слов *taṭpurusa* и в немногих *bahuvgīhi*, образованных на основе *taṭpurusa*.

2. При исследовании подсистемы сложных слов санскрита становится очевидным наличие в ней двух исторически различных пластов словообразовательных моделей. Наиболее древний представляют существительные *taṭpurusa* и существительные *karmadhāraya*, прилагательные *bahuvgīhi*, образованные на их основе, прилагательные *taṭpurusa* с последним элементом — корнем и двучленные *dvandva*. Более поздний пласт составляют остальные прилагательные *taṭpurusa* и все прилагательные *karmadhāraya*, многочленные *dvandva* и сложные слова, использующие *dvandva* в своей структуре. Доказательства этому были приведены в разделах III главы, посвященных рассмотрению соответствующих типов сложения основ.

Следы древнейшего языкового состояния проглядывают в ряде явлений индоевропейских языков, что не раз отмечалось лингвистами. Так, А. Мейе писал: «Сквозь индоевропейский тип,

столь законченно флексивный, можно обнаружить существование более раннего типа с мало и вовсе не изменяющимися формами, остатками которого являются первые части сложных слов... Формы именительно-винительного падежа среднего рода, некоторые формы именительного падежа одушевленного рода, личные местоимения, числительные от «5» до «10» (Mailett 1938: 208).

Л. Г. Герценберг, рассматривая с позиций сравнительно-исторического языкоznания теорию Э. Бенвениста, предложившего описание явлений сложения по ряду оппозиций и устанавливающего таким образом отношения между компонентами сложения, характеризующие «сублогическую основу» языка¹³, дает ей иное толкование. «Отмеченные типы отношений выявлены на материале сложных слов, свойственных индоевропейским языкам, — пишет Герценберг. — При этом регенерационные закономерности заставляют предполагать, что композиты существовали и на самых дальних реконструируемых уровнях. На это же указывает известное из авестийского материала выделение основ из слов и вхождение их в состав композитов, т. е. образование сложных слов по готовым моделям, о значительной древности композитов говорит и закон Каланда в истолковании Семерены (Szemerédy 1980: 177). Приведенные соображения наводят на мысль о том, что рассматриваемые отношения принадлежат не столько к «сублогической» или «глубинной» структуре языка, сколько предшествующему этапу его развития» (Герценберг 1972: 265—266).

На основе ряда фактов, и корнесложения в том числе, Н. Д. Андреев выдвигает гипотезу об изолирующем строении РИЕ — праязыка. «Следствием этой гипотезы, — пишет Н. Д. Андреев, — является концепция бинома, т. е. двухкорневого сложения как основной формы РИЕ производного слова — формы, давшей начало всем последующим видам словообразования, включая детерминативное и аблautное» (Андреев 1978: 51).

Обсуждение этих вопросов, чрезвычайно сложных и в не меньшей мере спорных, увело бы нас за рамки темы исследования. Мы приводим некоторые из имеющихся в настоящее время точек зрения лишь для того, чтобы показать всю сложность вопросов генезиса основосложения.

Исследованный нами материал позволяет заключить, что по крайней мере более древний из установленных выше двух исторических пластов сложных слов связан со строем праиндоевропейского, в известной степени отражает архаичные черты его.

Наблюдения над основосложением эпического санскрита заставляют отойти от бытовавшего со временем работ Грассмана

¹³ Отношения включения, когерентности и следования (Bénveniste 1968). Интересная теория Бенвениста нашла признание отечественных ученых в работах по деривационной ономасиологии (Языковая номинация 1977: 230, 231).

и Якоби мнения о происхождении сложения из морфологически оформленных синтаксических конструкций. Сложные слова, которые могли бы возводиться к синтаксическим конструкциям (*uneigentliche Composita*), фиксируются в санскритских грамматиках (Whitney, Wackernagel — Debrunner) как редкое и, несомненно, сравнительно позднее явление. В исследованных нами текстах *uneigentliche Composita* не встречались. Можно было бы указать на отдельные сложные слова, оформленные как компоненты словосочетаний¹⁴, но объединенные единым ударением и выступающие как единая словоизменительная основа. Например, *ahamkāra* m. «чувство собственного достоинства, самоуважение» — СРС. 86 (*aham*-«я», *kāra*<*kar* «делать»); *itihāsa* m. «рассказ; легенда, эпическая поэма; история» (букв. «так это было») — СРС. 107; *kimkāra* m. 1) «раб» 2) «слуга» — СРС. 162 (*kim* «что?» *kāra*<*kar* «делать»), *namaskāra* m. 1) «почитание» 2) «уважение...» — СРС. 315 (*namas* n. 1) «поклон» 2) «поклонение» 3) «почтение...»; *kāra*<*kar* «делать», возникшее из словосочетания *namas kar a*) «почтить» б) «восхвалять» — СРС. 315, и некоторые другие отдельные образования, интересные как своеобразные наименования с бинарной ономасиологической структурой.

Мы говорим о синтаксическом характере сложных слов санскрита не в том смысле, что они возникли из синтаксических конструкций, а потому, что они представляют собой особый типологически значимый синтаксический прием.

3. Известно, что «каждый язык в той или иной мере полиптичесчен» (Общее языкознание 1972: 519)¹⁵. Если подходить к рассмотрению языковых явлений в их системе, то делается очевидным, что «в каждом естественном языке существуют черты, присущие некоторым типам, поэтому соотнесение отдельного языка с определенным типом почти всегда в некоторой степени условно, произвольно» (там же).

Специальных работ, посвященных типологической характеристике санскрита на основе современной методики исследования, нет. Рассмотрение монофункциональных словообразательных способов, т. е. способов, в целом не характерных для флексивных языков, указывает на типологическое своеобразие санскрита. На то, что в санскрите имеются не только черты, характерные для флексивных языков, указывалось в литературе (см., например, Успенский 1965), однако подобное высказывание требует подкрепления фактами.

Рассмотрение основосложения эпического санскрита показало следующие характерные черты его: 1) основосложение распространено у существительных и прилагательных, т. е. у именных разрядов слов; 2) сложение основ происходит без употреб-

¹⁴ М. Д. Степанова называет такие сложные слова *сдвигами* (Степанова 1953: 117).

¹⁵ Признание этого факта характерно, в частности, для советских лингвистов (Скаличка 1963: 33).

лений дополнительной морфемы на стыке основ; 3) сложные слова являются сочетанием двух и более именных основ, при котором синтаксически (т. е. как член предложения) оформлен только последний компонент сложения; 4) основосложение существует в санскрите наряду с широко развитой падежной системой; 5) большая часть сложных слов находится с подобными им падежными конструкциями в отношении дополнительной дистрибуции.

Своеобразие санскрита состоит в существовании в нем, в языке с богато развитой системой форм словоизменения и с высокой степенью синтетизма, сочетаний именных основ, почти неограниченно образуемых во всех семантических сферах лексики и функционально тождественных словосочетаниям с атрибутивной и копулятивной связью, но не синонимичных им. Подобного рода сочетания известны по языкам; они используются наряду с другими способами сочетания слов в предложении. Аналогичное явление было описано, например, И. И. Мещаниновым на материале чукотского и корякского языков (Мещанинов. 1962: 24—31).

4. В типологическом языкознании давно отмечен и неоднозначно толкуется лингвистический феномен, именуемый инкорпорированием. «Этим названием, — пишет В. Скаличка, — обозначают тесную связь двух синтаксически зависимых слов, которая так тесна, что можно говорить о сложном слове. Речь идет прежде всего о сочетаниях глагола с его объектом или обстоятельством, затем — о сочетании имени с его определением» (Skalička 1968: 275).

Глагольные инкорпорирующие комплексы изучены достаточно полно (советскими языковедами — прежде всего на материале палеоазиатских языков). Что же касается, видимо, более редких именных инкорпорирующих комплексов, то они часто даже и не упоминаются при описании явления инкорпорирования (см., например, Милевский 1963: 27; Общее языкознание 1972: 530). Между тем именное инкорпорирование при рассмотрении его по конкретным языкам имеет определенные сходные признаки, на основании которых оно может быть выделено как особый типологически значимый синтаксический прием.

Признаками именного инкорпорирования являются выражение атрибутивных отношений, сочетание двух основ (или корней) в одно слово, причем сочетание происходит без помощи другой морфемы; оформление в качестве члена предложения только последней основы (корня). В. Скаличка считает к тому же, что существование именного инкорпорирования в языках связано со слабым противопоставлением в них аутосемантических и синсемантических элементов (Skalička 1968: 276).

Перечисленные признаки в целом совпадают с характерными чертами основосложения санскрита, данными выше.

Образование слов *taṭpiruṣa*, *karmadhāraya* и *dvigu* можно интерпретировать как случаи именного инкорпорирования. Оно

же характеризует, по нашему мнению, слова *baḥuvṛ̥ī*, противопоставленные вышеназванным типам по признаку «одноплановость» — «двуплановость» (Benveniste 1968), и слова *dvandva*, противопоставленные всем прочим типам сложных слов по признаку «сочинение» — «подчинение» (там же).

При этом следует подчеркнуть, что мы понимаем инкорпорирование в том смысле, в каком писал о нем В. Скаличка: «Инкорпорирование, рассматриваемое с точки зрения типологии, представляет собой важное явление. Его можно, конечно, эмпирически отрицать. Часто оно проявляется в ослабленной форме (субинкорпорирование). Теоретически же оно имеет большое значение. Его можно использовать для интерпретации различных явлений в языках» (Skalička 1968: 279).

Рассмотрение основосложения имен существительных и прилагательных санскрита в синхронии позволило увидеть архаичные черты в системе санскритского словообразования, позволило уловить историческую соотнесенность различных типов сложных слов, установить их функции в системе языка и их отношение с аналогичными синтаксическими явлениями. Принимая определение инкорпорирования, предложенное В. Скаличкой, мы считаем возможным интерпретировать основосложение санскрита как явление именного субинкорпорирования.

* * *

Перспективы изучения словообразования, которые вырисовываются на пути, намеченном в нашей работе, связаны с проблемами типологических исследований, с задачами ономастиологии и «ближней этимологии». Предпринятое исследование открывает также перспективы изучения явлений индийского словообразования в диахронии. С одной стороны, открывается возможность заглянуть в историю словообразования в древних индоевропейских языках, в индоиранском и в общеиндоевропейском. С другой стороны, вырисовывается путь исследования словообразования в направлении к современности, что представляет теоретический интерес и имеет большое практическое значение при изучении системы словообразования новоиндийских языков. Таким образом, перспективы исследования словообразования в диахронии, вытекающие из синхронного изучения явления, важны как для работы с языками современной Индии, так и для целей сравнительно-исторического языкознания и типологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексидзе Э. Г. Формоизменяемые слова в древнейшем.— Тбилиси, 1978.— 86 с.
- Андреев Н. Д. Периодизация истории индоевропейского языка // Вопросы языкознания.— 1957.— № 2.— С. 3—18.
- Андреев Н. Д. Ранненидоевропейские корни с велярными спирантами // Вопросы языкознания.— 1978.— № 5.— С. 46—54.
- Апресян Ю. Д. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики // Проблемы структурной лингвистики.— М., 1963.— С. 102—149.
- Апресян Ю. Д. Принципы семантического описания единиц языка // Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та.— 1980.— Вып. 519.— С. 3—24.
- Аракин В. Д. Типологические особенности словообразовательной системы в некоторых языках индонезийской группы // Языки Юго-Восточной Азии.— М., 1967.— С. 193—212.
- Арутюнова Н. Д. Статьи Г. Марчанда по теории синхронного словообразования // Вопросы языкознания.— 1959.— № 2.— С. 127—131.
- Аспекты семантических исследований.— М., 1980.— 356 с.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов.— М., 1966.— 606 с.
- Бархударов А. С. Словообразование в современном литературном хинди // Краткие сообщения Ин-та востоковедения.— М., 1956.— С. 34—48.
- Бархударов А. С. Об отмирании префиксаций в индоарийских языках // Учен. зап. Ин-та востоковедения.— М., 1958.— Т. 13.— С. 63—128.
- Бархударов А. С. Санскритские элементы в современном литературном хинди // Хинди и урду. Вопросы лексикологии и словообразования.— М., 1960.— С. 3—117.
- Бархударов А. С. Новосанскритские форманты— слова-суффиксы (К вопросу о новосанскритском словообразовании в современном литературном хинди).— М., 1960а.— 27 с.
- Бархударов А. С. Словообразование в хинди.— М., 1963.— 192 с.
- Бархударов А. С. К вопросу о способах передачи новой терминологии в хинди // Краткие сообщ. Ин-та народов Азии.— Т. 62. Языки Индии.— М., 1964.— С. 14—35.
- Бархударов А. С. Санскритские универсалии современного хинди // Языковые универсалии и лингвистическая типология.— М., 1969.— С. 322—331.
- Бархударов А. С. Новосанскритизмы современного хинди (К вопросу о выделении категории новосанскритизмов в лексике литературных новоиндийских языков) // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. Памяти В. С. Воробьева-Десятевского.— М., 1974.— С. 211—224.
- Бархударов А. С. Санскритизация индоарийских языков в лингвоистическом аспекте // Санскрит и древнеиндийская культура.— М., 1979.— С. 32—44.
- Бескровный В. М. О роли санскрита в развитии новоиндоарийских литературных языков // Современные литературные языки стран Азии.— М., 1965.— С. 62—81.
- Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст.— Л., 1971.— 114 с.
- Бондарко А. В. Формообразование, словоизменение и классификация морфологических категорий (На материале русского языка) // Вопросы языкознания.— 1974.— № 2.— С. 3—14.
- Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Избр. труды. Исследования по русской грамматике.— М., 1975.— С. 166—220.

- Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку.—М., 1959.—С. 14—32.
- Волоцкая З. М. К описанию системы деривативных значений (Опыт применения компонентного анализа) // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков.—М., 1973.—С. 105—117.
- Гамкелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы.—Тбилиси, 1984.—Вып. 1.—С. 267—370.
- Герценберг Л. Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках.—Л., 1972.—274 с.
- Грамматика современного русского литературного языка.—М., 1970.—С. 767.
- Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. О компонентном анализе значимых единиц языка // Принципы и методы семантических исследований.—М., 1976.—С. 291—313.
- Десницкая А. В. Архаические черты в индоевропейском словосложении // Язык и мышление.—М.—Л., 1948.—Т. XI. С. 53—64.
- Димири Дж. П. Индийская и русская филологическая традиция (Опыт сравнения на материале морфемного анализа): Автограф. канд. дис.—М., 1973.—32 с.
- Димири Дж. П. Принципы морфологического анализа в «Восьмикнижии» Панини // Вопросы языкоznания.—1976.—№ 5.—С. 74—80.
- Димири Дж. Панини и его «Восьмикнижие» // Народы Азии и Африки.—1973.—№ 6.—С. 96—103.
- Джадилова Ш. И. Термины родства и свойства в языке хинди: Автограф. канд. дис.—М., 1976.—17 с.
- Елизаренкова Т. Я. Ведийский и санскрит: к проблеме вариации лингвистического типа // Вопросы языкоznания.—1980.—№ 3. С. 22—35.
- Жирмунский В. М. Происхождение категории прилагательных в индоевропейских языках в сравнительно-грамматическом освещении // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз.—1946.—Т. V, вып. 3. С. 183—204.
- Зализняк А. А. Русское именное словообразование.—М., 1967.—370 с.
- Зализняк А. А. Грамматический очерк санскрита / Приложение к Санскритско-русскому словарю В. А. Кочергиной.—М., 1978.—С. 785—895.
- Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование.—М., 1973.—304 с.
- Земская Е. А., Кубрякова Е. А. Проблемы словообразования на современном этапе // Вопросы языкоznания.—1978.—№ 6.—С. 112—123.
- Зограф Г. А. От сравнительно-исторической к историко-типологической грамматике индоарийских языков // Санскрит и древнениндийская культура.—М., 1979.—С. 200—207.
- Иванов В. В., Топоров В. Н. Санскрит.—М., 1960.—134 с.
- Кальянов В. И. Классификация сложных слов в санскрите // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз.—1947.—Т. VI, вып. 1.—С. 77—84.
- Кальянов В. И. Некоторые особенности языка «Махабхараты» // Учен. зап. Тихookeан. ин-та.—М.—Л., 1949.—Т. II.—С. 206—215.
- Катенина Т. Е., Рудой В. И. Лингвистические учения в Древней Индии // История лингвистических учений. Древний мир.—Л., 1980.—С. 66—92.
- Кацнельсон С. Д. Историко-грамматические исследования. Ч. I. Из истории атрибутивных отношений.—М.—Л., 1949.—384 с.
- Кнауэр Ф. И. Учебник санскритского языка. Грамматика. Хрестоматия. Словарь.—Лейпциг, 1908.—296 с.
- Ковалчик И. И. Смысловая структура производного слова // Актуальные проблемы лексикологии.—Минск, 1970.—С. 98—99.
- Кочергина В. А. О некоторых сложных словах санскрита // Языки Индии.—М., 1961.—С. 13—90.
- Кочергина В. А. Введение в языкоznание (Материалы к курсу для восковедов).—М., 1970.—526 с.
- Кочергина В. А. Синтаксические конструкции с винительным падежом в

- эпической санскрите (Опыт внутрисистемного сравнения) // Instytut Orientalistyczny, Zaklad Iranistyki. — Warszawa, 1973. — С. 105—113.
- Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. — М., 1987. — 943 с.
- Кочергина В. А. Словообразование санскритского глагола и принципы его изучения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. XIII. Востоковедение. — 1979. — № 1. — С. 40—46.
- Кочергина В. А. Введение в языкознание. Фонетика — фонология. Грамматика. — М., 1979а. — 208 с.
- Кубрякова Е. С. Что такое словообразование. — М., 1965. — 77 с.
- Кубрякова Е. С. Еще раз о месте словообразования в системе языка // Актуальные проблемы русского словообразования. — Ташкент, 1975. — С. 48—52.
- Кубрякова Е. С. О формообразовании, словоизменении и словообразовании // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1976. — Т. 35. — № 6. — С. 514—526.
- Кубрякова Е. С. Семантика производного слова // Аспекты семантических исследований. — М., 1980. — С. 84—155.
- Кубрякова Е. С., Харитончик З. А. О словообразовательном значении и описании смысловой структуры производных суффиксального типа // Принципы и методы семантических исследований. — М., 1976. — С. 202—231.
- Кудрявский Д. Н. Начальный курс санскритского языка. — Юрьев (Дерпт), 1917. — 173 с.
- Лопатин В. В. Г. О. Винокур и советская словообразовательная наука // Русский язык в национальной школе. — 1967. — № 6. — С. 19—23.
- Лопатин В. В. К соотношению морфемного и словообразовательного анализа // Актуальные проблемы русского словообразования. — Самарканд, 1972. — С. 212—217.
- Лопатин В. В. О семантической структуре словообразовательного форманта // Русский язык: вопросы его истории и современного состояния. Виноградовские чтения. — М., 1978. — С. 78—89.
- Лопатин В. В., Улуханов И. С. К соотношению единиц словообразования и морфонологии // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. — М., 1969. — С. 119—132.
- Макаев Э. А. Структура слова в общенидоевропейском и германских языках. — М., 1970. — С. 283.
- Манучарян Р. С. Проблемы исследования словообразовательных значений и средств их выражения (На материале сопоставления русского и армянского языков): Автореф. докт. дис. — Ереван, 1975. — 52 с.
- Мартынов В. В., Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1976. — № 2. — С. 201—204.
- Мешков О. Д. Словообразование современного английского языка. — М., 1976. — 245 с.
- Мещанинов И. И. Агглютинация и инкорпорирование // Вопросы языкознания. — 1962. — № 5. — С. 25—32.
- Милевский Т. Предпосылки типологического языкознания // Исследования по структурной типологии. — М., 1963. — С. 3—27.
- Морфологическая структура слова в языках различных типов. — М.—Л., 1963. — 291 с.
- Мурясов Р. З. О словообразовательном значении и семантическом моделировании частей речи // Вопросы языкознания. — 1976. — № 5. — С. 126—137.
- Мурясов Р. З. О направлении производности и тождества деривационных морфем // Вопросы языкознания. — 1977. — № 6. — С. 119—125.
- Недзвецкая К. М. Пути развития лексики хинди: Автореф. канд. дис. — Л., 1953. — 18 с.
- Неразнак. Славянская компаративистика. Итоги и перспективы // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1980. — Т. 39. — № 3. — С. 242—251.
- Никитевич В. М. Субстантив в составе номинативных рядов (К проб-

- лёме деривационной грамматики): Автореф. докт. дис.— М., 1973.— 56 с.
- Общее языкознание. Внутренняя структура языка.— М., 1972.— 565 с.
- Общее языкознание. Методы лингвистических исследований.— М., 1973.— 318 с.
- Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования.— Л., 1967.— 323 с.
- Панов М. В. О слове как единице языка // Учен. зап. МГПИ им. Потемкина.— М., 1956.— Т. 51.— Вып. 5.— С. 129—165.
- Панов М. В. Словообразование // Русский язык и советское общество. Проспект.— Алма-Ата, 1962.— С. 52—68.
- Петров П. О свойствах и составе санскритского языка // Журн. Мин. нар. просв.— 1842.— № 3. Сер. II. Т. XXXIII.— С. 184—208.
- Попов К. А. Проникновение санскрита в Японию // Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. Материалы науч. конференции. 18—20 янв. 1965 г.— М., 1968.— С. 401—408.
- Постников М. В. Плену случайных метафор // Литературная газета.— 1980.— № 5.— С. 11.
- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике.— М., 1968.— Т. 3.— 551 с.
- Ревзина О. Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках.— М., 1969.— 154 с.
- Реформатский А. А. Принципы синхронного описания языка // О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков.— М., 1960.— С. 22—38.
- Реформатский А. А. Введение в языкознание.— М., 1967.— 542 с.
- Риттер П. Г. Краткий курс санскритской грамматики.— Харьков, 1904.— 112 с.
- Риттер П. Г. Санскрит.— Харьков, 1911.— 104 с.
- Рождественский Ю. В. Типология слова.— М., 1969.— 285 с.
- Савченко А. Н. Части речи и категория мышления.— Ростов, 1959.— 67 с.
- Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике.— М., 1974.— 352 с.
- Серебренников Б. А. Сводимость языков мира, учет специфики конкретного языка, предназначность описания // Принципы описания языков мира.— М., 1976.— С. 7—52.
- Словообразование и семантико-сintаксические процессы в языке // Межвуз. сборник науч. трудов.— Пермь, 1977.— 157 с.
- Словообразование и фразообразование. Тезисы докладов научной конференции.— М., 1979.— 178 с.
- Соболева П. А. Аппликативная грамматика и моделирование словообразования: Автореф. докт. дис.— М., 1970.— 60 с.
- Соболева П. А. Моделирование словообразования // Проблемы структурной лингвистики, 1971.— М., 1972.— С. 165—212.
- Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики.— М., 1975.— 311 с.
- Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка.— М., 1953.— 375 с.
- Степанова М. Д. О трансформационных моделях сложных слов в современном немецком языке // Иностранный язык в высшей школе.— М., 1962.— Вып. 1.— С. 40—47.
- Степанова М. Д. Структура слова и анализ по непосредственно-составляющим // Проблемы морфологического строя германских языков.— М., 1963.— С. 15—25.
- Степанова М. Д. Словообразование, ориентированное на содержание, и некоторые вопросы анализа лексики // Вопросы языкознания.— 1966.— № 6.— С. 48—59.
- Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики.— М., 1968.— 200 с.
- Степанова М. Д. Вопросы моделирования в словообразовании и усло-

- вия реализаций моделей // Вопросы языкоznания.— 1975.— № 4.— С. 53—63.
- Суник О. П. Общая теория частей речи.— М.— Л., 1966.— 128 с.
- Тихонов А. Н. Синхрония и диахрония в словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования.— Самарканд, 1972.— С. 351—379.
- Тронский И. М. Общениндонезийское языковое состояние.— Л., 1967.— 103 с.
- Трубецкой Н. С. Мысли об индоевропейской проблеме // Вопросы языкоznания.— 1958.— № 1.— С. 65—77.
- Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания.— М., 1977.— 256 с.
- Улуханов И. С. Словообразовательные отношения между частями речи // Вопросы языкоznания.— 1979.— № 4.— С. 101—110.
- Успенский Б. А. Структурная типология языков.— М., 1965.— 285 с.
- Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка.— М., 1968.— 272 с.
- Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. Общий курс // Фортунатов Ф. Ф. Избр. труды.— М., 1956.— С. 23—197.
- Харитончик З. А. Прилагательное: значение, словообразование, функции. Автореф. докт. дис. М., 1986.
- Челышев Е. П. К вопросу о путях формирования и развития лексики в современном литературном хинди // Учен. зап. Ин-та востоковедения.— М., 1958.— Вып. XII.— С. 143—178.
- Чхеидзе Т. Д. Именное словообразование в персидском языке.— Тбилиси, 1969.— 140 с.
- Шерцль В. И. Санскритская грамматика.— Харьков, 1873.— 123 с.
- Широкова А. Г., Нещименко Т. П. *Rez. M. Dokulil. Tvoření slov v češtine*, 2. Praha, 1966 // Вопросы языкоznания.— 1968.— № 6.— С. 135—140.
- Ширшов И. А. Проблемы словообразовательного значения в современной отечественной науке // Вопросы языкоznания.— 1979.— № 5.— С. 109—122.
- Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики.— М., 1973.— 280 с.
- Щерба Л. В. Избранные работы по языкоznанию и фонетике.— Л., 1958.— Т. 1.— 182 с.
- Языки Азии и Африки, I. Индоевропейские языки (хетто-ливийские, армянские, индоарийские).— М., 1976.— 342 с.
- Языковая номинация (Виды наименований).— М., 1977.— 356 с.
- Янко-Триницкая Н. А. Закономерность связей словообразования и лексического значения в производных словах // Развитие современного русского языка.— М., 1963.— С. 90—95.
- Ярцева В. Н. Взаимоотношения грамматики и лексики в системе языка // Исследования по общей теории грамматики.— М., 1968.— С. 5—57.
- Baldinger K. Kollektivsuffixe und Kollektivbegriff. Ein Beitrag zur Bedeutungslehre im Französischen mit Berücksichtigung der Mundarten.— Berlin, 1950.— 300 S.
- Benfey Th. Vollständige Grammatik der Sanskrit-Sprache zum Gebrauch für Vorlesungen und zum Selbststudium.— Leipzig, 1852.— 449 S.
- Benfey Th. Kurze Sanskrit-Grammatik zum Gebrauch für Anfänger.— Leipzig, 1855.— 360 S.
- Benveniste E. Origines de la formation des noms en indoeuropéen.— Paris, 1935 / Русский перевод: Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование.— М., 1955.— 260 с.
- Benveniste E. Fondements syntaxiques de la composition nominale // Bulletin de la Société de linguistique de Paris.— 1968.— Т. 62.— Fasc. 1.— P. 15—31.
- Böhlingk O. Die Unādi-Affixe / Hrsg. und mit Anmerkungen und verschiedenen Indices versehen von E. Böhlingk // Mémoires de l'Acad. imp. des sciences de St.-Pb. 1844. Sér. 6. Sciences polit., histoire, philologie. Т. 7. Р. 213—369.

- Böhtlingk O. und Roth R. Sanskrit-Wörterbuch.—St. Petersburg: 1855.—Bd. I.—1142 S.; III S.; 1858.—Bd. II.—1099 S.—II S.; 1861.—Bd. III.—1015 S.; 1862—1865.—Bd. IV.—1214 S.; 1865—1868.—Bd. V.—1678 S.; 1868—1871.—Bd. VI.—1506 S.; 1872—1875;—Bd. VII.—1822 S.
- Bopp F. Kritische Grammatik der Sanskrita-Sprache in kürzerer Fassung.—Berlin, 1868.—XV.—479 S.
- Brugmann K. und Delbrück G. Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen.—Straßburg, 1906.—Bd. II.—T. 1.
- Brugmann K. Zur Wortzusammensetzung in der indogermanischen Sprachen // Indogermanische Forschungen.—1905—1906.—Bd. 18.—S. 59—76.
- Burrow T. The Sanskrit language. London, 1955. 2nd Edition 1959 / Русский перевод: Барроу Т. Санскрит.—М., 1976.—410 c.
- Chakravarti P. Ch. The linguistic Speculations of the Hindus.—Calcutta, 1933.—469 p.
- Chatterji Suniti Kumar. Indo-aryan and Hindi.—Eight lectures originally delivered in 1940 before the Gujarat Vernacular Society, Ahmedabad.—Calcutta, 1960 / Русский перевод: Сунити Кумар Чаттерджи. Введение в индоарийское языкознание. Восемь лекций, прочитанных в 1940 г. в Гуджаратском обществе родного языка (Ахмадабад).—М., 1977.—252 c.
- Debrunner A. Altindische Grammatik.—Göttingen, 1954.—Bd. II.—T. 2. Die Nominalsuffixe.—966 S.
- Dharmendranath A. Upasarganāmākhātātamulata // Fifth World Sanskrit Conference, Varanasi, India: October 21—26, 1981. Summaries of Papers.—Delhi, 1981.—P. 26—29.
- Dokulil M. Trojeni slov v češtine. 1. Teorie odvozování slov.—Praha, 1962.—264 c.
- Dokulil M. Zum wechselseitigen Verhältnis zwischen Wortbildung und Syntax // Travaux lingustique de Prague.—1964.—T. I.—S. 215—224.
- Dokulil M. Tvoření slov v češtine. 2. Odvozování postatných jmen.—Praha, 1967.—780 c.
- Dokulil M. Zur Frage der Stellung der Wortbildung im Sprachsystem // Slovo a slovesnost.—Praha, 1968.—T. XXIX.—N 1.—C. 9—16.
- Flexion und Wortbildung. Akten der V Fachtagung der indogermanischen Gesellschaft. Regensburg. 9—14 Sept. 1973.—Wiesbaden, 1975.—389 S.
- Grassmann H. Der Ursprung der indogermanischen Präpositionen // Zeitschrift für vergleichende Sprachwissenschaft auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen.—1877.—Bd. XXIII.—VI Heft.—S. 559—579.
- Greimas A.-J. Sémanistique structurale. Recherche de méthode.—Paris, 1966.—262 p.
- Halle M. Prolegomena to a theory of word formation // Linguistic Inquiry.—1973.—N 4.
- Hällig R. und Wartburg W. von. Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie.—Berlin, 1963.—315 S.
- Hartmann P. Nominale Ausdrucksformen im wissenschaftlichen Sanskrit.—Heidelberg, 1955.—238 S.
- Heimann B. The Significance of prefixes in Sanscrit philosophical terminology.—London, 1951.—V. 25.—99 p.
- Helbig P. und Schenkel W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben.—Leipzig, 2. Aufl., 1969.—311 S.
- Henzen W. Inhaltbezogene Wortbildung (Betrachtungen über «Wortnischen» und «Wortständen») // Archiv für das Studium der neueren Sprachen.—Braunschweig.—1957.—Bd. 194.—H. I. Mai.—S. 1—23.
- Holtzmann A. Grammatisches aus Mahabharata.—Leipzig, 1884.—50 S.
- Huke I. Die Wortbildungstheorie von Miloš Dokulil.—Gießen, 1977.—235 S.
- Jacobi H. Compositum und Nebensatz.—Bonn, 1897.—Bd. X.—127 S.
- Jacobi H. Über den nominalen Stil des wissenschaftlichen Sanskrit // Indogermanische Forschungen, 1903.—Bd. 14.—S. 236—251.
- Jaska. Nirukta of Jaska (With Nighantu) / Ed. by H. M. Bhadkamkar.—Bombay, 1918.—Bd. XIV.—838 p.

- Kale M. B. A Higher Sanskrit Grammar.—Bombay, 1918.—536 p. Appendix II: Dhatukośha.—156 p.
- Kastovsky D. Studies in syntax und word-formation // Selected articles by Hans Marchand.—München, 1974.—439 S.
- Katz J. J. and Fodor J. A. The Structure of a semantic theory // Language, 1963.—V. 39.—N. 2.—Part 1.—P. 170—210.
- Kielhorn F. A Grammar of the Sanskrit Language.—Bombay, 1896.—285 p.
- Kurilovicz E. Déivation lexicale et déivation syntaxique (Contribution à la théorie des parties de discours) // Bulletin de la société de linguistique de Paris.—1936.—T. 37 / Русский перевод: Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Очерки по лингвистике.—М., 1962.—С. 57—70.
- Lehmann W. P. Proto-Indo-European compounds in relation to other Proto-Indo-European syntactic patterns // Acta Linguistica.—Copenhagen, 1969.—V. XII.—T. 1.—P. 1—20.
- Leumann E. Einiges über Composita // Indogermanische Forschungen.—1897.—Bd. 8.—Heft 3—4.—S. 297—301.
- Leumann E. und J. Etymologisches Wörterbuch der Sanskrit-Sprache.—Leipzig, 1907.—Lieferung 1.—112 S.
- Lightner T. M. The role of derivational morphology in generative grammar // Language, 1975.—V. 51.—N 3.—P. 617—638.
- Lindner B. Altindische Nominalbildung.—Jena, 1878.—111 S.
- Macdonell, Arthur A. Sanskrit-English Dictionary.—New Delhi, First Indian edition 1979.—384 p.
- Marchand H. Synchronic analysis and word-formation // Cahiers Ferdinand de Saussure.—Geneve, 1955.—N 13.—P. 7—18.
- Marchand H. On the Description of Compounds // Word.—1967.—V. 23.—N 1—3.—P. 379—387.
- Marouzeau J. Lexique de la terminologie linguistique.—3e éd.—Paris, 1951 / Русский перевод: Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960.—435 c.
- Mayrhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen.—Heidelberg, Bd. 1. Lieferungen 1—8, 1953—1956.—970 S.; Bd. 2. Lieferungen 9—17, 1963.—699 S.; Bd. 3. Lieferungen 18—26.—1964—1976.—560 S.; Bd. 4. Register 1978—1980.—384 S.
- Mayrhofer M. Sanskrit-Grammatik mit sprachvergleichenden Erläuterungen.—Berlin, 1965.—110 S.
- Meier G. F. Ein Beispiel der Monosemierung durch noematische Textanalyse // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung.—Berlin.—1965. Bd. 18.—Hf. 1.—S. 51—59.
- Meillet A. Introduction à l'Etude comparative des Langues indo-européennes. Septième Edition refondue / Русский перевод: Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков.—М.—Л., 1938.—509 c.
- Misra V. N. The Descriptive technique of Panini.—The Hague—Paris, 1966.—175 p.
- Monier-Williams M. Sanskrit-English Dictionary // Originally Published—Oxford, 1899. First Indian Edition.—New Delhi, 1976.—1333 p.
- Motsch W. Zur Stellung der «Wortbildung» in einem formalen Sprachmodell. Studia Grammatica I.—Berlin, 1966.—114 S.
- Mylius K. Wörterbuch Sanskrit-Deutsch.—Leipzig, 1975.—583 S.
- Perspektiven der Wortbildungsforschung. Beiträge zum Wuppertaler Wortbildungskolloquium von 9—10. Juli 1976.—Bonn, 1977.—235 S.
- Panini. Panini's acht Bücher grammatischer Regeln. Herausgegeben und erläutert von Dr. Otto Böhlingk.—Bonin, 1839.—Bd. I.—666 S.; 1840.—Bd. II.—556 S.
- Patañjali. Patañjali's mahabhāṣya. Paspasahnika. Ed. with Engl. transl. notes and comment. by Kshitish Chandra Chatterji.—Calcutta, 1957.—138 p.

- Paul H. Das Wesen der Wortzusammensetzung // Indogermanische Forschungen.— 1903.— Bd. 14.— S. 251—258.
 Renou L. Grammaire Sanskrite. Phonétique — Composition, Déivation.— Paris, 1930.— 265 p.
 Renou L. La grammaire de Panini, traduite du sanskrit avec extraits de Commentaires indigènes par L. Renou.— Paris.— 1 Fasc. 1948; 2 Fasc. 1951; 3 Fasc. 1954.
 Renou L. Grammaire de la langue védique.— Lyon, 1952.— 454 p.
 Renou L. Observations sur les composés nominaux du Rgveda // Langage.— 1953.— V. 29.— N 3.— P. 231—236.
 Renou L. Histoire de la langue sanskrite.— Lyon—Paris, 1956.— 248 p.
 Richter O. Die unechten Nominalkomposita des Altindischen und Altiranischen // Indogermanische Forschungen.— 1898.— Bd. 9.— Hf. 1—2.— S. 1—62.
 Schrijnen Jos. Zu Zeitschr. 37, 277 ff. (дискуссия с Th. Siebs'ом по вопросу об s-mobile в древних индоевропейских языках) // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen.— 1905.— Hf. XXXVIII.— S. 138—142.
 Schrijnen J. Prothese // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen.— 1906.— Bd. 39.— S. 285—289.
 Shaki M. A Study on Nominal Compounds in Neu-persian.— Praha, 1964.— 115 p.
 Skalička V. O současném stavu typologie // Slovo a slovesnost.— 1958.— T. 3.— V. XIX / Русский перевод: Скаличка В. О современном состоянии типологии // Новое в лингвистике. Вып. III.— М., 1963.— С. 19—35.
 Skalička V. Wortschatz und Typologie.— Asian and African studies.— Bratislava, 1965.— V. 1.— P. 152—157.
 Skalička V. Die Inkorporation und ihre Rolle in der Typologie // Travaux Linguistique de Prague.— 1968.— V. III.— S. 275—279.
 Sköld H. The Nirukta, its place in old indian literature, its etymologies // Lund.— 1926.— 375 p.
 Speyer J. Sanskrit Syntax.— Leyden, 1886.— 402 p.
 Staal J. F. Word order in Sanskrit and universal grammar.— Dordrecht (Holland), 1967.— 98 p.
 Staal J. F. Sanskrit philosophy of language // History of linguistic thought and contemporary linguistics.— New York, 1976.— 816 p.
 Steinitz R. Adverbial-Syntax.— Berlin, 1969.— 206 S.
 Szemerényi O. Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft.— Darmstadt, 1970 / Русский перевод: Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание.— М., 1980.— 407 c.
 Thumb A. Hundubuch des Sanskrit. Mit Texten und Glossar.— Heidelberg, 1953.— Bd. 2.— 355 S.
 Tilak Chandragomin. Niपातव्ययोपसार्गवृत्ति.— Trirupati, 1951 / Русский перевод: Димри Дж. П. Индийская и русская лингвистическая традиция: Канд. дис.— М., 1973 — Приложение.
 Turner R. L., Turner D. R. A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages.— London, 1971.— 231 p.
 Vale R. N. Verbal Composition in Indo-Aryan.— Poona, 1948.— 324 p.
 Wackernagel J. Altindische Grammatik.— Göttingen, 1957.— Bd. II.— T. 1. Einleitung zur Wortlehre. Nominalkomposition.— 674 S.
 Weisgerber A. Grundzüge der inhaltsbezogenen Grammatik.— Düsseldorf, 1962.— 267 S.
 Whitney W. D. A Sanskrit Grammar, including both the classical language and the older dialects of Veda and Brahmana.— Leipzig, 1818; 5-th Edition — Leipzig, 1924. Reprinted: Delhi—Patna—Varanasi, 1973.— 551 p.
 Wotjak G. Untersuchungen zur Struktur der Bedeutung. Ein Beitrag zu Gegenstand und Methode der modernen Bedeutungsforschung unter besonderer Berücksichtigung der semantischen Konstituentenanalyse.— Berlin, 1971.— 343 S.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	3
<i>Принятые в работе сокращения</i>	4
ГЛАВА I. Введение в исследование санскритского словообразования	6
ГЛАВА II. Префиксация	49
РАЗДЕЛ I. Введение	49
РАЗДЕЛ II. Префиксальное словообразование имен существительных	59
РАЗДЕЛ III. Префиксальное словообразование имен прилагательных	82
РАЗДЕЛ IV. Префиксы в системе словообразования санскритских наречий	113
РАЗДЕЛ V. Некоторые выводы	129
ГЛАВА III. Основосложение	139
РАЗДЕЛ I. Введение	139
РАЗДЕЛ II. Основосложение у существительных	144
РАЗДЕЛ III. Основосложение у прилагательных	163
РАЗДЕЛ IV. Основосложение dvandva	183
РАЗДЕЛ V. Некоторые выводы	193
<i>Литература</i>	199

Научное издание

Кочергина Вера Александровна

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ САНСКРИТА

Зав. редакцией *М. Д. Потапова*

Редактор *В. Г. Щербакова*

Художник *В. Б. Гордон*

Художественный редактор *Л. В. Мухина*

Технический редактор *М. Б. Терентьева*

Корректоры: *И. А. Мушникова, Н. А. Можеева*

ИБ № 3603

Сдано в набор 02.08.89.

Подписано в печать 25.09.90.

Формат 60×90¹/₁₆. Бумага тип. № 2.

Гарнитура литературная. Высокая печать.

Усл. печ. л. 13.0. Уч.-изд. л. 14.81.

Тираж 1300 экз. Заказ 350. Изд. № 841.

Цена 2 р. 20 к.

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета.
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.

ПП «Чертановская типография» Мосгорпечать.
113545, Москва, Варшавское шоссе, д. 129а